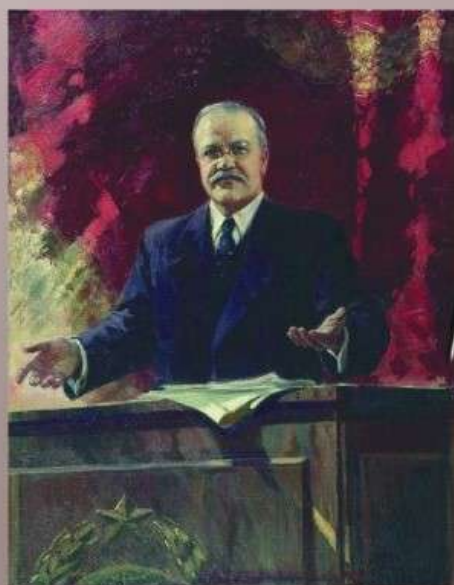

А. Л. Махнырёв

30 И 40 ЛЕТ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ: ЧТО ОТРАЗИЛОСЬ В ЗЕРКАЛАХ ЮБИЛЕЕВ РЕВОЛЮЦИИ?

А. Л. Махнырёв

**30 и 40
лет
Великого Октября:
что отразилось
в зеркалах
юбилеев революции?**

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2019

УДК 94(470-25)
ББК 63.3(2)622.72
М 36

*Моим наставникам
в исторической науке
посвящается эта книга*

м 36 Махнырёв А. Л.

30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции? — М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — 162 с.

ISBN 978-5-4469-1587-3

Книга историка Антона Леонидовича Махнырёва на основе многочисленных архивных материалов, впервые введенных в научный оборот исследователем, представляет те идеи и образы, которые несло в себе празднование 30-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции, и то, каким изменениям был подвергнут сталинский «проект памяти» о революции к 40-летию Великого Октября — в переломное для страны хрущёвское время. Она является продолжением книги того же автора «800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы» (2017).

Издание адресовано историкам, преподавателям, аспирантам, студентам гуманитарных специальностей и всем тем, кто глубоко интересуется Советской эпохой в истории нашего Отечества.

**УДК 94(470-25)
ББК 63.3(2)622.72**

ISBN 978-5-4469-1587-3

© А. Л. Махнырёв, 2019

© Издательство «Нестор-История», 2019

Содержание

ОТ АВТОРА.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	8

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЗЕРКАЛО ПЕРВОЕ

Празднование 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции.....	17
§ 1. Влияние политических факторов на организационный процесс подготовки историко-юбилейных мероприятий	17
§ 2. Основы идеологической концепции юбилея 30-летия Великого Октября в программных текстах	24
§ 3. Особенности политико-идеологического содержания историко-юбилейных мероприятий	32
§ 4. Характерные черты общественных настроений по поводу юбилея Великого Октября	52
§ 5. Результаты увековечивания памяти 30-летия Советской власти	63

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗЕРКАЛО ВТОРОЕ

Празднование 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции.....	68
§ 1. Процесс организации Октябрьского юбилея и политический контекст	68
§ 2. Трансформации юбилейной идеологической концепции	72
§ 3. Новые политико-идеологические тенденции в содержании мероприятий в честь 40-летнего юбилея Великого Октября	85
§ 4. Изменения общественных настроений по поводу юбилея Октябрьской революции	117
§ 5. Проблемы увековечивания памяти 40-летия Великого Октября	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	136
ПОСЛЕСЛОВИЕ	141
ПРИЛОЖЕНИЯ	142
ПРИМЕЧАНИЯ	145

ОТ АВТОРА

Уважаемые читатели!

Книга, которую вы сейчас держите в своих руках, — это часть моего большого научного труда. Этот труд вылился в написание кандидатской диссертации «Роль и место исторических юбилеев в общественно-политической жизни СССР (1945–1964 гг.)», защищенной в стенах Московского городского педагогического университета в 2015 г. На основе части материалов диссертации в 2017 г. была издана книга «800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы»¹. Своеобразным ее не только хронологическим, но и содержательным, идейным продолжением является данная книга.

* * *

Как автору, мне хотелось бы дать некоторые пояснения к формулировке названия настоящей книги.

В первой части названия фигурирует выражение «30 и 40 лет Великого Октября», и далее эти годовщины революции названы юбилеями. Следует оговориться, тут присутствует интересный казус. Дело в том, что 30-ти и 40-летние годовщины Великой Октябрьской социалистической революции: строго по советскому законодательству не являлись юбилеями (если считать таковыми даты 50, 100 и более лет с события).

Однако четкое введение 50-летней периодичности отмечания «памятных дат исторических событий» было установлено Постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О наведении порядка в праздновании юбилеев» от 12 декабря 1958 г.², а закон, как известно, обратной силы не имеет.

Юбилеи революции — не вполне *исторические* юбилеи, а скорее идеолого-политические мероприятия (причем намного более строго канонизированные, чем юбилеи событий из дореволюционной истории, такие как 300-летие воссоединения Украины с Россией (1954) или 150-летие Отечественной войны (1962), также рассмотренные в диссертации).

Однако, несмотря на вышесказанное, круглые даты Октября³ воспринимались властью и обществом как юбилеи, ввиду того что

7 ноября — это ежегодно отмечаемая с первых лет Советской власти годовщина не только Великой Октябрьской социалистической революции, но и Дня рождения самого Советского государства. Этого взгляда придерживается и автор настоящей книги.

Исходя из такого значительного места данного праздника в советскую эпоху, любые заметные изменения во внутри- и внешне-политическом курсе государства, конечно же, отражались на «политике памяти» касательно Великого Октября и далее — на подготовке и проведении Октябрьских торжеств, увековечивании их памяти, а также, как непосредственно, так и опосредованно, на общественных настроениях по юбилейному поводу.

Особенно интересно посмотреть, какие трансформации претерпевал Октябрьский юбилей на переломе истории — переходе от сталинского к хрущёвскому периоду (не сводимому лишь к одной «оттепели»).

При этом сами Октябрьские юбилеи будут выступать в роли зеркал для исторических периодов, в которые они праздновались, что и отмечено в названии книги.

Надеюсь, что представленное в настоящей книге исследование Октябрьских юбилеев — одной из важнейших частей советской юбилейной культуры — позволит внимательнее проследить идеолого-политические изменения и тенденции в различные периоды советской эпохи, научный и общественный интерес к изучению которой очень высок.

* * *

Автор выражает глубокую признательность за поддержку и помощь в научных изысканиях, а также высокую оценку моей диссертации: научному руководителю кандидатской диссертации — кандидату исторических наук, профессору В. В. Кириллову, рецензентам диссертации — доктору исторических наук, профессору Н. И. Музафаровой, кандидату исторических наук, доценту О. А. Сухоруковой (сотрудники Московского городского педагогического университета), доктору исторических наук, профессору М. Р. Зезиной (Российская академия народного хозяйства и государственной

службы при Президенте Российской Федерации), доктору исторических наук, профессору С. В. Девятову (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), кандидату исторических наук, доценту, Заслуженному учителю РФ М. Н. Черновой; многочисленным сотрудникам Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива литературы и искусства, подразделений Центрального государственного архива города Москвы, Научно-ведомственного архива Государственного исторического музея, Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки, а также всем тем, кто учил меня научному ремеслу историка.

Всем моим наставникам в исторической науке и посвящается эта книга.

*С уважением,
Антон Махнырёв*

ВВЕДЕНИЕ

Касаясь **историографии**, посвященной проблематике Октябрьских юбилеев, помимо диссертации автора настоящей книги, прежде всего необходимо отметить монографию историка Г. А. Бордюгова «Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти»⁴. В ней рассматривается эволюция «проекта памяти» об Октябрьской революции (в т. ч. 30-летие и 40-летие Октября) в общественно-политическом и культурном контексте. Исследуя «пространство памяти», Бордюгов, однако, не анализирует политико-идеологическое содержание юбилейных мероприятий и текстов, сосредотачиваясь в основном на рассмотрении контекста событий в стране в годы торжеств.

Обращает на себя внимание и статья историка В. В. Тихонова «Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи»⁵, в которой в том числе находится место и предметному рассмотрению трансформаций образов Октября в разные периоды советской истории, нарратива юбилеев революции.

Отметим также статьи о международном аспекте юбилейных годовщин: О. Ю. Никоновой о праздновании 30-летия революции в Центральной и Восточной Европе, а также А. С. Стыкалина «Последний визит Мао»⁶. В последней из них празднование 40-летия Великого Октября фигурирует в контексте подготовки к ноябрьскому Совещанию представителей коммунистических и рабочих партий в Москве при рассмотрении сложных советско-китайских отношений тех лет.

Вместе с тем важно отметить, что в работах, посвященных общим проблемам послевоенного общественно-политического развития СССР, народных настроений, истории повседневности, юбилей не рассматривались. В некоторых монографиях иллюстративно, для раскрытия различных аспектов во внутренней и внешней политике СССР, присутствуют цитаты из выступлений В. М. Молотова 6 ноября 1947 г. на торжественном заседании в честь 30-летия Великого Октября и Н. С. Хрущёва 6 ноября 1957 г. на Юбилейной сессии Верховного Совета в ознаменование 40-летия Революции, а также из документов Совещания представителей коммунистических и рабочих партий (1957).

Работы историков культуры и культурологов представлены исследованиями советской праздничной культуры, в основном 1920-х — первой половины 1930-х гг. — периода активного строительства новой культуры.

На этом фоне можно отметить, что некоторая «привязка» материала к празднуемым в «оттепель» юбилеям присутствует в книге очерков историка М. М. Гершзона «Закат Сталина и Оттепель: управление культурой в СССР в 1950-х — начале 1960-х гг.»⁷.

В зарубежной историографии советской праздничной культуры исследователи⁸ сосредотачивали свое внимание, прежде всего, на особенностях подготовки и проведения торжеств в рамках процесса становления модели массового советского праздника в довоенный период. По мнению немецкого историка М. Рольфа, практика проведения советских праздников «красного календаря» с добавлением новых юбилейных и памятных дат в целом сохранялась и в послевоенное время, подвергнувшись десталинизации и испытав на себе рост тенденции децентрализации (регионализации) при Хрущёве⁹.

В целом зарубежные исследователи рассматривают советскую праздничную культуру как явление, сложившееся до войны, и поэтому не уделяют внимания исследованию места исторических юбилеев в контексте общественно-политических процессов послевоенного двадцатилетия.

Подводя итог нашему историографическому обзору, мы можем констатировать, что все еще находимся в процессе становления историографии, посвященной коммеморации Великого Октября, и надеемся внести данным исследованием свой вклад в этот процесс.

* * *

В отличие от весьма ограниченного количества исторических работ по рассматриваемой нами проблематике, источниковая база, которой могли бы оперировать историки, в данном случае очень обширна. Однако основной массив в ней занимают неопубликованные источники, представленные материалами из архивных фондов.

Именно они составляют документальную основу нашего исследования.

Прежде всего, это корпус делопроизводственной переписки из фондов государственных органов: Совета Министров СССР (фонд [далее Ф. — А. М.] Р-5446), Министерства культуры РСФСР (Ф. А-501) из Государственного архива РФ (ГА РФ); Комитетов по делам искусств при Советах Министров СССР и РСФСР (Ф. 962 и Ф. 2075) из Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) и партийных органов ЦК ВКП(б) — КПСС (Ф. 17): Политбюро (Ф. 17. Опись [далее Оп. — А. М.] 163), Техсекретариата Оргбюро (Ф. 17. Оп. 121), Управления по проверке партийных органов (Ф. 17. Оп. 122), Управления пропаганды и агитации (Ф. 17. Оп. 125) из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ); Президиума, т. е. Политбюро при Хрущёве (Ф. 3) и аппарата (Ф. 5) ЦК КПСС: Общего отдела (Ф. 5. Оп. 30), отдела партийных органов по РСФСР (Ф. 5. Оп. 32), отделов пропаганды и агитации по союзным республикам (Ф. 5. Оп. 33) и по РСФСР (Ф. 5. Оп. 34), отдела науки культуры (в разные годы: отдел науки, высших учебных заведений и школ (Ф. 5. Оп. 35)) из Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ); партийных органов: Московского городского комитета ВКП(б) — КПСС (Ф. П-4), Советского райкома Москвы (Ф. П-83) и советских органов (структур Мосгорисполкома): Главных управлений народного образования (Ф. Р-528) и культурно-просветительными предприятиями (Ф. Р-429) из Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы). Разнообразные организационно-распорядительные и отчетно-информационные документы позволяют проследить влияние внутри- и внешнеполитических факторов на ход процесса организации главных юбилейных торжеств, на проблемы в содержании коммеморативных мероприятий в Москве и регионах, определить при этом роль партийных и государственных органов власти и отдельных руководителей. Большую ценность для проведения анализа формирования идеологической концепции юбилеев, расстановки акцентов в ней представляют черновые редакции и материалы выступлений, тезисов, Октябрьских «Призывов» Партии с правками И. В. Сталина и П. Н. Поспелова, в 1940–1949 гг.

бывшего главным редактором центрального партийного органа печати — газеты «Правда» (из личных фондов 558 и 629 соответственно в РГАСПИ), а также Н. С. Хрущёва (Ф. 52 в РГАНИ).

Документы творческих организаций и союзов, СМИ (радио, органов печати), учреждений культуры, отложившиеся в фондах РГАЛИ: Союза писателей СССР (Ф. 631), Союза художников СССР (Ф. 2082), Оргкомитета Союза советских художников СССР (Ф. 3189), Московской организации Союза художников РСФСР (МОСХ) (Ф. 2943), Союза композиторов СССР (Ф. 2077), Всероссийского театрального общества (ВТО) (Ф. 970); коллекций архивов деятелей театра (Ф. 2620), редакции «Литературной газеты» (Ф. 634), Центральных Домов: актера им. А. А. Яблочковой (Ф. 2930) и кино (Ф. 2923), Московской государственной академической филармонии (Ф. 2922), издательства «Советский художник»; в фондах ГА РФ: Гостелерадио СССР (Ф. Р-6903); РГАСПИ (фонд 599 журнала ЦК КПСС «Коммунист») и ЦГА Москвы (Центрального выставочного зала «Манеж» (Ф. Р-791) и личный фонд режиссера массовых представлений Б. Н. Глан (Ф. Л-33)). В данных фондах представлены стенограммы обсуждения статей, спектаклей, картин, партитуры радиопередач, планы экспозиций, выставок, перечни фильмов, праздничных песен и др., что позволяет исследовать отражение юбилейного нарратива в различных формах пропаганды и популяризации. Вопросы архитектурно-монументальной мемориализации 30-летия Великого Октября освещены в материалах заседаний Архитектурного Совета Главного архитектурно-планировочного управления в ЦГА Москвы (Ф. 534).

Особое место в комплексе архивных материалов занимают «информации» партийных органов МГК (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 67) об откликах трудящихся на празднование 30-летия Великого Октября. Социальный состав «откликнувшихся» сбалансирован: представлены рабочие, колхозники, служащие, интеллигенция. Ценным источником по антисоветским проявлениям к 40-летию Октября являются донесения Министерства внутренних дел (ГА РФ. Ф. Р-9401) из Особой папки Хрущёва в ГА РФ «О проведении праздничных дней 7 и 8 ноября 1957 г.».

Интерес для исследования представляют менее формализованные, чем «информации» парторганов, сводки вопросов, предложений и замечаний для редакции журнала «Агитатор» (РГАСПИ).

Ф. 614) от пропагандистов, лекторов и др. по содержанию и оформлению журнала на читательских конференциях по СССР: в РСФСР — в Ленинграде, Рязани, Иркутске, Хабаровске, в столицах АССР (Уфе, Владикавказе), а также в Украинской, Молдавской, Грузинской, Латвийской ССР.

Определенный общественный отклик со стороны советских служащих, интеллигенции (инженеров, учителей и пр.), студенчества, их ожидания в идейно-художественном плане от произведений театрального искусства отражают материалы конференций зрителей московских театров, проводимых для обсуждения премьер к 40-летию Великого Октября (РГАЛИ. Ф. 970 и 2930).

Личное отношение к юбилейным торжествам в его сопоставлении с содержанием официальной пропаганды отражают письма и телеграммы граждан со всей страны в органы власти, Председателям Президиума ВС СССР Н. М. Швернику и К. Е. Ворошилову, секретарю Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкину, руководителям партии и правительства И. В. Сталину, Н. С. Хрущёву, а также в редакции газеты «Правда», журнала «Коммунист» (РГАСПИ. Ф. 599), из фондов Верховного Совета СССР (ГА РФ. Ф. Р-7523. Подборка «Предложения граждан в память 800-летия Москвы и 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции»), Совета Министров СССР (ГА РФ. Ф. Р-5446), аппарата ЦК КПСС (РГАНИ. Ф. 5). Авторы «писем во власть» — представители советской бюрократии, военнослужащие, рабочие, служащие, старые большевики, участники революции и др.; люди с различным уровнем образования. Письма содержали как поздравления, так и предложения по организации торжеств, социальной помощи, награждению, увековечиванию памяти юбилеев, идеологическим вопросам, а также «наивные» поэтические тексты (непрофессиональных литераторов, т. е. обычных граждан).

Дополнительные сведения о настроениях по поводу юбилеев позволяет получить исследование более «свободных» в проявлении мыслей и чувств, чем «письма во власть», записей в книгах отзывов Исторического музея, Всесоюзной художественной выставки к 40-летию Октября в «Манеже» (ЦГА Москвы. Ф. Р-791) от посетителей (в т. ч. групповых) со всего СССР: рабочих, граж-

данских и военных служащих, колхозников, представителей интеллигенции, студентов, школьников (6 томов, более 1000 отзывов на печатных листках). Особо отметим, что книги отзывов Государственного исторического музея отложились в Научно-ведомственном архиве музея (НВА ГИМ).

Оговоримся, вышеуказанный комплекс материалов позволяет только фиксировать определенные оттенки в палитре общественных настроений, но не определять степень распространенности каждого оттенка. Полноценных статистических измерений к юбилеям не проводилось; к тому же имеющиеся источники отражают разную степень несвободы авторов (как при Сталине, так и в «оттепель») высказываний либо записей людей.

Опубликованные источники исследования можно подразделить на группы.

Первая группа представлена делопроизводственными материалами: протокольными записями Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС, которые раскрывают ход процесса подготовки юбилейных мероприятий.

Вторую группу источников составляют программные (концептуальные) тексты в различных жанрах, определявшие содержательный канон празднования юбилеев. К этим текстам относятся идеологические постановления ЦК КПСС «О подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции») и ЦК ВЛКСМ «О работе комсомольских организаций по пропаганде Декларации и Манифеста мира, принятых на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве»; выпускаемые от имени ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма тезисы «К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции (1917–57)»; Октябрьские «Призывы» к 30-й и 40-й годовщинам революции, публикуемые в «Правде»; выступления руководителей партии и правительства и др. лиц в дни главных торжеств В. М. Молотова «Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции» на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1947 г. и Н. С. Хрущёва «Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции» на Юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 г. Эти тексты, определявшие рамки для

формирования пропагандистских текстов, дают возможность исследовать основы идеологических концепций юбилеев.

Третья группа — юбилейные материалы: научно-популярные, пропагандистские, публицистические, литературно-художественные, учебно-методические, справочные, каталоги выставок в формах отдельных изданий и публикаций в периодической печати (газетах и журналах) позволяют выявить особенности и тенденции в политико-идеологическом содержании юбилеев.

Четвертую группу составляет обширный пласт информационно-новостных материалов (сообщений и сводок ТАСС — Телеграфного агентства Советского Союза, — заметок) в газетной (центральной и региональной) и журнальной периодике 1947-го и 1957 годов. Эти материалы содержат ценные сведения о подготовке и проведении различных пропагандистских и популяризационных юбилейных мероприятий и самих главных торжеств (заседаний, парадов, демонстраций, народных гуляний и др.), а также о характере их освещения в печати.

Пятая группа источников — материалы личного происхождения: воспоминания, дневники современников и участников юбилейных торжеств.

Шестую группу источников представляют кинодокументы как отражение юбилея в кинопропаганде: документальной (киножурналы «Новости дня», «Советский Урал») и художественной (например, фильм «Рассказы о Ленине»), а также фотодокументы, запечатлевшие церемониальные формы коммеморации.

Седьмая группа — изобразительные материалы: картины, плакаты и изображения форм увековечивания памяти — монументов, сувениров (например, марок, значков), образно-символическими средствами выражавшие политико-идеологическое содержание юбилеев.

Таким образом, круг источников, содержащих сведения о процессах подготовки и проведения юбилейных мероприятий, а также общественных настроениях по поводу них, о мемориализации торжеств достаточно широк и разнообразен. Корпус архивных и опубликованных источников позволяет решить задачи исследования.

На основе вышеуказанных источников, многие из которых были впервые введены в научный оборот автором данной книги, мы попытаемся представить 30-летие и 40-летие Великого Октября как события различных исторических периодов нашей истории и проследить те изменения в общественно-политической и культурной жизни страны, которые отразились в них как в зеркале.

В связи с этим попытаемся решить следующие **задачи**:

- проанализируем влияние факторов политического контекста на организационный процесс подготовки юбилейных мероприятий;
- определим основы идеологических концепций и направления их трансформации на основе анализа программных текстов;
- выявим особенности и новые тенденции в политико-идеологическом содержании историко-юбилейных мероприятий;
- рассмотрим характерные черты общественных настроений и их изменение в историческом контексте;
- сопоставим общественные настроения по поводу исторических юбилеев с официальным юбилейным нарративом;
- исследуем ход, проблемы и результаты процесса увековечивания памяти юбилеев в ее различных формах.

Прежде чем непосредственно перейти к решению приведенных выше **задач**, обозначим тот исторический контекст, в который были вписаны юбилейные торжества.

30-летие Великого Октября (1947) отмечалось в период комплексной послевоенной мобилизации в СССР. Данная мобилизация была продиктована необходимостью форсированно восстанавливать народное хозяйство после Великой Отечественной войны при нарастании конфронтации в ходе холодной войны со вчерашними союзниками по антигитлеровской коалиции. В условиях отсутствия до 1949 г. у СССР атомной бомбы ему приходилось, с одной стороны, демонстрировать решительный отпор планируемой

США агрессии, а с другой стороны, использовать арсенал средств «мягкой силы».

40-летие Великого Октября (1957) праздновалось уже в иных исторических условиях. Борьбу с культом личности Сталина и начавшуюся открыто с XX съезда КПСС десталинизацию требовалось «примеривать» к внутри- и внешнеполитическим реалиям. Особенно опасным вызовом для высшего партийного руководства во главе с Хрущёвым стали две тенденции. С одной стороны, имелось стремление расширить десталинизацию (неприятие возложения всей вины за репрессии на одного Сталина), как в части советского общества, а также и в социалистическом лагере (события в Польше и Венгрии в 1956 г.). С другой стороны, присутствовало и стремление защитить культ личности Сталина, как внутри страны, так и особенно ярко проявившееся у руководства Китая. Обновленное политико-идеологическое содержание юбилея Великого Октября должно было ответить на эти вызовы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ЗЕРКАЛО ПЕРВОЕ

ПРАЗДНОВАНИЕ 30-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

§ 1. Влияние политических факторов на организационный процесс подготовки историко-юбилейных мероприятий

Основная организационная работа по подготовке к 30-летию Великого Октября была сосредоточена в Политбюро, секретариате и оргбюро ЦК ВКП(б). Руководителями подготовки текстов юбилейных документов являлись фактически 2-й секретарь ЦК ВКП(б), курирующий в те годы идеологию и внешнюю политику, А. А. Жданов (в малой степени из-за болезни), а также связанный с «ленинградской группой» ждановский выдвиженец М. А. Суслов (сменивший в сентябре 1947 г., вскоре после разгрома на «философской дискуссии», Г. Ф. Александрова, выдвиженца Г. М. Маленкова, на посту начальника Управления пропаганды и агитации ЦК). Работа проводилась при активном участии секретарей ЦК А. А. Кузнецова, Г. М. Маленкова и Г. М. Попова. В подготовке планов мероприятий принимали участие работники идеологического фронта Г. Ф. Александров (до его смещения), редактор главного печатного органа ЦК газеты «Правда» П. Н. Поспелов и ставший первым заместителем Суслова Д. Т. Шепилов. Однако следует заметить, что решения Политбюро (согласовывались по почте со Сталиным), связанные с организацией проведения 30-летия Великого Октября, относятся к октябрю — ноябрю 1947 г., что, видимо, обусловлено повышенной нагрузкой высших партийных органов текущими делами, а также подготовкой в ускоренные сроки масштабного празднования 800-летия Москвы.

(Еще 27 февраля 1947 г. Г. М. Попов послал А. А. Жданову проект Постановления ЦК «О праздновании 800-летия Москвы»¹⁰; окончательное решение о праздновании юбилея 7 сентября 1947 г. было принято И. В. Сталиным 26 мая и оформлено Постановлением Совета министров СССР от 30 мая 1947 г.¹¹).

В проекте недатированного постановления ЦК ВКП(б) «О подготовке и проведении 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции»¹², посланного выдвиженцем Жданова Шепиловым, которое, несмотря на резолюцию Жданова «Опубликовать после 800-летия Москвы», так и не увидело свет¹³, говорилось о создании Юбилейного комитета Совета министров Союза СССР и Центрального комитета ВКП(б) из 64 человек под председательством А. А. Жданова для «руководства всеми партийными, государственными, общественными организациями... координации деятельности всех ведомств»¹⁴. Кроме членов Политбюро, представителей госаппарата и союзно-республиканского партаппарата (например, первые секретари ЦК партий Латвии, Грузии, Казахстана Я. Э. Калнберзин, К. Н. Чарквиани, Ж. Ш. Шаяхметов), в комитет должны были войти и представители интеллигенции: поэт К. М. Симонов, театральные режиссер Ю. А. Завадский, академики Т. Д. Лысенко, И. И. Минц и др.¹⁵ Сам комитет так и не был создан, скорее всего, из-за того, что недавно работал громоздкий (62 члена) Правительственный комитет по подготовке к 800-летию Москвы (заметим, в нем отсутствовали не «московские» секретари партии)¹⁶, а создание в сжатые сроки еще одного комитета — дело сложно организуемое и затратное (в т. ч. на приезды из регионов в Москву на заседания комитета). Временные комиссии по подготовке юбилея в регионах при обкомах, горкомах, райкомах и др. (например, комиссия в Московском горкоме ВКП(б)), а также на предприятиях, в учреждениях и др. занимались координацией организации торжеств и пропагандистской работы на местах. За идеологический фронт отвечали отделы пропаганды и агитации в структуре местных комитетов партии. При этом на общесоюзном уровне попытка создать комитет с широким партаппаратным представительством была уже не созвучна новым тенденциям: переносу центра тяжести в принятии решений узким сталинским кругом (той же «семеркой») и увеличению роли аппарата Совета Министров СССР во главе со Сталиным.

* * *

Значительная политическая инициатива в ходе подготовки 30-летия Октября была выдвинута Председателем Совета Министров РСФСР М. И. Родионовым (а в его лице, видимо, «ленинградской группой»). 26 сентября 1947 г. Родионов направил письмо Сталину, находившемуся в отпуске на берегу Чёрного моря. Письмо было получено 27 сентября 1947 г.¹⁷ (На основании «Справки об отпусках И. В. Сталина в 1945–1951 гг.» мы знаем, что за 1947 г. в графе «отъезд из Москвы» значится «16 августа», в графе «возвращение в Москву» — «21 ноября». Вождь, будучи серьезно больным человеком, в эти годы проводил вне столицы осенний сезон: например, в 1946 г. — с 8 сентября по 21 декабря, в 1948 г. — с 8 сентября по 2 декабря и т. д.)¹⁸ Примечательно, что копию письма Родионов послал патрону «ленинградцев», секретарю ЦК А. А. Жданову, попросив его «поддержать эту просьбу». Жданов 4 октября пересылает свою копию Суслову, недавно возглавившему Управление пропаганды и агитации ЦК.

Что же содержало в себе письмо? К всенародному празднику 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции он предлагал дать согласие: во-первых, «на представление к правительственным наградам работников республиканских органов, местных партийных, советских и хозяйственных организаций, а также работников культуры и искусства»; во-вторых, «на проведение сессии Верховного Совета РСФСР в г. Ленинграде»¹⁹.

Родионов подчеркивал, что РСФСР обделена вниманием союзного правительства. Так, он указывал: «за весь... период работники РФ в юбилейные даты особо ни разу не награждались, хотя многие из них за свой самоотверженный труд достойны быть отмеченными правительственными наградами», и настоятельно «подсказывал» Сталину численность награждаемых («полагал бы определить в 15 000 человек»)²⁰. При этом в письме присутствовало даже противопоставление отношения союзного правительства к РСФСР и другим союзным республикам: «тем более что в связи с юбилеями других союзных и автономных республик их работники неоднократно были отмечены

правительством»²¹. Родионов подчеркивал в преамбуле письма, что день 30-летия Октябрьской революции «особо дорог великому русскому народу». Этим обращением к цитате из сталинского тоста 24 мая 1945 г. за «Здоровье русского народа!», который «является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза»²², здесь, возможно, имела место попытка перевести в плоскость противопоставления народов выделение ведущей роли русского народа²³.

(Заметим, что факт лоббирования М. И. Родионовым особых привилегий для РСФСР фигурировал совсем недавно, в рамках подготовки к 800-летию Москвы. Родионов обращался 1 сентября 1947 г. «в Совет министров СССР тов. Н. А. Вознесенскому» и просил того увеличить указанное в Постановлении Совета Министров от 28 августа 1947 г. количество делегатов от «автономных республик, краев, областей и городов РСФСР»: с 50 до 100, т. е. «дополнительно 50 гостей» (от других же 15 союзных республик так и оставалось совокупно 150 гостей). Родионов мотивировал увеличение квоты гостей от РСФСР тем, что «при таком ограниченном количестве представители ряда областей РСФСР не смогут участвовать в торжествах»²⁴. Однако такое предложение оказалось проигнорированным).

Вернемся к письму Родионова от 26 сентября 1947 г. Далее в нем следовало самое важное: объяснение необходимости провести такое большое политическое мероприятие, как сессия Верховного Совета РСФСР, именно в Ленинграде. Оно подкреплялось несколькими аргументами. Во-первых, выдвигался исторический аргумент («впервые было поднято Знамя Пролетарской Революции, где заседал Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, провозгласивший переход власти в руки Советов»), а, во-вторых, современный — экономический («по призыву ленинградцев развивается социалистическое соревнование в честь 30-й годовщины Октябрьской революции»)²⁵.

На сессии Родионов предлагал рассмотреть важные вопросы: доклад редакционной комиссии об изменении и дополнениях текста Конституции РСФСР; проект «Положения о сельских Советах депутатов трудящихся» и «о районных Советах депутатов трудящихся и их исполнительных комитетах»²⁶.

Сессия в Ленинграде приобретала смысл не просто торжественного, а важнейшего политического мероприятия всесоюзного значения. Только недавно прогремела на весь Советский Союз, как заключительный аккорд празднования 800-летия столицы, церемония вручения Москве ордена Ленина 13 сентября 1947 г. в Георгиевском зале Большого Кремлёвского дворца. Заметим, награждение столицы СССР произошло спустя более чем два года после награждения высшим орденом страны Ленинграда. Важен для понимания политического влияния «ленинградцев» тот факт, что 9 сентября 1-й секретарь Московского горкома и обкома, секретарь ЦК Г. М. Попов в записке на имя «ленинградца» Жданова аргументировал необходимость придать «торжественный характер» церемонии награждения Москвы написанием о том, что в 1945 г. «в Ленинграде вручение ордена Ленина происходило в театре и при этом присутствовало 2000 человек». Попов отмечал при этом, что «в Москве, где находится Президиум Верховного Совета СССР, лучше всего было бы вручить орден в Георгиевском зале Кремлёвского дворца»²⁷. И Жданов 10 сентября наложил резолюцию: «Я думаю, что предложение от Попова Г. М. приемлемо. Как Ваше мнение», — обращаясь к негласно «курировавшему» в Москве Ленинград и ставшему 26 февраля 1947 г. членом Политбюро ЦК ВКП(б) заместителю Председателя Совета Министров СССР Н. А. Вознесенскому. На прошении Попова подписано: «Согласны Н. Вознесенский, А. Кузнецов», т. е. «ленинградцы» в руководстве Партией и Правительством²⁸.

Проведение юбилейной сессии Верховного Совета СССР в Ленинграде не только повышало политический статус этого города в РСФСР и СССР, т. к. в нем собралось бы огромное количество представителей партийной номенклатуры России. Такое мероприятие явно предлагалось как минимум для конкуренции традиционным главным торжествам в столице РСФСР и СССР — Москве. Подобная акция могла стимулировать разговоры в части элиты и слухи в народе о переносе столицы РСФСР в Ленинград.

Предложение Родионова было проигнорировано Сталиным, понимавшим, что его согласие на проведение таких знаковых для страны мероприятий не в столице приведет к усилению децентрализации и, как следствие, возможному отрыву РСФСР от Союзного центра.

Инициативы Родионова и «ленинградской группы» в целом (в т. ч. поданная 27 сентября 1947 г., т. е. на следующий день (!) после проанализированного выше послания, записка Родионова Сталину о создании Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР²⁹) не остались без политических последствий. Все это было использовано против «ленинградцев» после смерти их могущественного патрона Жданова (1948) политическими противниками «ленинградцев» — Г. М. Маленковым, Л. П. Берией и Н. С. Хрущёвым. Родионов (как и де-факто «шефы» Ленинграда в Москве А. А. Кузнецов, Н. А. Вознесенский) был среди главных осужденных к расстрелу по «ленинградскому делу». В Постановлении Политбюро «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. А. А. Кузнецова и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. М. И. Родионова и П. С. Попкова» от 15 февраля 1949 г. отмечалось, что именно Родионов, как председатель Совета Министров РСФСР, «самовольно и незаконно организовал Всесоюзную оптовую ярмарку с приглашением к участию в ней торговых организаций краев и областей РСФСР», что свидетельствовало о «демагогическом заигрывании с ленинградской организацией» и проявлялось в «попытках создать средостение между ЦК ВКП(б) и ленинградской организацией и отдалить таким образом ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б)»³⁰. Таким образом, рассматриваемые нами инициативы от имени М. И. Родионова в 1947 г. можно считать своеобразными «пробами пера» в русле роста политических претензий «ленинградской группы».

* * *

Заметно, что в связи с юбилеем временно проигрывающий «ленинградцам» политический тандем Берии — Маленкова также искал расположения Сталина (в т. ч. из-за обрушившихся на министерства и ведомства с лета 1947 г., с «ленинградской», кузнецовско-ждановской подачи, партийных «судов чести», боровшихся с антипатриотическими и антигосударственными поступками сотрудников госаппарата и связанной с ним интеллигенции³¹). 6 ноября 1947 г. Берия и Маленков лично поздравили Сталина, отдыхавшего на Чёрном море. Послание Сталину отличал верноподданнический тон, в котором присутствовало стрем-

ление подчеркнуть дружескую близость в отношениях в словах: «На нашу долю выпало большое счастье работать с Вами, под Вашим руководством... Крепко жмём Вашу руку, преданные Вам Л. Берия, Г. Маленков»³².

Берия и Маленков, заместители Председателя Совета Министров СССР, были связаны, прежде всего, с госаппаратом (в т. ч. и через многолетнее курирование кадров партии секретарем ЦК Маленковым, которое было от него передано в 1946–1949 гг. секретарю ЦК, «ленинградцу» А. А. Кузнецову). Тандем испытывал крайнюю необходимость в сохранении лояльности к ним вождя для удержания своих позиций и подготовке к будущим схваткам за власть и влияние, которые продолжатся в 1948 г. и приведут к скорому низвержению «ленинградцев» в рамках «ленинградского дела» (см. в т. ч. в связи с ним книгу: Сушков А. В. «“Ленинградское дело”: генеральная чистка “колыбели революции”». Екатеринбург, 2018), раскрученного не без помощи Маленкова, который восстановил свое политическое влияние после смерти Жданова.

* * *

На торжества в честь 30-летия Великого Октября решениями секретариата ЦК были приглашены зарубежные гости по линии сотрудничества с Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей, ЦК ВЛКСМ, редакцией «Правды»: от польской, чехословацкой общественности, демократической молодежи Болгарии, общества «Финляндия — Советский Союз», «Норвежско-Советского общества», французской коммунистической газеты «Се Суар» и др.³³ Прием высших руководителей компартий зарубежных стран в Москве был невозможен в связи с отсутствием на торжествах Сталина. Заметим, что иностранное представительство на торжествах в честь Октябрьского юбилея было значительно скромнее, чем на праздновании 800-летия Москвы, где присутствовали делегации от столиц 25 государств, в т. ч. Франции, Италии, Канады, Греции, Турции и даже Эфиопии, Сиам (ныне Таиланда) и пр., а также 4 дипломатических представителя³⁴. Таким образом, отмеченный за 2 месяца до рассматриваемых нами Октябрьских торжеств 800-летний юбилей Москвы позиционировал ее как «столицу великой миролюбивой державы» и как «могучий оплот мира»³⁵.

* * *

Итак, рассмотрев ход организационного процесса подготовки 30-летия Великого Октября, можно отметить, что на него более всего повлиял внутривластный фактор борьбы партаппаратных «ленинградцев» и госаппаратного тандема Берии — Маленкова. Стремление М. И. Родионова позиционировать Ленинград, а не Москву как центр главных торжеств в РСФСР было отвергнуто. Не был создан и Юбилейный комитет под председательством лидера «ленинградцев» А. А. Жданова.

§ 2. Основы идеологической концепции юбилея 30-летия Великого Октября в программных текстах

Подготовка к годовщинам Великого Октября обычно начиналась с публикаций постановлений власти. Выделяется здесь 30-летие Октября, когда Постановление о проведении празднования так и не было опубликовано, хотя и подготавливалось, о чем свидетельствуют обширные материалы в архивных фондах. Сохранилась правка посланного Сталину 18 октября 1947 г. Кузнецовым и Сусловым проекта. Сталин поправил его незначительно. Однако, например, он смягчил характеристику «жестокости политического» [угнетения. — А. М.] России до революции, убрав в ней слово «политического». Сталин усилил «независимость» СССР, опустив слово «вполне» в выражении «вполне независимое государство»³⁶. 1 ноября 1947 г. секретариатом ЦК (Жданов, Кузнецов, Маленков, Попов) было принято Постановление «О проведении 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции»³⁷. В нем они обращались с конкретными требованиями (проведение заседаний, демонстраций, народных гуляний и др.) к обкомам, крайкомам и ЦК союзных республик. Оно было послано находившемуся в отпуске Сталину. Основные политико-идеологические тезисы постановления были следующими: «порожденное Октябрьской социалистической революцией государство, преодолевая все трудности и препятствия, борясь с внутренними и внешними врагами социализма, неуклонно растет, крепнет и возвышается»; «...страна превратилась из политически отсталой, полукрепост-

нической в самую передовую в мире»; «за годы Советской власти в нашей стране вырос новый человек — человек социалистического общества, избавленный от ига эксплуатации, активный строитель социализма, коммунистической жизни, до конца преданный социалистической Родине...»; «после Второй мировой войны есть два лагеря: лагерь империалистический и антиимпериалистический». Таким образом, в тексте актуализировалась тема СССР как великой державы, которая несет миру новое антропологическое коммунистическое содержание. При этом повторялся главный актуальный тезис доклада Жданова на недавнем совещании Коминформа (22–28 сентября, Шклярская Поремба, Польша) оформивший с советской стороны размежевание с капиталистическим миром.

Резолюция Сталина на этом проекте стояла не «Опубликовать», а просто «Разослать всем местным парторганизациям»³⁸, т. е. данный идеологический документ был отклонен для широкого пропагандистского использования и оставлен для партийного употребления. Не вышли в свет и подготовленные на 33 страницах Шепиловым еще к 27 апреля 1947 г. тезисы на тему «Тридцать лет Великой Октябрьской социалистической революции»³⁹, с которыми знакомились Попов и Жданов (хотя к 800-летию Москвы «Тезисы» были опубликованы).

* * *

Какова же причина этого сбоя в публикации важнейших программных документов к 30-летию Великого Октября? Конечно, сыграла свою роль смена руководства Управлением пропаганды и агитации ЦК. 17 сентября 1947 г. вместо академика-философа Г. Ф. Александрова, раскритикованного на дискуссии по его книге «История западноевропейской философии» за отход в ней от «основного принципа материализма — его направленности, его партийности»⁴⁰, Управление возглавили ставленники «ленинградцев» (см. § 1 настоящей главы). Отразилось на организации подготовки юбилейных текстов и обострение болезни Жданова, куратора идеологии, что снижало его руководящую и редакторскую активность. Однако и другие секретари ЦК (А. А. Кузнецов, Г. М. Попов, М. А. Суслов), и идеологические

работники, что видно по документам, активно готовили и правили тексты. Так, сохранились наброски юбилейного доклада, сделанные П. Н. Пospelовым, вероятно, для выступления другого лица на торжественном заседании. Пospelов стремился совместить в области «идеологии и культуры» как традиционные коммунистические задачи: укрепление «дружбы свободных и равных народов», — так и важнейшие «русоцентричные» установки на укрепление позиций русского языка, «достижений культуры русского народа», отодвигая «слияние всех национальных культур» до коммунизма. Пospelов колебался в оценке состояния современного капитализма (зачеркнул слова «загнивает и идет к своей неизбежной гибели» и написал «не имеет перспектив развития и идет к своему неизбежному крушению»)⁴¹. При подготовке текста доклада Пospelов делал новый акцент на «экономическом и духовном порабощении иностранным капиталом» России до Октября 1917 г. в русле разворачиваемой в то время кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом»⁴². Теме национальной гордости он, отлично чувствующий конъюнктуру, уделил особое внимание, приводя сталинскую цитату: «Последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влащающего на плечах ярмо капиталистического рабства»⁴³. Концепция, по которой Советская власть представляла мощной защитницей национальных ценностей и интересов народов, ярко показывалась на примере победы в войне: утверждалось, что только «советский строй» смог победить «зверский нацизм»⁴⁴. Это актуализировало «военный» идеологический ресурс для обоснования безальтернативности Советской власти для мирного развития, но особенно в условиях войны. Последнее признавалось и противниками Советской власти: так, в книге британского генерал-лейтенанта Д. Марнела «Русская точка зрения» приводились слова от «обладающих широким кругозором русских» (по контексту — представители сочувствующей Западу интеллигенции), которые говорили, что «партия проделала успешную работу... ей удалось сохранить страну сплоченной в войне» (досье бюллетеня ТАСС «не для печати»)⁴⁵.

Итак, над программными текстами к юбилею шла сложная работа.

Остается предположить, что многие программные тексты так и не были опубликованы, потому что они были раскритикованы и отвергнуты самим Сталиным, который, не послал от себя приветствия к 30-летию Великого Октября из отпуска. Факт отсутствия приветствия Сталина к Октябрьскому юбилею (которое присутствовало по случаю 800-летия Москвы)⁴⁶ насторожило М. М. Пришвина: «Газеты без речи Сталина. Иллюминация без пущек. Что-то случилось?»⁴⁷

В связи с этой гипотезой обратимся к истории создания опубликованного программного документа к юбилею Октября, а именно «Призывам ЦК ВКП(б) к 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Они служили для расстановки акцентов в идеологической подготовке юбилея и непосредственно воспроизводились в оформлении городов и демонстраций.

«Призывы» к 30-летию Октября были опубликованы в «Правде» 2 ноября 1947 г. (для сравнения: «Призывы» к 40-летию Октября — 13 октября 1957 г.)⁴⁸. Более поздняя публикация была связана с тем, что «Призывы» посылались Кузнецовым и Сусловым 27 октября 1947 г. для окончательной редакции Сталину⁴⁹, которому, помимо огромной государственной и партийной работы, приходилось читать множество юбилейных текстов. В шифровке от 6 ноября 1947 г. он даже писал членам «семёрки» прекратить присылать ему для оценки доклады и статьи по вопросам 30-летия Октября и потребовал рассматривать их самой «семеркой в Москве»⁵⁰.

Сталин всячески сокращал не только количество призывов (с 59 в их проекте⁵¹ до 48 в окончательной редакции), но и их детализацию по отраслям народного хозяйства, чтобы подчеркнуть необходимость восстановления страны в целом и избежать ситуации, когда «за деревьями не видно леса».

Неоднократно и последовательно вычеркивал он и упоминание своего имени в словосочетаниях: «сталинской заботой шахтеров», «сталинская конституция»; убрал полностью отдельный призыв «Да здравствует вождь советского народа — великий Сталин!»⁵². Сталин осознавал, что необходимо пресекать излишне льстивые предложения в рамках культа личности, т. к. акцент на персонализацию ущемляет идеологические смыслы и сводит всю партийно-государственную систему к его персоне. По воспоминаниям доктора

исторических наук Р. П. Конюшей, в период подготовки 2-го издания краткой биографии Сталина в 1947 г. директор Института Маркса — Энгельса — Ленина В. С. Кружков услышал от вождя такую отповедь: «Вы что, эсеровщиной занимаетесь? Народ, партия — ничто, Сталин — все? Сталин стар. Сталин скоро умрет. Хотите, чтобы народ в панику впал, — раз все делал он, то без него конец?»⁵³. При этом Сталин сохранил употребление своего имени в заключительных призывах: «Да здравствует великая партия большевиков, партия Ленина — Сталина, закаленная в боях, авангард советского народа, вдохновитель и организатор наших побед!» и «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина, вперед к победе коммунизма!»⁵⁴. В данных призывах имя Сталина связывалась с Партией; подчеркивалась его неразрывная преемственность с основателем Советского государства В. И. Лениным.

Показательно, что Сталин вычеркнул в призыве к учителям «Воспитывайте молодое поколение в духе беззаветной любви к советской Родине!» слово «советской», чем обозначил историческую преемственность понятия «Родина»⁵⁵.

Актуализация международной тематики просматривается именно в первых «Призывах» к 30-летию Октября. Еще на стадии правки Кузнецов убрал, возможно, как излишне резкий по выпадку в сторону Запада, в духе коминтерновского прошлого, призыв: «Да здравствует Советский Союз — глашатай освободительного движения трудового человечества от капиталистического рабства» и категоричную формулировку о Советской армии, «спасшей мир от фашистского порабощения»⁵⁶. Акцент в содержании «Призывов» был сделан на призывы к миру, дружбе народов мира и направлен против «поджигателей новой войны», которых призывали разоблачать (в 1947 г. как раз была провозглашена антикоммунистическая доктрина Трумэна). Отдельный призыв посвящался «славянским народам, освобожденным от гнета немецких поработителей»⁵⁷. Славянская тема была в то время актуальной (в т. ч. в юбилейном нарративе 800-летия Москвы), т. к. Советский Союз использовал «славянский» идеологический ресурс для укрепления своих позиций в Восточной Европе.

На резкую правку «Призывов» Сталиным оказало влияние то обстоятельство, что его не устраивало направление, которое

придавала коммунистическому строительству стремящаяся к всевластию партийная номенклатура (представителями которой были в основном авторы идеологических документов). В 1947 г. Сталиным так и не были приняты проекты Третьей Программы ВКП(б) и Генерального хозяйственного плана до 1965 г. — вступления страны в коммунизм. Сталин, возможно, осознавал, как считает историк Г. А. Бордюгов, что «проект памяти», или, скажем, идеологическая концепция 30-летия Октября, «мало чем отличался от двадцатилетнего», «официальный проект памяти ветшал», и Сталин понимал, что для страны, пережившей Великую Отечественную войну, это «не то»⁵⁸. Вождь чувствовал необходимость обновить концепцию Октябрьского юбилея. С нашей точки зрения, можно говорить, что недавнее масштабное празднование 800-летия Москвы на всесоюзном и международном уровне с идеями, насыщенными программными текстами (но, что симптоматично, без упоминания в самом сталинском «Приветствии Москве» революционных заслуг столицы!⁵⁹) воспринималась Сталиным как более важное событие, в большей мере консолидирующее общество, народы СССР и других стран вокруг Советского государства в новых послевоенных условиях, чем годовщина революции.

* * *

И, несмотря на то что не все программные тексты юбилея увидели свет, главным из них, безусловно, стало выступление члена Политбюро ЦК ВКП(б), заместителя Председателя Совета Министров СССР, министра иностранных дел В. М. Молотова на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1947 г. Оно стало столь значимым для общественно-политической жизни страны, что мэтр соцреализма художник А. М. Герасимов запечатлел его на полотне «В. М. Молотов выступает на заседании в Большом театре 6 ноября 1947 года» (1948). Картина ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее (репродукция представлена на обложке настоящей книги). Заметим, что именно Молотов делал доклад и на торжественном заседании в честь 20-летия Великого Октября. Он же, все еще оставаясь влиятельным человеком в ближайшем окружении Сталина в первые послевоенные

годы, выступал на аналогичных заседаниях в 1945-м и 1948-м гг. (в 1946 г. доклад делал Жданов).

Отметим любопытную деталь: в черновых бумагах Секретариата ЦК ВКП(б) фигурирует намерение провести заседание в Кремле, однако неизвестной рукой слово «Кремле» было зачеркнуто и надписано обозначение традиционного места таких заседаний — Большой театр⁶⁰ (напомним, что вручение Москве ордена Ленина, которым ее наградили в дни празднования 800-летия столицы, 13 сентября 1947 г. произвели в более высокостатусном месте — Георгиевском зале Кремлёвского дворца).

Доклад Молотова состоял из трех частей: «Значение победы социализма в СССР», «Советский Союз и международное сотрудничество» и «Советский Союз и коммунизм»⁶¹.

Каноническим в нем было подведение итогов за годы Советской власти (ведь 7 ноября — это не только революционный праздник, но и день рождения Советского государства, точка отсчета его истории), отражение таких вех, как победа в гражданской войне и разгром интервенции, индустриализация, коллективизация, культурная революция и, конечно, Победа в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление народного хозяйства.

Наибольший интерес представляет внешнеполитическая линия доклада Молотова: СССР за мир и сотрудничество (в т. ч. с США), но при этом сурово предостерегает, что «новые империалистические авантюры являются опасной игрой судьбами капитализма». Завершался международный раздел следующим суждением: «Надо думать, что капитализм не заинтересован в ускорении своего собственного крушения»⁶². Такой резкой риторике уже была опора: созданный в сентябре 1947 г. Коминформ. В докладе Молотова была сенсация, связанная с гонкой вооружений: «...секрета атомной бомбы [для СССР. — А. М.] уже не существует»⁶³. (Имелся в виду опытный ядерный реактор Ф-1, запущенный 25 декабря 1946 г.) Молотов сделал очень важное заявление, как для советского народа, опасавшегося уязвимости СССР при возрастании напряженности в мире, так и для охлаждения пыла противников на Западе (хотя научные круги США расценили это заявление блефом, считая, что СССР смо-

жет овладеть атомным оружием не ранее 1952 г.). Международный раздела доклада имел наступательный характер, в духе разгоравшейся холодной войны.

Важный акцент сделал Молотов в контексте рассмотрения вопроса о построении коммунизма. Он (как и Сталин), при всей важности материальных основ экономического развития, особо отмечал роль духовного развития: «...важнейшим завоеванием нашей революции является новый духовный облик и идейный рост людей как советских патриотов»⁶⁴. Молотов привел слова Сталина о советском гражданине и капиталистическом «чинуше», возможно, взяв их из материала Пospelова⁶⁵, призывая обратить особое внимание на борьбу, как с пережитком капитализма в умах, с «низкопоклонством и раболопием перед Западом, перед капиталистической культурой». Так Молотов продолжал линию Сталина, обеспокоенного проявлениями «низкопоклонства перед Западом». 13 мая 1947 г. (т. е. всего за две недели до разрешения празднования юбилея Москвы) Сталин в разговоре с руководством Союза советских писателей СССР «с горечью в голосе» говорил о «главной занимавшей его теме»: «Если взять нашу среднюю интеллигенцию <...> у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма <...> неоправданное преклонение перед заграничной культурой... В эту точку надо долбить много лет, лет десять эту тему надо вдалбливать»⁶⁶. Отметим, что укрепление советского патриотизма соотносилось со взятым окончательно в середине 1930-х гг. сталинским курсом на строительство социализма в отдельно взятой стране, которая, сформировав соцлагерь, должна была стать плацдармом коммунистического строительства в исторической перспективе. При этом необходимо признать, что само по себе такое достижение, как воспитание советских патриотов, не могло серьезно претендовать на решение проблемы духовного содержания человека нового коммунистического общества. Решение этого духовно-идеологического вопроса оказалось отодвинутым в сталинское время, уступив место решению задач выживания государства и народа в предвоенный, военный и послевоенный периоды.

* * *

Анализ программных документов показал, что основами идеологической концепции 30-летия Великого Октября были идеи о готовности последовательного противостояния СССР в холодной войне с капиталистическим миром. Противостояние осуществлялось как на военном и политическом фронтах, где формировался и расширялся лагерь сторонников СССР (прежде всего, в Европе), так и на «внутреннем» идеологическом фронте, с помощью противопоставления «низкопоклонству перед Западом» идей советского патриотизма.

§ 3. Особенности политико-идеологического содержания историко-юбилейных мероприятий

В связи с интенсивной подготовкой к празднованию 800-летия Москвы не удавалось долгое время уделить должное внимание идеологической работе к 30-летию Великого Октября. Региональные партийные организации получили разъяснения по пропагандистским и популяризационным мероприятиям в Постановлении Секретариата ЦК «О проведении 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» только 1 ноября 1947 г.⁶⁷. Широкая пропагандистская работа по стране была развернута в октябре и начале ноября.

* * *

Подготовка к празднованию происходила в период проведения Всесоюзного социалистического соревнования с целью досрочного выполнения плана 1947 г. к 30-летию Октября. О важности данного процесса свидетельствует то, что Г. М. Маленков в докладе от ЦК ВКП(б) на Совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. заявлял: «Ход выполнения плана в наших крупнейших промышленных районах, таких как Москва, Ленинград, Донбасс, Урал, Горький, Кузбасс и др., дает право рассчитывать на успешное выполнение плана... ускорение

темпов выполнения пятилетнего плана в целом»⁶⁸. Поэтому в Постановлении Секретариата ЦК «О проведении 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» в тематике пропаганды 3 темы лекций из 13-ти были посвящены восстановлению и развитию народного хозяйства: «Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР в действии», «Хозяйственно-политические победы советского народа в 1947 году», «Всенародное социалистическое соревнование — важнейшее условие выполнения пятилетнего плана»⁶⁹.

Однако еще за полгода до празднования юбилея, 11 апреля 1947 г., ЦК ВЛКСМ было принято Постановление «Об участии комсомольских организаций в социалистическом соревновании». Особое внимание обращалось на информационно-пропагандистское сопровождение соцсоревнования: редакции «Комсомольской правды», республиканским и областным молодежным газетам предписывалось систематически освещать участие молодежи в нем. В Постановлении излагались в т. ч. и моральные методы стимулирования: вручение красных знамен, вымпелов, почетных грамот, значков «Отличник социалистических соревнований» и др. комсомольцам и бригадам⁷⁰.

Активно тему восстановления народного хозяйства и социалистического соревнования освещали советская печать и радиопропаганда еще до выхода постановления Секретариата ЦК о юбилее. В статьях и радиопередачах об отраслях народного хозяйства (сельском хозяйстве, энергетике, железнодорожном транспорте и др.) показывались их перспективы на новую пятилетку (1946–1950) восстановления народного хозяйства после Великой Отечественной войны. Газета «Правда» с начала октября вела рубрику «Годовой план к 7 ноября», публиковала статьи («Трудовые победы Советского народа» и др.), поздравления Сталина о введении в строй первой очереди «Запорожстали», сообщала о хлебных обоях, переселении миллионов колхозников РСФСР, Украины, Белоруссии в новые дома из землянок к 7 ноября⁷¹ (Отметим, что М.И. Родионов 30 сентября докладывал А. А. Кузнецову, что к 1 сентября в РСФСР построены для них 57 729 жилых домов или 43, 1% к плану, но в то же время в землянках оставались многие семьи погибших, инвалиды войны, вдовы, сироты; он просил помощи в этом деле партийных органов)⁷². В новостных материалах большое внимание уделялось огромным масштабам восстановления народного хозяйства на Украине, в Сталинграде, Риге и др.⁷³ В радиопередачах «Донбасс в эти дни», «Второе рождение завода» и др.⁷⁴ также подчеркивалось, что вся страна участвовала в подвиге восстановления.

Данная тема была в числе центральных для советской пропаганды, о чем свидетельствовало и специальное Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О кинофильме “Большая жизнь”» в 1946 г., в котором критиковалось то, что в фильме показан отсталым процесс восстановления шахт Донбасса, и, наоборот, давалась установка, что восстановление основано «на передовой технике и на высокой культуре производства»⁷⁵.

Особое внимание в рамках послевоенного восстановления пропаганда стремилась привлечь к колхозной деревне (на февральском Пленуме ЦК ВКП(б) было принято Постановление «О мерах улучшения сельского хозяйства»). Искусство также должно было вселить обществу оптимизм при реальном тяжелейшем положении села. Так, на концерте 5 ноября 1947 г. в Московской государственной филармонии колхозной теме были посвящены: сцена «На колхозной пасеке» из спектакля по пьесе А. Е. Корнейчука «Приезжайте в Звонковое», «Колхозная трудовая» песня в исполнении знаменитой Л. А. Руслановой и «Колхозная полька»⁷⁶.

В отборе произведений на Всесоюзную художественную выставку, открывшуюся в преддверии праздника в залах Государственной Третьяковской галереи и Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, учитывалась важность «сельскохозяйственной» тематики, в которой демонстрировалось изобилие: например, Калужский отдел по делам искусств при облисполкоме выбрал для посылки в Москву картину «Урожай». Однако были отмечены не только сельские картины (например, «Социалистическое поле»), но и полотна, связанные с промышленным восстановлением и развитием («Наша индустрия», «Индустриальный пейзаж»)⁷⁷. В Молдавской АССР при обсуждении картин республиканской выставки, посвященной 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции, особо в картинах колхозной жизни и художники, и другие зрители желали видеть «поэзию труда», «гражданскую приподнятость» и в то же время реалистичность (а не «пасторальность»; будто «французы работают на фоне молдавского пейзажа», а не «колхозное крестьянство»)⁷⁸. К празднику Музыкальное государственное издательство (Музгиз) активно размножало песни на тему «советской деревни в сопровождении баяна», на «колхозную тему» (в сборниках со-

ветской песни и по отдельности). По региональным филармониям распространялись экземпляры записей следующих песен: «Пшеница золотая», «Здравствуй, поле!», «Сады», «Ты цвети, цвети, родная земля!»⁷⁹.

Восстановление, касавшееся материальной базы учреждений культуры, находило свое отражение в отчетах и сведениях «о деятельности музеев и галерей со дня их организации по 30-летие Великой Октябрьской социалистической революции»: от Ленинграда до Калуги и «Поленова», от Воронежа и Саратова до Бахчисарая и Феодосии. Несмотря на то что во многих из этих музеев не существовало нормальных условий для экспонирования, а фонды понесли утраты в годы войны, отчеты, иногда даже с прилагаемыми афишами мероприятий, свидетельствуют о том, что создавались выставки к юбилею (в т. ч. передвижные для колхозов): картин и репродукций советских художников, «Сталинская Конституция», «Партизаны Крыма», «Решения Февральского пленума ЦК ВКП(б) о мерах улучшения сельского хозяйства». К празднику открывались экспозиции русского и западноевропейского искусства прошлых веков, реставрировались памятники и надгробия выдающихся исторических деятелей (Ленинградский музей городской скульптуры), читались лекции для трудящихся⁸⁰.

Тема восстановления народного хозяйства получала и интересное поэтическое воплощение. Так, в стихотворении З. Александровой «Тридцать Октябрей» «Октябри» показаны в образе «молодых богатырей». Автор, обратившись к древнерусскому былинному эпосу, показывала преемственность революционных, боевых и трудовых подвигів: тех, «кто командовал с “Авроры”» и тех, кто «строили заводы, заселяли пустыри», «фронтовых октябрей» и наконец «в стружке и в известке» самого молодого «Октября» — послевоенного восстановителя страны⁸¹. Стихотворение перекликалось с послевоенным плакатом В. Иванова «Слава русскому народу — народу-богатырю, народу-созидателю!» (1946), где образ богатыря возвышался за спиной строителя. Так, различными средствами пропаганды демонстрировались мощь и размах восстановления страны, которое обеспечивал героический труд народа.

* * *

В контексте освещения Всесоюзного соцсоревнования, по мере приближения 30-летия Октября, заметное звучание приобрела «ленинградская» тема.

Как известно, ленинградцы еще в феврале 1947 г. призвали рабочих страны окончить годовую норму к 7 ноября.

Особое место в деле поддержки Москвой как союзным центром Ленинграда и в популяризации соцсоревнования имело решение Совета Министров СССР от 28 августа 1947 г. «Об организации выставки “Ленинградская промышленность к 30-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции”». Госплану СССР и Ленгорисполкому поручалось «представить широкий спектр отраслей». (Отметим, что в столице тогда проходила масштабная выставка «Реконструкция Москвы»). На выставке был и особый раздел техники и организации производства, показывающий достижения в машиностроении (электро-, судо-, станко-, приборостроении, транспортном машиностроении), а также в строительной, химической, резиновой, текстильной, легкой, пищевой и вкусовой отраслях промышленности и др.⁸²

Ленинградцы уже в середине октября объявили о выполнении соцобязательств к 7 ноября. Выпуск «Правды» от 31 октября открывался передовицей «Славный трудовой подвиг ленинградцев» и включал материалы по теме «Ленинград в борьбе за новый подъем народного хозяйства»⁸³.

В радиопередачах «Трудовая победа ленинградцев» (1 ноября, с 20.15 по 20.50) и «На ленинградском заводе “Большевик”» (6 ноября, с 21.20 по 21.35) и др. в удобное эфирное время много говорилось о героях труда на ленинградских заводах, звучали призывы работать как ленинградцы, высоко оценивалась индустрия города на Неве. «Трудовая победа ленинградцев» преподносилась с акцентом на исключительности «сынов и дочерей... всех большевиков города Ленинграда... с высшим сознанием патриотического долга»; подчеркивалось следующее: «Ленинградцы любят свой город сыновней любовью. Они завоевали ему, дважды орденоносцу, немеркнущую славу». В сюжетах радиопередач о Великой Отечественной войне говорилось о «ленинградских танках», дошедших до Германии⁸⁴.

Манифестом исключительности Ленинграда прозвучали стихи видного поэта, секретаря ленинградского отделения Союза писателей СССР А. А. Прокофьева: «Попробуй, найди еще равный по силе / Он знамя, он символ, величие России»⁸⁵.

Очень важно подчеркнуть, что в передаче не было ни слова о Москве как столице СССР и РСФСР, о вкладе в победу Ленинграда других регионов единой страны. При этом в текстах о Москве, написанных к 800-летию столицы, московский патриотизм всегда включался в общесоюзный общественно-политический и культурный контекст, а заслуги Москвы преподносились как заслуги всего советского и русского народа. Здесь же проводилась мысль — именно Ленинград, его дух и подвиг «города русской славы», «гордости России»⁸⁶, делали его олицетворением России (возможно, здесь имелась в виду РСФСР).

В печати освещался парад 7 ноября на Дворцовой площади (историческое название, возвращенное площади незадолго до снятия блокады 13 января 1944 г. вместо названия «площадь Урицкого» в рамках беспрецедентного для советской, доперестроечной, эпохи, одобренного Ждановым и Сталиным целого списка из 20-ти возвращенных названий!⁸⁷), под стенами легендарного Зимнего, оваянного Великим Октябрем. «Правда» писала в те дни: «От Эрмитажа и до Невского [еще три года назад — проспект 25-го Октября. — А. М.] звучало громкое русское “ура!”»⁸⁸. Тем самым подчеркивался «русский» национальный характер Октябрьских торжеств в Ленинграде.

Такое освещение «ленинградской» темы через столь массовые формы пропаганды нельзя не объяснить сильным положением у власти «ленинградской группы» во главе со Ждановым, который имел прямое влияние на содержание пропаганды. Активизацию «ленинградской» темы можно воспринимать как некий пропагандистский ответ на мощно звучащую в августе — сентябре 1947 г. «московскую» тему в связи с 800-летием Москвы. «Ленинградская группа» также политико-пропагандистски отвечала на удар, нанесенный по Ленинграду 1946 г. Постановлением Оргбюро ЦК «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», где были разгромлены ленинградские литераторы М. М. Зощенко и А. А. Ахматова, критику которых Жданов, как покровитель ленинградского

партруководства, принял на себя. Однако не следует забывать и тот политический контекст, связанный с тем, что в «ленинградской группе» обсуждалась возможность создания компартии РСФСР и проводилась идеологическая подготовка к этому. Так, по инициативе Жданова в 1947 г. было опубликовано историческое исследование «Русское бюро большевистской партии: 1912–1917», а незадолго до празднования 30-летия Октября выдвигалась инициатива Родионова перенести центр торжеств в Ленинград с проведением Юбилейной сессии Верховного Совета РСФСР (подробнее данный сюжет рассмотрен в § 1 настоящей главы).

Таким образом, акценты в подаче «ленинградской» темы можно рассматривать как некую пропагандистскую подготовку реализации политических амбиций, впоследствии репрессированной, «ленинградской группы» во власти.

Пропаганда к 30-летию Октября не ограничивалась темами, связанными с текущими событиями. Важной особенностью нарратива данной годовщины был тезис о том, что Великая Октябрьская революция спасла Россию от «экономического и духовного порабощения» и освободила ее от дальнейшего «закабаления» странами Запада. Особенно сильно он транслировался в радиопропаганде. В передачах «Октябрьская революция спасла нашу Родину от экономического и духовного порабощения», «Октябрьская социалистическая революция и борьба за независимость нашей Родины» показывалось, что до 1917 г. было «две России»: одна — «антинациональная», «антинародная» Россия «Романовых, Столыпиных, Гучковых, Пуришкевичей», которые культивировали взгляд на нашу страну как вечного «ученика» Запада; другая — подлинно народная, национальная «Россия Ленина и Сталина»⁸⁹. Эти слова были созвучны со словами Сталина в его резкой отповеди Д. Бедному на фельетон «Слезай с печки»: «Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала ещё Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Же-

лябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. Все это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости...»⁹⁰

Особенно часто в пропаганде приводились цитаты Сталина в 1917 г. о распродаже страны и изменнической деятельности Временного правительства, в т. ч. о том, что «храбрых воинов», наступавших на фронте Первой мировой летом 1917 г., «предавали» генералы сознательно с целью накалить обстановку для подготовки военного переворота. Историческая линия предательства страны от Временного правительства «передавалась» к троцкистам и бухаринцам — «агентам международного империализма», — не верящим в возможность независимости страны от Запада⁹¹. (В целом, в отличие от 20-летия Октября, отпразднованного в разгар массовых репрессий, в 1937 г., тема и образы «врагов народа» в юбилейной пропаганде к 30-летию Октября уже не были широко распространены.) В беседе по радио «СССР — мировая держава» академик Е. В. Тарле утверждал, что именно Великий Октябрь позволил встать России из положения зависимой от мировых империалистических держав страны и превратиться в сверхдержаву, спасшую мир от «коричневой чумы». Особо подчеркивалось, что советская власть «удесятирила силы» народа для сопротивления агрессорам. Итак, в условиях холодной войны партия представлялась в пропаганде как национальная сила, поэтому вокруг нее и должно объединяться общество. Замечали это и в капиталистическом лагере. Так, в статье журнала «Look» «Как понять русских?» от 2 сентября 1947 г. (бюллетень ТАСС «не для печати») П. Бак писал, что надо «противодействовать коммунизму», но ни в коем случае «не ведя разговоры о борьбе против России»⁹².

Обращаясь к юбилейным плакатам, отметим, что на них главными образами были не революционные сцены Октября 1917-го, а государственная символика СССР: флаг с гербом, строки гимна «Знамя советское, знамя народное / Пусть от победы к победе ведет!» на плакате В. Ливановой⁹³; образы Кремля, Дворца Советов, Адмиралтейства в Ленинграде — на плакате В. Медведева⁹⁴. Знамя с надписью «Вся власть Советам!», крейсер «Аврора» (кстати, участвовавший в торжествах в «колыбели революции» у набережной Лейтенанта Шмидта), хотя и присутствовали на этих плакатах, но не занимали ведущее место в их композиции.

Нарратив о Великом Октябре как о важном этапе грядущей мировой революции не был столь востребован, в отличие от образов Советскойдержавы в условиях «строительства социализма в отдельно взятой стране».

В пропаганде к 30-летию Великого Октября ощущалось значительное влияние кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» и воспитанию советского патриотизма как главной задачи идеологического фронта. В связи с этим публиковались такие передовицы, как «Великая животворная сила советского патриотизма»⁹⁵, звучали радиолекции профессора Розенталя «Великая Октябрьская социалистическая революция и формирование советского человека» с призывами бороться с пережитками капитализма в сознании, в т. ч. с «преклонением перед иностранщиной». Основа советского патриотизма выражалась в идее «глубокого превосходства советской страны над буржуазной... народной демократии над буржуазной... советской культурой над гнилой буржуазной»⁹⁶, «преимущество советского общественного строя» (название лекций к Октябрьскому юбилею в Москве)⁹⁷. Так власти стремились оградить народ и особенно интеллигенцию от «слепого подражания» Западу, по всему миру насаждавшему идеологически чуждые капиталистические порядки и массовую культуру низкого уровня.

В противовес «преклонению перед Западом», пропаганда обращалась к истории отечественных достижений, поэтому в период подготовки к юбилею выходило множество материалов о великих русских талантах, которым препятствовали развитию в дореволюционной России, и они широко раскрылись именно благодаря Великому Октябрю. Так, в школах проводились различные мероприятия на темы «Великие русские ученые», «Достижения советской науки и техники за 30 лет», «Великие люди нашей страны»⁹⁸. О великих россиянах прошлого де-факто сам Сталин напоминал еще в «Правде» 1936 г. в ответе Н. И. Бухарину на его статью в «Известиях»: «Вряд ли тов. Бухарин сумеет объяснить с точки зрения своей “концепции”, как это “нация Обломовых” могла исторически развиваться в рамках огромнейшего государства... И никак не понять, как русский народ создал таких гигантов художественного творчества и научной мысли, как Пушкин и Лермонтов, Ломоно-

сов и Менделеев, Белинский и Чернышевский, Герцен и Добролюбов, Толстой и Горький, Сеченов и Павлов»⁹⁹.

В 1947 г. на советские киноэкраны вышли художественные картины «Пирогов» и «Миклухо-Маклай» (к началу 1950-х гг. получится целая серия историко-биографических фильмов о великих россиянах, которая в период «малокартинья» даже отодвинет на второй план фильмы на современные темы¹⁰⁰).

В статьях, радиопередачах, даже на транспарантах часто цитировались слова Жданова из знаменитого доклада о журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946): «Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот...»¹⁰¹ Заметим также, что ЦК ВКП(б) 26 августа 1946 г. в особом постановлении своего Оргбюро «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» отмечал среди недостатков театрального репертуара «чрезмерное увлечение постановкой пьес на исторические темы», где «идеализируется жизнь царей, ханов, вельмож»¹⁰². И установка на борьбу с данным явлением проводилась в жизнь. Так, в Комитете по делам искусств при Совете Министров СССР в ходе обсуждения «периферийных спектаклей» к юбилею Великого Октября: в городе Горьком спектакль «Мужество» («Командарм») подвергся критике за то, что в нем не было образа «нашего... советского офицера» и тем самым не показывалось различие между советским военачальником и военачальниками «других времен»: критики требовали включить в спектакль «кроме Дмитрия Донского и других великих русских военачальников... военачальников нашей Советской армии, хотя бы Ленина»¹⁰³.

Пропаганда показывала глубокую преемственность достижений России и призывала гордиться славной историей. Тем самым она продолжала ту сталинскую идеологическую линию, проводимую в СССР с середины 1930-х гг., которая в условиях окончательно рухнувших надежд на мировую революцию оформляла политический курс на построение социализма в отдельно взятой стране, а также являлась патриотической подготовкой советского общества к неизбежной войне с фашизмом. Вспомним и возвращение в 1934 г. преподавания истории СССР, и выпуск художественных фильмов о великих правителях и полководцах

«Александр Невский», «Пётр I», «Минин и Пожарский», «Суворов». (Заметим, что Сталин 26 февраля 1947 г. в разговоре с кинорежиссером С. М. Эйзенштейном и актером Н. К. Черкасовым в присутствии Жданова и Молотова привел случай из 1930-х гг.:

«Когда мы передвигали памятник Минину и Пожарскому ближе к храму Василия Блаженного, Демьян Бедный протестовал и писал о том, что памятник надо вообще выбросить и вообще надо забыть о Минине и Пожарском. В ответ на это письмо я назвал его “Иваном, не помнящим своего родства”. Историю мы выбрасывать не можем...»¹⁰⁴)

Вместе с тем пропаганда особо выделяла тот факт, что именно Советская власть дала импульс к освобождению народа с его творческими силами от преклоняющейся перед Западом элиты.

В международной тематике пропаганды к 30-летию Октября выделялись такие аспекты, как: разоблачение цели США и Англии во Второй Мировой войне в избавлении их от «конкурентов на мировых рынках — Германии и Японии», «американский план закабаления Европы» (план Маршалла)¹⁰⁵, «Советский Союз — оплот мира и безопасности народов» и «знамя борьбы трудящихся всего мира за их освобождение от плутократии и империализма» (последняя формулировка из недавнего сталинского «Приветствия Москве» в день ее 800-летия¹⁰⁶. Тематика мировой революции особо не актуализировалась (так, в списке литературы к юбилею отсутствовали издания о международном значении Октябрьской революции). Зато в стихотворении С. Кирсанова «Будущий день» изображалась мирового масштаба картина, где «движет историю Сталин». Особо подчеркивались поэтом «дружба и братство» России «с Белградом... с Варшавой, с Софией»¹⁰⁷. Через такой нарратив стремились отразить процесс укрепления влияния СССР в Восточной Европе.

Международная тема, конечно, была одной из ведущих и на главных юбилейных мероприятиях. Так, в выступлении перед парадом на Красной площади 7 ноября министр Вооруженных сил СССР Н. А. Булганин отметил, что в результате Великой Победы СССР над Германией и Японией произошло укрепление демократического лагеря и ослабление империалистического («сис-

тема капитализма потерпела серьезный урон»)¹⁰⁸. «Поджигатели войны» подвергались и осмеянию. Оно происходило как на праздничном концерте в Московской государственной филармонии 5 ноября 1947 г. в сатирических номерах «В греческой парикмахерской» (в Греции тогда шла гражданская война между коммунистами и правыми силами, поддерживаемыми США и Великобританией) и в куплетах «Одно и другое»¹⁰⁹, так и на демонстрации 7 ноября в Ашхабаде, где трудящиеся несли «карикатуры на тех, кто готов в угоду кучке империалистов... заполнить мир новой волной, посеять недоверие к стране социализма»¹¹⁰.

Достойное место в политико-идеологическом содержании 30-летия Октября занимала тема Великой Победы. Ее лейтмотивом можно считать идеологему «Результатом торжества социализма в СССР явилась наша великая победа во Второй Мировой войне»¹¹¹. На творческих вечерах, лекциях, беседах и др. широко использовали художественные произведения, показывающие образы молодых героев в Великой Отечественной войне: в литературе — роман «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, поэма «Зоя» М. Алигер и др.¹¹²; в живописи на Всесоюзной юбилейной выставке от разных регионов страны — «Портрет Героя Советского Союза Александра Матросова» (Башкирская АССР), «Зоя Космодемьянская», «У карты Отечественной войны» (Омск) и др.¹¹³ В перечне фильмов для показа в праздник многие из них были о войне («Разгром немецких войск под Москвой», «Сталинградская битва», «Берлин», «Парад Победы» и др.)¹¹⁴. При этом 23 декабря 1947 года будет отменен выходной в День Победы. Видимо, по мнению Сталина, народ должен сосредоточиться на сегодняшнем дне, а не на праздновании прошлой победы, почивая на лаврах (так, о Победе не было ни слова сказано в сталинском «Приветствии Москве»!)¹¹⁵. Это означало не забыть о Победе (о ней постоянно напоминала пропаганда!), а приложить все силы к делам настоящего дня — послевоенному восстановлению хозяйства и обеспечению возможности противодействовать новым военным угрозам.

* * *

В различных материалах о союзных республиках (в т. ч. выступлениях по радио руководителей партии и правительства Украины, Белоруссии, Армении, Киргизии, Латвии, Молдавии) указывалось на прогрессивное значение 30-ти лет Советской власти для народов. Подтверждение развития республик («успехи социалистического хозяйственного и культурного строительства») можно было увидеть в праздничные дни на концерте в Московской государственной филармонии (в его программе исполнялись произведения негласно второго по значимости в СССР украинского народа: песня «Гей, видно село» и гопак из балета «Тарас Бульба»¹¹⁶) или на киноэкранах — в серии фильмов о советских республиках: «Советская Киргизия», «Советская Эстония» и др. (сняты по «Плану производства полнометражных хроникально-документальных фильмов в 1947 году», принятому в ЦК 13 июня 1947 г.)¹¹⁷.

Пропаганда подчеркивала благотворную роль для республик «великого русского народа» как в годы войны, так и в мирных делах созидания, восстановления и развития народного хозяйства. В то же время пропагандисты с гордостью заявляли, что СССР демонстрировал всему миру опыт социалистического многонационального государства как дружной семьи народов. В юбилейных торжествах это положение находило свое зримое воплощение. Так, в столице Туркменской ССР Ашхабаде в парадных колоннах, как особо отмечалось в праздничных информационных материалах, прошли войны разных национальностей: «русские, украинцы, туркмены, якуты, таджики»¹¹⁸. Заметим, что это подчеркивало как многонациональность республики, интернационализм, так и ведущую роль русского народа, расположенного в перечне на первом месте.

В связи с «национальным» аспектом юбилейных мероприятий необходимо вспомнить, что к 30-летию Великого Октября Большой театр подготовил постановку новой оперы В. Мурадели «Великая дружба», отображавшей борьбу за установление Советской власти на Северном Кавказе в 1918–1920 гг. По этому произведению после посещения 5 января 1948 г. третьего спектакля Сталиным в сопровождении членов Политбюро было принято знамени-

тое Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г., где опера была названа «порочным как в музыкальном, так и в сюжетном отношении, антихудожественным произведением»¹¹⁹. Музыку оперы резко раскритиковали за формализм, антинародность, в т. ч. игнорирование композитором мотивов творчества народов, «населяющих Северный Кавказ». Так, в редакциях документа отмечалось, что отсутствовали «казачьи и горские напевы»¹²⁰. (Напомним, Сталин отмечал, что «в советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся...»¹²¹) Фабула оперы называлась «исторически фальшивой», создающей «неверное представление», «будто такие кавказские народы, как грузины и осетины, находились в ту эпоху во вражде с русским народом... так как помехой для установления дружбы народов в тот период на Северном Кавказе являлись ингуши и чеченцы»¹²². В записке Д. Т. Шепилова и П. И. Лебедева секретарям ЦК еще отмечалось, что в опере «носителями светлого, революционного... являются народы Северного Кавказа...», а «русский народ показан лишь случайным участником событий...»¹²³. Такая трактовка истории противоречила установкам Сталина о руководящей роли в СССР русского народа. Мы можем заключить, что в «художественном» Постановлении были затронуты и идеологические границы понятия «дружбы народов». Оно в то время не распространялось на выказавшие нелояльность к государственной модели СССР с русским народом как государствообразующим «опальные» (в данном случае, депортированные) народы. В хрущёвский период Постановление ЦК КПСС от 28 мая 1958 г. «Об исправлении ошибок в оценке опер “Великая дружба”, “Богдан Хмельницкий”, “От всего сердца”» отмечало: «было допущено... искусственное противопоставление одних народов Северного Кавказа другим» и «субъективный подход к... произведениям искусства... И. В. Сталина»¹²⁴. Будет небезынтересно в настоящей книге вспомнить, что замолвил слово «восстановить историческую справедливость», т. е. пересмотреть решение 1948 г., Председатель правления Союза композиторов СССР Т. Н. Хренников. Он обратился с такой просьбой к Н. С. Хрущёву на премьере своей оперы «Мать» 26 октября 1957 г. в Большом театре, которая была приурочена к 40-летию Великого Октября¹²⁵ (см. о самой опере «Мать» в § 3 главы 2).

* * *

В связи с Октябрьским юбилеем усиливалась пропаганда и образа Сталина. Особо показывалась ведущая роль Сталина наравне с Лениным в событиях Октября. Так, в радиопередаче «Ленин и Сталин — вдохновители и организаторы Великой Октябрьской социалистической революции» неоднократно подчеркивалось: Сталин, как верный соратник Ленина, спас его жизнь, убедив в необходимости уйти в подполье, а не являться перед судом «контрреволюционного Временного правительства» в июле 1917 г., как уговаривали «предатели Каменев, Троцкий и Рыков»¹²⁶. На картине мастера соцреализма В. А. Серова «Ленин провозглашает Советскую власть» (1947), которая была восторженно принята на Всесоюзной художественной выставке, посвященной 30-летию Октября, за спиной Ленина стоит Сталин. За эту картину Серов удостоился Сталинской премии 1-й степени (1948). (В 1962 г., в период второй волны десталинизации после XXII съезда КПСС (1961), картина была переписана: на ней убрали фигуру Сталина.)

Факты, которые не способствовали созданию образа Сталина как ведущего участника революционного процесса (даже то, что Сталин еще не был в Петрограде в феврале 1917 г.), вычеркивались из текстов радиопередач цензорами Главлита¹²⁷.

В рамках подготовки к 30-летию Октября в библиотеках было уделено основное внимание усиленному изучению книг, формирующих героический образ Ленина и Сталина в детском сознании как вождей революции. Так, о Ленине детям говорили, «что он очень умный», «в детстве честный и правдивый», о Сталине — как он бежал из ссылки¹²⁸. Для 2-х и 3-х классов рекомендовались книги «Детские и школьные годы Ильича», «Рассказы о Ленине», «Встречи с товарищем Сталиным». Проводились утренники, читки вслух, беседы, выставки, посвященные им как организаторам и вдохновителям Октябрьской революции и создания Советского государства. Ученики 3-х и 4-х классов школ Кировского района Москвы к празднику подробно изучали биографии вождей, а также «Образы Ленина и Сталина в художественной литературе». Проводились занятия и на воспитательно-политическую тему

«Товарищеская дружба» на примерах Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина¹²⁹.

Портреты Ленина и Сталина на демонстрации 7 ноября на Красной площади открывали «портретную галерею великих ученых нашей Родины»¹³⁰. На плакате В. Климашина «Да здравствует 30-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» на красном знамени присутствовали профили Ленина и Сталина¹³¹. Так Ленин и Сталин преподносились как вдохновляющие примеры во всем.

Была и тенденция более широкой пропаганды, выдвижения на первый план образа Сталина, чем Ленина. Например, на плакате В. Корецкого 1947 г. изображение Сталина располагалось на фоне статуи Ленина в нише стены, на заднем плане, со словами из гимна СССР:

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил!¹³²

На плакате И. Шагина, А. Дружкова и Н. Владимирского «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина, — вперед, к новому расцвету Советской Родины, к полной победе коммунизма в нашей стране!» профиль Ленин был затенен на красном знамени, а четко изображен Сталин, а на рижском плакате В. Медведева большое красное знамя с профилем одного Сталина (!) гордо реяло в небе над образами Ленинграда и Москвы, в т.ч. над Дворцом Советов (фигура Ленина на последнем выглядела менее заметной)¹³³.

В «юбилейном» списке издания литературы присутствовало 9 работ Сталина (в т.ч. его выступления на XVIII съезде ВКП(б), о проекте Конституции, на Первом съезде колхозников, Всесоюзном совещании стахановцев), при том что было издано к юбилею только 5 произведений Ленина¹³⁴.

На торжествах звучало много песен о Сталине («Песня о Сталине», «Нас воля Сталина вела» на стихи видных поэтов: А. Суркова, М. Рыльского и др.)¹³⁵. Перед праздником «сталинские» песни размножали сотнями экземпляров (например, 300) и рассылали «по периферийным филармониям»¹³⁶.

Имя Сталина около 20 раз (иногда по 3 раза в абзаце) упоминал в своем докладе 6 ноября В. М. Молотов¹³⁷. В выступлении Н. А. Булганина на параде отмечалось, что Великая Победа СССР над Германией и Японией осуществлена с помощью «передовой

сталинской военной науки». В оформлении демонстрации использовали «макет книги биографии товарища Сталина»¹³⁸.

Фильм С. Юткевича «Свет над Россией» (1947) по пьесе Н. Погодина «Кремлевские куранты» о плане электрификации России (ГОЭРЛО), завершающийся профилями Ленина (в исполнении Н. Колесникова) и Сталина (М. Геловани), не вышел на экраны (в конце концов, фильм, полностью готовый, постановили «снять с производства»). Фильм даже после переделки (т. е. уже с убранными сценами: показывавшими Ленина «ложно демократичным» в общении с матросом и др., сценами в «Кафе поэтов» и чтением там стихов В. В. Маяковским, названными «богемщиной») все равно не понравился при повторном просмотре главному зрителю той эпохи — Сталину. Образ живого вождя в ней не стал ключевым, хотя уже во втором варианте картины, вопреки исторической реальности, Сталин показывал Ленину карту «Гидроторфа» (на самом деле это был Г. М. Кржижановский). Со сталинским образом все равно соперничали образы Ленина и даже простого часовщика, настроившего кремлевские куранты на исполнение «Интернационала»¹³⁹. Такая подача образов разительно контрастировала с непрерывно демонстрируемым в 1947 г. и, что показательно, отмеченным Сталинской премией 1-й степени фильмом М. Чиаурели «Клятва» (1946). В этом фильме-каноне с религиозным накалом Сталин представлялся в центре киноповествования как единственный хранитель и претворитель в жизнь заветов и дел великого Ленина.

Приоритет сталинской темы над ленинской, на наш взгляд, нес в себе не только стремление превознести живого вождя, но и имел объективный характер. Культ Сталина давал возможность актуализировать для масс (в т. ч. для молодого поколения) большие свершения многих лет без Ленина.

* * *

К 30-летию Октября пропагандировались образы соратников Ленина и Сталина. В 1947 г. в юбилейном списке литературы присутствовали работы В. М. Молотова «Советский Союз в борьбе за мир», М. И. Калинина «О коммунистическом воспитании», А. А. Жданова «Об идеологической работе ВКП(б)». В школах

подробно изучали биографии героев официального пантеона революции: С. М. Кирова, С. Орджоникидзе, Ф. Э. Дзержинского, В. М. Молотова, М. И. Калинина и др.¹⁴⁰

Во многих спектаклях праздничной декады с 5 по 15 ноября 1947 г. в Москве и в текущем репертуаре театров «РСФСР, Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана и Латвии» (пьесы «Кремлевские куранты» и «Человек с ружьём» Н. Погодина, «Правда» А. Корнейчука и др.) были «выведены образы вождей Социалистической революции» — «В. И. Ленина, И. В. Сталина и их соратников». Эти спектакли отсматривали на соответствие «идейно-художественным требованиям» представители Главного управления театров¹⁴¹. Среди материалов совещания по обсуждению спектаклей периферийных театров встречалась неудовлетворенность чиновников от культуры увлечением портретностью (передачей движения, мимики, голоса, интонаций речи) в образе Ленина и периодическими упущениями «богатства внутреннего мира» образа¹⁴².

На выставке грузинского изобразительного искусства к 30-летию Октября активно пропагандировался образ Л. П. Берии (картины «Тов. Л. П. Берия на Клухорском перевале», «Тов. Л. П. Берия на Кавказском фронте» и др.)¹⁴³.

Через возвышенные образы сподвижников вождей подчеркивалось не только могущество воспитавшей их Партии, но и мудрость самих Ленина и Сталина, которые их выдвинули на ответственные посты.

Собственно историко-революционной тематике уделялось не столь большое место в нарративе юбилея. К празднику использовался для показа определенный канонический набор историко-революционных фильмов: «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Человек с ружьем», «Депутат Балтики», «Чапаев», «Щорс», «Котовский» и др. На выставке в Московском доме кино «Советское кино к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции» — летописи достижений советского киноискусства — демонстрировались материалы о фильмах по всем разделам: «Образы Ленина и Сталина в кино», «Из истории партии большевиков», «Революционное движение в России», «Великое историческое прошлое русского народа»,

«Из истории борьбы трудящихся за свою независимость», «Великая Октябрьская революция», «Гражданская война», «Строительство социализма»¹⁴⁴. При всем уважении к прошлым этапам советской истории в программу фильмов, производство которых поручалось завершить к празднованию юбилея, вошли картины на новые темы из современности: художественные «Молодая гвардия» (1 серия), «Жизнь в цитадели» (о современной эстонской интеллигенции), «Мария Мельникайте» (о «дочери литовского народа», Герое Советского Союза), «Победа» (о борьбе латышского народа с немецкой оккупацией в дни войны). К празднику были выпущены и документальные фильмы (помимо упоминаемых в данном параграфе фильмов о советских республиках) «День победившей страны», «Москва социалистическая», «Всесоюзный парад физкультурников 1947 г.», «Авиационный праздник в Тушино 1947 г.» и др.¹⁴⁵ Власти в данное время важнее было не только и не столько обращение к революционному прошлому, сколько мобилизация народа (в т. ч. на сложных в плане политических настроений, присоединенных перед войной территориях) на восстановление страны после войны и на новые трудовые и, возможно, боевые подвиги.

* * *

В Москве, в связи с недавно отпразднованным ее 800-летием, было уделено внимание и историко-революционной краеведческой тематике (хотя по стране почти не освещался региональный аспект революции). Так, в юбилейном перечне лекций, прочитанных в столице, фигурировали темы: «Роль Московской партийной организации в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции», «Великий Октябрь в Москве»¹⁴⁶. Популярностью у москвичей пользовалась новая книга И. И. Минца «Великий Октябрь в Москве» — в отдельных библиотеках ее брали за год 157 раз: чаще, чем «Задачи союзов молодежи» Ленина (книга взята 134 раза) и биографии Ленина (91 раз) и Сталина (42 раза)¹⁴⁷.

«Московская» историко-революционная тема прозвучала и в оформлении колонн демонстрации (панно «Красная Пресня в 1905 и 1917 гг.» и др.)¹⁴⁸.

Важно подчеркнуть, в трансляции демонстрации 7 ноября наминалось, что Москва была награждена в день своего 800-летия орденом Ленина. Так, через образ основателя Советского государства устанавливалась связь двух юбилеев.

* * *

Русская православная церковь также принимала участие в праздновании 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Еще в годы Великой Отечественной войны Русская православная церковь, по воле Сталина, понимавшего ее государственно-патриотическое значение, вышла из изоляции: приостановились гонения, стали открываться храмы, семинарии, возобновилось издание «Журнала Московской патриархии» и др. Активизировались церковно-государственные отношения. В 1945 г. на Поместном соборе на место умершего Патриарха Сергия (годы патриаршества — 1943–1944) был избран Алексей I. В 1946 г. он за большую патриотическую работу в годы войны был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

800-летие Москвы было отпраздновано церковью¹⁴⁹. 18 октября 1947 г. состоялись церковные торжества. Главным из них стало перенесение переданных властью мощей святителя митрополита Алексия Московского из Успенского собора Кремля (т. к. Кремль до 1955 г. был закрыт для посещения) в Патриарший Богоявленский собор в Елохове¹⁵⁰.

Юбилейная дата революции была отмечена посланием Патриарха Московского и Всея Руси Алексия I, текст которого был согласован с Советом по делам РПЦ при Совете министров СССР. В нем отмечалось, что целью Советской власти всегда было и есть «освобождение людей от порабощения, от угнетения, от власти богатства и стяжания». Особо подчеркивалось, что после войны «Отчество наше вышло из горнила испытаний еще более сильным и могущественным». В послании также выражалась благодарность за то, что Церковь, освобожденная законом «от вмешательства государства» в эти годы «обрела свое... каноническое устройство»

и, прежде всего, «было возвращено патриаршество». Не забывались в послании и Поместный собор 1945 г., на который также прибыли главы всех Церквей Востока¹⁵¹. Так Русская православная церковь откликалась в своем послании на государственный юбилей, отмечая те шаги по улучшению ее положения в СССР, принятые Сталиным и Советским правительством.

* * *

В заключение параграфа можно выделить следующие основные особенности политико-идеологического содержания 30-летия Великого Октября:

- связь Октябрьской революции и обретения страной экономической и духовной независимости от Запада и статуса великой державы;
- акцент на особую роль «великого русского народа» в развитии республик СССР;
- актуализация темы восстановления и развития народного хозяйства (на роль «локомотива» данного процесса претендовал Ленинград, что было связано с политическими претензиями «ленинградской группы»);
- масштабная пропаганда роли Сталина в деле революции наравне с Лениным.

§ 4. Характерные черты общественных настроений по поводу юбилея Великого Октября

Общественные настроения вокруг 30-летия Великого Октября нашли отражение в многочисленных источниках.

* * *

Документом, раскрывающим официальную картину реакции населения на доклад В. М. Молотова, сделанный на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1947 г. «Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции», является «Информация... об откликах трудящихся Москвы...»,

которая была составлена сектором информации Оргинструкторского отдела МГК ВКП(б) для секретаря МГК и МК и разослана пяти секретарям МГК. Сводка была составлена после праздника — 10 ноября. В эти дни происходили пропагандистские мероприятия (митинги, беседы, коллективные читки, доклады) по материалам выступления.

В сводке откликов трудящихся, как рабочих, так и представителей интеллигенции, приводились высказывания печатника типографии «Известия», ткачихи комбината «Трехгорная мануфактура», слесаря завода № 22 и др., члена-корреспондента Академии наук СССР С. П. Фёдорова, писателя А. О. Авдеенко, научного сотрудника Музея Революции, инженеров и др. лиц. Из сводки видно, что особенно актуальной оказалась международная часть послания, прежде всего, заявление Молотова об отсутствии для СССР «секрета атомной бомбы». Около 7 раз (в половине из всех высказываний отчета)¹⁵² в откликах прозвучали радость и воодушевление этому факту, восстанавливающему военный баланс сил в мире. Как известно, в тот период люди были озабочены международной напряженностью и возможностью новой войны (по сведениям, идущим в ЦК, это был один из самых волнующих вопросов при беседах с трудящимися в 1947 г.). На настроения людей оказывал влияние политико-идеологический фактор разворачивающейся холодной войны, который выражался в усилении антиимпериалистической пропаганды. Звучали слова из пропагандистской лексики: «агрессоры», «реакционные круги», «империалисты» и др. Об СССР же говорили, что он ведет «политику мира между народами» и «борьбу за укрепление и расширение демократического лагеря»¹⁵³.

В откликах много говорилось о «государстве», «власти», «стране», в т. ч. о готовности быть «маленьким винтиком большой советской машины» (о людях, которых «считают винтиками» «великого государственного механизма», говорил и сам Сталин в тосте на приеме в честь Парада Победы)¹⁵⁴; трудящиеся заверяли, что будут работать еще лучше, досрочно выполняют годовую норму и т. п.¹⁵⁵. При этом в «откликах» не встречалось слово «революция»¹⁵⁶. На данные настроения оказывала влияние в большей мере «державная», чем «революционная» линия юбилейной пропаганды.

* * *

Образцом официального коллективного письма или приветственного адреса к Октябрьскому юбилею, характерного для сталинского времени, было «Письмо товарищу Сталину от комсомольцев и молодежи Советского Союза в связи с XXX-летием Советской власти». О ходе обсуждения текста письма на собраниях коллективов, комсомольских ячеек и сборе подписей под письмом (подписали 17 млн 319 890 чел.) отчитывался перед секретарями ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецовым, М. А. Суловым и Г. М. Поповым 1 ноября 1947 г. секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов¹⁵⁷.

Рядом с подписями часто оставались записи и стихи. Центральным среди образов Советской власти был Сталин: он назван «символом наших дней», в стихах — «отцом родным» и «светочем жизни нашей» (6-классница из Кишинева), «родным любимым» (для татарской молодежи)¹⁵⁸.

В стихах от комсомольцев Великолукской области (существовала в 1944–1957 гг.) клятвенно звучали слова:

И вновь мы докажем, что русский народ
Черчиллей, Трумэнов, прочих господ
К порядку, коль нужно, всегда призовет,
Докажем мы это в последнем бою...¹⁵⁹

В стихах встречаются, ставшие в тексте нарицательными, имена У. Черчилля и Г. Трумэна, с которыми были связаны актуальные акции против СССР: Фултонская речь (1946) и «доктрина Трумэна» (1947), широко освещаемые в содержании советской пропаганды (так, студент МГУ Марк Щеглов вспоминал, в дни 30-летия Октября «на Советской площади [ныне Тверская пл. – А. М.] в витринах висели карикатуры Черчилля и К^о»¹⁶⁰). Тревожное ощущение близости новой войны с Западом витало в народе.

Многочисленными (около 50 тыс. в 15 областных организациях) были в ходе данной кампании заявления о вступлении в ряды комсомола, а также стахановские обязательства (на шахтах в Челябинске и в колхозах Гаврило-Ямского района Ярославской области

и др.)¹⁶¹. Акцент в отчете на трудовые мобилизационные моменты демонстрировал мощь идущего по стране соцсоревнования.

7 ноября 1947 г. в «Правде» было опубликовано письмо от старых большевиков «Вождю большевистской партии и советского народа», «дорогому Иосифу Виссарионовичу» (подписали несколько сотен человек). Сохранилось много писем в редакцию с просьбами присоединить подпись к письму.

Имя Сталина постоянно присутствует рядом с именем Ленина, причем, что характерно для старых большевиков, последний упоминается чаще (6 раз; Сталин — 4). Для них лицом революции был, прежде всего, Ленин, хотя и Сталин «олицетворяет русскую революцию». Интересно, что, соглашаясь с установками на ведущую историческую роль русского народа, Октябрьскую революцию называли «русская»¹⁶² (такого определения мы уже не встретим в письмах к 40-летию Октября в 1957 г.).

В дни 30-летия Великого Октября публиковалось множество официальных приветственных адресов, например, «от трудящихся Украинской ССР» (подписали 12 млн 514 тыс. 851 чел.). Лейтмотивом послания было выражение благодарности «братским народам Советского Союза во главе с великим русским народом»¹⁶³, что было в духе сталинского тоста «За великий русский народ!».

* * *

В адрес высших органов власти (прежде всего, Верховного Совета СССР) к 30-летию Великого Октября приходило и множество личных писем от граждан.

В письмах содержался ряд предложений про награждения, в т. ч. учреждение новых медалей в честь 30-летия Октября, а также орден Ленина — Сталина, звания «Почетный гражданин СССР» и положения о категориях награждаемых («всех коммунистов, имеющих стаж до ноября 1917 г.», лиц с 30-летним стажем и имеющих не менее трех правительственных наград¹⁶⁴). Отметим, что в документах Техсекретариата ЦК ВКП(б) отложились списки участников вооруженного восстания в октябре 1917 г. из экипажа крейсера «Аврора» (9 человек) и участников взятия Зимнего дворца (207 человек), посылавшиеся из «колыбели революции» 2-м секретарем

Ленинградского горкома на имя секретаря ЦК А. А. Кузнецова 27 декабря 1947 г.¹⁶⁵ Однако заметного награждения в те годы не произошло.

Не забывали в 1947 г. авторы о материальной поддержке, льготах для старых большевиков и лиц, проработавших много лет: прибавке к зарплате на 50 %, ссуде на покупку дачи и др.¹⁶⁶ (хотя в условиях послевоенной экономии на социальных программах писали об этом и не так часто).

В письмах к юбилею звучало порой и недовольство тем, что «стариков забывают». Так, бывший красный партизан из Челябинска напоминал слова авторитетного, к тому времени уже покойного, «всесоюзного старосты» М. И. Калинина, призывавшего «проявлять к старикам сыновнюю заботу»¹⁶⁷, чему противопоставлялись реалии бездушного формализма чиновников более молодых поколений. Таким образом, видно, хотя и робкое, позиционирование старых большевиков как особой социальной группы, оттесненной новой сталинской номенклатурой.

* * *

Огромное влияние на авторов писем к 30-летию Октября оказывал политико-идеологический фактор культа личности Сталина. Благодарности и славословия вождю встречались почти во всех письмах. Традиционно звучали предложения переименовать Москву (в город «Ленин — Сталин»), воздвигнуть памятник на Красной площади (даже золотой, с перечислением 2 тыс. руб. на него). Степень сакрализации образа Сталина, почти как Мессии, особенно зримо выражена в предложенной надписи на памятнике: «Великий Вождь и Учитель, прославляем славные дела твои и ожидаем прихода твоего. Народы мира». Интересно, что актуализирована в письме и популярная в те годы в пропаганде «славянская» тема — автор предлагал на памятнике барельеф о «единстве и дружбе славянских народов»¹⁶⁸. Военную ипостась культа Сталина к 30-летию революции подчеркивало такое предложение о введении новых, в державно-имперском стиле, воинских ритуалов в честь генералиссимуса СССР: вместо «отдания чести» произносить «Слава Сталину» и при его появлении «преклонять знамена»¹⁶⁹.

Для увековечивания к 30-летию Октября граждане предлагали порой оригинальные монументальные решения. Так, в одном из писем предлагалось на Манежной площади воздвигнуть памятник «Россия» (заметим, что не «СССР» или «РСФСР»). В письме присутствовала интересная «переключка» юбилейных исторических дат — народный отклик на актуализацию исторического прошлого страны со стороны власти: «XXX-я годовщина Революции; 800-летие Москвы; 400 лет собственно Русскому государству (если считать от 1547 года принятия Иваном IV царского титула); в будущем году — 50-летие ВКП(б)...»¹⁷⁰

Монумент должен был представлять скульптурную группу пожилой женщины (символа Родины) и сына. «Пожилая женщина, ее лицо измождено... напряженным трудом... и исполинским мужеством и благоговением. В глазах ее светится материнская ласка. Она глядит далеко вперед». В руках ее сына «какое-нибудь оружие труда. Он стоит... только оторвался от работы... Правая рука... над головой... сжата в кулак. Он смотрит, как и мать его, вперед (Можно заставить мать смотреть на сына своего)»¹⁷¹. На пьедестале в виде ленты должны быть мелкими буквами (позолоченными) выбиты имена великих и знаменитых людей России (в широком смысле слова, т. е. включая государственные образования на территории СССР в современных границах): «...Лобачевскому Плеханову Попову Менделееву Кутузову Салтыкову-Щедрину Айвазовскому...»¹⁷². Автор отмечал преемственность традиций дореволюционной русской культуры при Советской власти: «Наша новая культура не только не оторвалась от великого наследия нашей прошлой национальной культуры, но, напротив, опираясь на ее лучшие достижения, продолжила ее славные традиции...»¹⁷³ Поэтому на памятнике должны быть имена выдающихся дореволюционных деятелей. В письме видна реакция «снизу» на влияние такого политико-идеологического фактора, как проведение «выборочной реабилитации героев и исторической системы образов царской России»¹⁷⁴, действовавшего с середины 1930-х гг. и особенно усилившегося в годы войны. Возможно, такой глубокий и масштабный взгляд помог бы «оживить» идеологическую концепцию юбилея, прочно связав историю России до революции и после нее, и тем самым необычно увековечить память

о 30-летию Советского государства. Однако для догматично настроенных партийных идеологов подобные предложения выглядели слишком смелыми.

Юбилей Октябрьской революции стремились ознаменовать открытием крупного художественного музея. Так, С. А. Беневоленский из Москвы предлагал создать в Москве Дворец советского искусства, призванный собрать разбросанный по разным музеям «ряд выдающихся произведений живописи, скульптуры и графики, отражающих величайшие события, произошедшие в нашей стране за истекшее тридцатилетие» и открыть его до постройки специального здания в доме на Кузнецком мосту, 12. Сложность, связанная с необходимостью переезда многих учреждений и организаций, располагавшихся в предлагаемом здании, предопределила отклонение данного предложения в Комитете по делам искусств при Совете Министров СССР¹⁷⁵.

Некоторые граждане создавали и свои художественные произведения. Так, А. И. Лукьянов из Кишинёва, приехавший для ожидания резолюции в Москву, а потом оказавшийся в городе Фрунзе (ныне Бишкек), при том что почта его искала, еще в феврале 1947 г. посылает на имя К. Е. Ворошилова текст пьесы «Григорий Котовский» о герое Гражданской войны. Автор возмущался, что при наличии «хорошего отзыва» на пьесу в ЦК КП(б) Молдавии, от вдовы героя, О.П. Котовской, и молдавского народа, спектакль сняли с постановок в театрах республики и не берут театры Москвы. Автор заявлял, что Котовский верно им показан в пьесе («вначале — бунтарь одиночка, затем руководитель стихийного крестьянского движения в Бессарабии, потом искусный командир Красной Армии, примерный партиец, опытный организатор...»), ссылаясь на характеристику Котовского, данную Сталиным¹⁷⁶. Автор обещал к 30-летию Октября написать пьесу о «светлом и славном человеке партии Михаиле Васильевиче Фрунзе» (в планах у Лукьянова были еще пьесы о Лазо, Ворошилове, Будённом)¹⁷⁷.

Пьеса в отзыве за подписью Председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР была названа «поверхност-

ным детективом», не имеющей художественной ценности, а сцена заманивания обманом атамана, как отмечалось рецензентами, представляла «Котовского и в его лице Красную Армию в крайне невыгодном и неверном освещении»¹⁷⁸.

Этот пример судьбы письма лишний раз показывает, что в народе не всегда понималось то, что партийная позиция в данный период по освещению образов революционных героев шла по линии их канонизации, их «житийного прочтения», т. е. отхода от всяческой человеческой сложности, ее полутеней.

В письмах к 30-летию Октября присутствовала и собственно историческая тематика изучения революции и Гражданской войны: часто встречалась пересылка личных документов и фото времен революционной молодости. Так, П. Ф. Федотов, член ВКП(б) с 1912 г., прилагал к письму материалы своей книги «Двинцы в пролетарской революции» (1927) [двинцы — солдаты 5-й армии Северного фронта — А. М.] для ее переиздания¹⁷⁹. Однако углубление в изучение истории революции явно уже не вызывало поддержку в партаппарате. В ответ на докладную записку от 2 апреля 1948 г. от заместителя заведующего Центрального партийного архива с предложением мобилизовать старых большевиков для написания воспоминаний о Сталине, собирать их группами, директор Института Маркса — Энгельса — Ленина В. С. Кружков (в будущем перешедший в отдел пропаганды и агитации ЦК) наложил резолюцию, в которой усомнился, нужно ли собирать старых большевиков вместе, тем более что «многие фамилии вызывают сомнения», могут ли они дать «полезные сведения и воспоминания»¹⁸⁰. Еще в середине 1930-х гг. были закрыты Всесоюзное общество старых большевиков, Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, журнал «Каторга и ссылка». Многие из членов данных обществ были репрессированы. Любые «живые» материалы, воспоминания, которые могли помешать созданному к концу 1930-х гг. «сталинскому» мифу об Октябрьской революции и Гражданской войне, были крайне нежелательны.

* * *

Среди предложений об увековечивании юбилея выделяется письмо от гвардии капитана и «молодого поэта» А. И. Бабенко из Смоленска. Он предлагал переименовать с 1 января 1948 г. дни недели в «социалистические» дни недели, назвав саму неделю Солнечником. Автор предполагал переименовать понедельник в Буревестник, вторник — в Пионерник, среду — в Пятилетник, четверг — в Гвардию, пятницу — в Ленинник, суббота — в Сталиник, воскресенье — в Солнечник. Они соответственно отражали бы «растущее молодое поколение», «мощь и труд страны социализма», «неувядающую славу нашей армейской и комсомольской Гвардии», «заслуги Ленина и Сталина»¹⁸¹.

Это предложение было проникнуто революционно-романтическим духом 1920-х гг., когда советские люди стремились радикально обновить мир (не случайно, в предложении неделя начинается с «Буревестника»). В 1947 г., когда государственное, традиционалистское начало в СССР уже давно преобладало над революционным, такие предложения выглядели несвоевременно. К тому же названия дней в неделю в честь Ленина и Сталина были бы просто пародийными проявлениями культа личности, на что, конечно, руководство страны не собиралось идти.

* * *

Особенно интересным представляется написание простыми людьми стихов («наивных» поэтических текстов), приуроченных к Октябрьским годовщинам.

Так, среди писем мы видим «Гимн “30-летию Советской власти”» от гражданина В. А. Ельцова. Стилистика песни отсылает к народной форме (слова и обороты «солнце красное», «волюшка» и др.), которая имеет интертекстуальные аллюзии с песнями о народном герое Степане Разине («Ты взойди, взойди / Солнце красное» и т. п.).

В эту форму включены характерные для пропагандистских текстов обороты: «всенародный... праздник», «новый быт укоренял»,

«путь к Науке — всем открыт». На стихи наложил отпечаток контекст холодной войны в целом, а конкретнее — заявления советских представителей в ООН А. А. Громыко и А. Я. Вышинского в сентябре 1947 г. против «поджигателей войны»:

Наш Громыко и Вышинский
Все коварство их открыл,
В поученье всем народам
Громогласно обличил.

СССР, как носителю света («светлый праздник ярче солнца нам горит... мир собою озарит»), в гимне противостояли силы тьмы Запада: «Тучи черные все сгущаются / И затмить хотят солнце красное» или:

Мировые финансисты
Сети хитрые плетут,
Против стран свободных мира
Круговой заслон ведут¹⁸².

Заметно, что здесь поэтически выражены как политика «железного занавеса», так и тезис А. А. Жданова о «двух лагерях», «империалистическом антидемократическом» и «антиимпериалистическом демократическом», высказанный им на совещании по созданию Коминформа в сентябре 1947 г.

Заканчивался гимн Ельцова картиной торжества советского коммунистического проекта:

Не видать врагам победы
Над Советскою страной,
Не удастся коммунизма
Угасить огонь живой!¹⁸³

Такой уверенности способствовал общий политико-идеологический контекст. Все средства пропаганды транслировали слова Молотова в докладе к юбилею: «Мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму»¹⁸⁴.

В Октябрьских «наивных» поэтических текстах Ельцова ли-дерами по распространенности являются слова «народ» и «народный» (10 раз), «свобода» и «воля» («волюшка») — 6 раз «власть» — 5 раз. Такие показатели были связаны с верой во власть свободного народа в СССР и в освобождение народов мира от империализма.

* * *

Отметим некоторые критические настроения представителей интеллигенции. Так, М. М. Пришвин рассуждал в своем дневнике 7 ноября 1947 г.: «Из Англии: “Агрессивный коммунизм хвалится силой и достижениями, зачем бы ему хвалиться, если бы эти силы были в действительности, зачем бы ему натравливать своих граждан на иностранцев?” А я столько думал, откуда и почему взялся у нас небывалый дотоле стиль государственного хвастовства...»¹⁸⁵ Масштаб возвеличивания достижений СССР в контексте его противопоставления Западу был таков, что иногда оно воспринималось как излишнее и навязчивое. Пришвин отмечал, что, в отличие от тенденциозного «симоновского разбоя» [позиция писателя К. М. Симонова, кстати, раскритикованного 30 ноября в газете «Культура и жизнь» за то, что в повести «Дым Отечества» им был дан «пассивный» образ советского патриота¹⁸⁶ — А. М.], он сам старался произвести «художественное выявление действительных достоинств русского человека»¹⁸⁷. Скепсис Пришвина разделял в своем дневнике историк С. С. Дмитриев. После посещения юбилейной художественной выставке в ГМИИ им. А. С. Пушкина он записал: «Итоги 30-летия скромны. Тьма идеологически выдержанной бездарности. Самое сильное впечатление: Конёнкова [скульптора С. Т. Конёнкова — А. М.] “Освобожденный человек”. Прекрасно, сильно, с мыслью; спорно, но это-то и доказывает мысль...»¹⁸⁸

Чувство усталости от ритуальности и официоза торжеств выразил в своем дневнике от 8 ноября Президент Академии наук СССР С. И. Вавилов: «Дней пять подряд торжественные заседания, банкеты, сидения в президиумах. Невыносимые певцы, скрипачи... Вчера во время концерта рядом Лысенко [Т. Д. Лысенко — научный противник брата автора генетика Н. И. Вавилова, погибшего в 1943 г. в Саратовской тюрьме — А. М.] <...> Утром вчера на параде и демонстрации. День холодный, дождливый, серо-грязный». В записи от 13 ноября, уже в Ленинграде, читаем: «... «Вечером лекция в Конф[еренц]-зале Академии. Опять «30 лет сов[етской] науки» [выступление С.И. Вавилова по авторской статье — А. М.] Настроения и “философия” самые грустные и самые безнадежные»¹⁸⁹.

Каковы же были впечатления «простых людей» непосредственно от юбилейных Октябрьских торжеств в Москве? Студент МГУ Марк Щеглов описал в своем дневнике атмосферу народного приподнятого настроения после военного парада с «лязгом и рокотанием моторов»: мальчишки, с «диким восторгом» взобравшиеся на борт танков, несмотря «на мелкий морозящий дождь»; «веселые люди, стройные, в ярких свитерах, физкультурницы, ребятишки с флажками и шариками, музыка, лозунги, шум, смех, праздник!»¹⁹⁰. Рабочий же Молотовского (Пермского) авиамоторного завода Александр Дмитриев, не надеявшийся из-за «международного положения» на отмену карточек к празднику, но надеявшийся «хоть выпить хорошенько», записал в дневнике также следующее: «7 ноября утром встал, выпил один пол-литра вина и уже днем направился на демонстрацию. Как и где я ходил, помню смутно». Однако уже 9 ноября он посмотрел в кино новый фильм «Подвиг разведчика»¹⁹¹.

В целом, несмотря на трудности послевоенного быта, люди, как и в случае с недавними торжествами по случаю 800-летия Москвы, радовались празднику — символу гордости за великие свершения страны и воплощения надежд на лучшую жизнь.

* * *

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что характерной чертой общественных настроений по поводу 30-летия Великого Октября было их в большей степени советское державно-патриотическое, чем революционно-интернационалистское содержание. Общественные настроения в большей степени, чем официальная пропаганда, выражали попытки духовно осмыслить коммунистический проект и роль СССР для всего мира, а также представления о сакральном характере борьбы с капиталистическим Западом.

§ 5. Результаты увековечивания памяти 30-летия Советской власти

Увековечивание памяти 30-летия Великого Октября, как и 800-летия Москвы, происходило в различных формах.

* * *

К юбилею открывали монументы основателю Советского государства В. И. Ленину: например, в Москве у завода имени Ильича (бывшего Михельсона), где на него было совершено покушение в 1918 г. Авторы монумента — скульптор С. Д. Меркуров, архитектор А. Ф. Жуков.

Закладки 7 ноября 1947 г. памятников В. И. Ленину в Кремле и монумента в честь Октябрьской социалистической революции в Ленинграде так и остались в планах ЦК партии¹⁹² в связи с общей неразберихой в период подготовки к торжествам на высшем уровне.

* * *

Архитектурное увековечивание памяти о юбилее воплотилось в оформлении восточного вестибюля станции метро «Площадь Революции» (арх. А. Н. Душкин, Ю. П. Зенькович и др.) в Куйбышевском проезде (ныне — Богоявленский переулок), открытого 21 декабря 1947 г., в день рождения И. В. Сталина. На заседании

Архитектурного Совета г. Москвы от 3 октября 1946 г. архитекторы отмечали: его «общая тематика» — «30 лет Великой Октябрьской социалистической революции, торжество советского народа и... строя»¹⁹³. Зал вестибюля украшал мозаичный герб СССР среди знамен (худ. В. Ф. Бородинченко) с датами «1917» и «1947» и строками гимна СССР (1943). Они выражали идеологические формулы государственности, в которой русский народ объединил вокруг себя народы:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!» —

а также независимость СССР и советскую демократию как основу ее политического строя:

Славься, Отечество наше свободное,
Славы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народов
Пусть от победы к победе ведет!

Тем самым содержание такой мемориализации юбилея революции отвечало идее, что страна за 30 лет, сплотив дружественные народы вокруг государствообразующего великого русского народа, превратилась в могучую державу, основанную на народовластии (слова о «знамени советском, знамени народном» без слов о Партии).

К 30-летию Октября было приурочено открытие театра Сталинского района, перестроенного из бывшего Введенского народного дома, где выступал Ленин в 1918 г. (станция метро «Электrozаводская»). Ныне в роскошном здании в стилистике «сталинского ампира», — театрально-концертный зал «Дворец на Яузе». Если обратиться к декору его фасадам, то нельзя не заметить единствен-

ную скульптурную группу — «Победу» над фронтоном, которая выражала в оформлении здания, возведенного к 30-летию Советской государственности, наивысший триумф советского строя.

К юбилею Октября не было выпущено медалей. Это можно объяснить тем, что в первые послевоенные годы различные медали связывались в основном с боевыми заслугами в недавней войне, либо трудовой героизм (например, медаль «За восстановление угольных шахт Донбасса», учрежденная 10 сентября 1947 г.); к тому же только 20 сентября была учреждена медаль в честь впервые отмечаемого юбилея — 800-летия Москвы.

В топонимической форме юбилей был увековечен для Октябрьских годовщин традиционно: названиями улиц в честь 30 лет Октября (в Воронеже, Ижевске, Горьком, Новосибирске, Ростове-на-Дону и малых населенных пунктах), а также в названиях колхозов и совхозов. Однако в столице СССР Москве в честь юбилея не была названа ни одна улица.

К 30-летию Великого Октября не было подготовлено специального издания. Для осуществления библиографических проектов еще не было достаточных ресурсов. Однако в значительной мере этот пробел восполняло издание краткой биографии Сталина, над которой трудилась большая группа идеологов (Г. Ф. Александров, П. Н. Поспелов и др.)¹⁹⁴. Ведь с именем Сталина в то время ассоциировались победы и успехи страны за 30 лет.

К юбилею выпускалась различная сувенирная продукция: марки, значки, шкатулки и др. На марках изображались сцены Октября 1917 г., достижения СССР (например, в сельском хозяйстве после февральского Пленума ЦК по проблемам его восстановления). На значках красовались профили Ленина

и Сталина на знаменах, в т.ч. часто — над Кремлевской стеной со Спасской башней (как на значке, изображенном на обложке настоящей книги), причем профиль Сталина был на переднем плане. (Знамя с профилем Сталина парило над Дворцом Советов, увенчанное статуей Ленина, и на плакате В. Медведева¹⁹⁵.) Сталин, как и в пропаганде к 800-летию Москвы¹⁹⁶, представлялся также в военном образе, что напоминало о нем как о «главном творце» Великой Победы. Так, его портрет в мундире украшал фарфоровую вазу работы художника А. Яцкевича «Ленинград — колыбель революции» — юбилейный подарок Центральному музею В. И. Ленина от Ленинградского фарфорового завода¹⁹⁷. Генералиссимус Советского Союза изображался при всех регалиях, в окружении лавровых ветвей, летящих самолетов и военных, в т.ч. «полководческих», орденов: Победы, Суворова, Кутузова, Отечественной войны и Славы и на вытканном платке. На шкатулке к юбилею Октября изобразили орден «Победа» (последний был центральной фигурой и в популярном плакате В. Викторова к 800-летию Москвы¹⁹⁸).

Еще с сентября 1946 г. силами Союза советских художников готовилась Всесоюзная выставка декоративного искусства, посвященная 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции и 800-летию Москвы (4–30 июня 1947 г.). На ней были представлены образцы целых интерьеров, отдельной мебели, гобелены, панно, ларцы, шкатулки и пр., в которых, по условиям объявленного конкурса, отражались темы «30 лет Советской власти» и «800-летие Москвы». Об идейном содержании художественных произведений красноречиво говорили сами их названия: «Дружба народов», «16 республик», «Слава», «Победа», «Города-герои», «За землю Русскую», «Ленин — Сталин», «Сталин — наше знамя», «Выборы Верховного Совета», «4-я пятилетка», «Восстановление Донбасса», «Хлеб», «Урожай» и др.¹⁹⁹

Сувениры и шире — произведения декоративно-прикладного искусства становились юбилейными подарками. Они поступали в продажу (вплоть до вологодских кружевных салфеток «30 лет Октября» с яблоневыми и дубовыми листьями — символами соответственно плодородия, изобилия и мощи, силы страны)²⁰⁰.

Через эти произведения искусства в образной форме popularizировались страницы прошлого и настоящего Советского государства.

* * *

Итак, процесс увековечивания памяти о 30-летию Великого Октября не отличался масштабом, т.к. он проходил в тяжелых послевоенных условиях жесткой экономии, когда к тому же только что прошло масштабное празднование 800-летия Москвы. Содержание воплощений увековечивания памяти юбилея было преимущественно связано с советской государственностью, ее настоящим днем, а не с революционным прошлым.

ГЛАВА ВТОРАЯ ЗЕРКАЛО ВТОРОЕ

ПРАЗДНОВАНИЕ 40-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

§ 1. Процесс организации Октябрьского юбилея и политический контекст

Крупным историческим юбилеем хрущёвского периода стало 40-летие Великого Октября, отмеченное 7 ноября 1957 г.

Отметим, что вопрос о выборе даты главных торжеств не стоял. Дата празднования годовщин Великой Октябрьской социалистической революции была несменяема — 7 ноября (день Октябрьской революции по н. ст.). Исторически точное приурочивание юбилея было связано с особым сакральным для власти событием — днем рождения Советского государства.

Подготовка к юбилею началась задолго до его приближения: в повестке дня Президиума ЦК еще в 1955 г. был рассмотрен вопрос о проведении Всесоюзной художественной выставки к юбилею; в 1956 г. — об издании юбилейного сборника документов об Октябрьской революции. Регулярно вопросы юбилейной подготовки решались Президиумом ЦК с февраля по 7 ноября 1957 г.

В черновых записях заседания Президиума ЦК от 21 февраля 1957 г. о подготовке к 40-летию Великого Октября при участии Суслова, Булганина, Микояна, Молотова, Кагановича, Маленкова, Хрущёва и Первухина сразу же встречается предложение

хрущёвского соратника Булганина «М. б. [может быть. — А. М.] образовать госуд[арственный] к[омите]т [так в тексте. — А. М.] по подготовке к празднованию»²⁰¹. Однако в Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» не было положения о создании специального органа по подготовке к юбилею. В пункте 4-м говорилось: «Создать на предприятиях, в колхозах и совхозах, в учреждениях и вузах, в районах, городах и областях комиссии по подготовке к празднованию 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции из представителей трудящихся и общественных организаций»²⁰². О выполнении данного пункта свидетельствуют отчеты и информации в ЦК из регионов (из Москвы, Ленин-градской, Брянской областей и др.) о работе комиссий.

Для координации подготовки к юбилею создавались небольшие временные комиссии (рабочие группы) из секретарей и заведующих отделами ЦК. Так, 30 сентября 1957 г. Президиум ЦК поручал разработку «плана конкретных мероприятий» комиссии в составе: Н. И. Беляева (председатель), О. В. Куусинена, Е. А. Фурцевой, Ю. В. Андропова, И. А. Серова, Ф. В. Константинова, В. П. Московского, Н. С. Патоличева, П. Н. Поспелова²⁰³. Следует отметить, что до своей опалы, случившейся фактически накануне торжеств, в подготовке парада на Красной площади 7 ноября активно участвовал член Президиума ЦК, министр обороны, маршал Г. К. Жуков.

Отсутствие правительственных комитетов по подготовке к Октябрьским юбилейным годовщинам свидетельствует о том, что модель их празднования в общих чертах была отработана. 7 ноября было ежегодно повторяемым праздником (в отличие от «эксклюзивных» юбилеев). Идеологическую работу курировали отделы пропаганды и агитации по РСФСР и по союзным республикам в ЦК, а на местах — отделы пропаганды и агитации партийных организаций.

В вопросе финансовых затрат на проведение юбилейных мероприятий следует отметить, что к 40-летию Октября в общем рус-

ле хрущёвской политики «борьбы с излишествами» наблюдалось стремление лимитировать расходы на торжества, в зависимости от численности работников предприятий: свыше 10 тыс. работников — 6 тыс. руб., от 5 до 10 тыс. — 3 тыс. руб.; а также численности сотрудников учреждений: свыше тыс. чел. — 600 руб., до 200 чел. — 120 руб. и т. д.²⁰⁴

* * *

Основное внимание в ходе процесса подготовки к 40-летию Великого Октября было уделено главным торжествам — юбилейной сессии Верховного Совета СССР, военному параду и демонстрации трудящихся на Красной площади.

Хотя изначально в феврале 1957 г. созыв юбилейной сессии Верховного Совета СССР был отвергнут Хрущёвым, после разгрома «антипартийной группы» в июне 1957 г. было принято решение о проведении данного мероприятия. Основным докладчиком от ЦК был назначен Хрущёв с целью демонстрации своего безоговорочного политического лидерства. Напомним, что докладчиком на праздновании 30-летия Октября был В. М. Молотов, выступивший на более скромном по масштабу мероприятии — торжественном заседании Московского Совета. Президиум ЦК постановил на заседании от 25 октября 1957 г. «сессию открывать днем 6 ноября... в 10 часов утра, транслировать доклад и передавать по телевидению»²⁰⁵.

В процессе подготовки празднования 40-летия Великого Октября в СССР заметно стремление активного участия в торжествах со стороны стран соцлагеря. В качестве гостей на юбилейную сессию Верховного Совета СССР приглашались многочисленные делегации коммунистических, социалистических и рабочих партий стран народной демократии (см. Приложение А), а также компартий и рабочих партий Запада и стран «третьего мира»: Франции, Италии, Австрии, Великобритании, Германии, Испании, Индии, Индонезии, Японии, Сирии и Ливана, Финляндии, Аргентины, Мексики, Швеции, Норвегии, Австралии, Швейцарии, Люксембурга, Исландии, Израиля, Уругвая, Марокко, Туниса, Эквадора и Рабочей прогрессивной партии Канады²⁰⁶.

Предложение об участии в военном параде в честь 40-летия Великого Октября колонн из стран соцлагеря поступило через советское посольство по линии международного отдела ЦК со стороны

венгерского коммунистического лидера Я. Кадара от 13 апреля. Тем самым, как он полагал, будет «отмечено значение пролетарского интернационализма», «единение и единство сил (в т. ч. и военных) социалистического лагеря»²⁰⁷. В Москве предложение вначале было поддержано на уровне Президиума ЦК. Самую большую квоту (613 чел. в колонне) давали КНР — приоритетному союзнику по соцлагерю, а остальным странам по 413 чел. в колонне. Затем было решено каждую колонну составить из 110 чел.²⁰⁸ Однако польский лидер В. Гомулка писал об опасении, что через участие военных стран соцлагеря в Москве на параде может быть опровергнут вражеской пропагандой «тезис о мирном характере соревнования социализма с капитализмом». При этом, в случае участия в параде других стран соцлагеря, Польша считала бы свое неучастие «вредным»²⁰⁹. Гомулка, зная о прозападных настроениях части поляков, стремился не демонстрировать лишний раз столь явно верность Москве и тем самым не наращивать конфронтацию с Западом. 19 сентября 1957 г. Президиум ЦК, опираясь на мнение отдела ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран во главе с Ю. В. Андроповым, который был выдвинут на эту должность и курируем секретарем ЦК О. В. Куусиненом, старым коминтерновцем, но в прошлом финским социал-демократом (не отсюда ли корни примиренческой позиции в этом вопросе?!), постановил о «нецелесообразности участия в параде» таких колонн²¹⁰. В Москве, стремящейся к потеплению в отношениях с Западом, и так осложнившихся после венгерских и польских событий 1956 г., решили счесть аргументы польского соратника убедительными. В рамках мирных инициатив XX съезда Москва ожидала отклика со стороны стран Запада на свои призывы к разоружению, решению «германского вопроса». Решение об отказе от участия военных из стран народной демократии в параде было срочно направлено советским послам в страны соцлагеря.

* * *

Таким образом, политический контекст оказал влияние на подготовку празднования 40-летия Великого Октября в ряде аспектов.

Политический фактор внутриэлитной борьбы, связанный с разгромом «антипартийной группы», повлиял на усиление партийного аппарата, оттеснившего госаппарат. ЦК КПСС во главе с Н. С. Хрущёвым стал руководителем подготовки юбилея.

Международный контекст, связанный с тем, что после событий в Венгрии и Польше 1956 г. СССР желал продемонстрировать вместе демократизацию отношений в соцлагере и мировом коммунистическом движении после XX съезда, а также мощь и единство союзников, обусловил масштабное иностранное представительство в Москве в дни торжеств в честь 40-летия Великого Октября. Руководствуясь линией на «мирное сосуществование» с капиталистическим Западом, СССР пришлось отказаться от ранее поддержанной венгерской инициативы участия колонн стран соцлагеря в военном параде из-за политической обеспокоенности польского руководства.

§ 2. Трансформации юбилейной идеологической концепции

Идеологическая концепция 40-летия Великого Октября была отражена в различных документах: постановлении, тезисах, «Призывах», речи Н. С. Хрущёва на юбилейной сессии Верховного Совета СССР и «Обращениях», ею принятых.

* * *

Первым из них по своему появлению стало Постановление ЦК КПСС «О подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции», опубликованное в «Правде» еще 17 марта 1957 г., т. е. за восемь месяцев до главных торжеств, что облегчало самую длительную из рассматриваемых юбилеев идеологическую работу. В архивных фондах сохранилось несколько редакций данного Постановления, разработанного М. А. Сусловым, Л. И. Брежневым, Е. А. Фурцевой, Д. Т. Шепиловым, П. Н. Поспеловым и др., от 19 февраля и 9 марта, а также более поздних редакций²¹¹.

На заседании Президиума ЦК от 21 февраля 1957 г. при участии Суслова, Булганина, Микояна, Молотова, Кагановича, Маленкова, Хрущёва и Первухина заметно некоторое расхождение во мнениях о содержании первого варианта проекта. Так, внутренне оппозиционно настроенный

к Хрущёву Каганович скептически высказался о проекте Постановления: «Проект — обычная статья, нет связи с современностью». Хрущёв же сразу парировал: «Не надо напрягать — что мы что-то, какие-то блага [можем — так в тексте. — А. М.] дать»²¹². Тем самым Хрущёв считал нужным пока поумерить количество обещаний народу в марте 1957 г., т. к. понимал, что его непродуманные заявления о повышении материального уровня жизни трудящихся могут стать предметом недовольства в Президиуме ЦК. В своем выступлении по проекту Постановления Хрущёв демонстрировал практично-деловой стиль: «итоги подвести, задачи поставить», «о монументах — не надо», а лучше сосредоточиться на менее затратных формах («книги выпустить — отразить достижения»)²¹³. Итак, доработка документа продолжилась.

В редакции от 9 марта была усилена международная часть (перечислялся состав «великого содружества социалистических стран») и особо подчеркивалась «всемирно-историческая победа Советского народа над фашизмом»²¹⁴.

Опубликованный вариант Постановления имел в себе ставшие классическими оценки Октября и его значения для страны и мира, достижения за 40 лет Советской власти. Тема разоблачения культа личности не нашла своего отражения в Постановлении. Она явно вносила раскол в советское общество и вызывала огромные проблемы в соцлагере (что показали события в Венгрии и Польше, противоречия с Китаем). В декабре 1956 г. ЦК КПСС вынужден был бить тревогу в письме по поводу распространения «антисоветских и враждебных элементов»²¹⁵. Международная часть Постановления была направлена на движение к миру, демократии и социализму, при этом рядом с констатацией провала «реакции» в Венгрии приводилось напоминание В. И. Ленина о том, что нужно «строго учитывать национальное своеобразие и специфику» при движении различных стран к социализму²¹⁶. (Особо подчеркнем, что в редакции 9 марта было вставлено слово «строго»²¹⁷.) В тексте были максимально смягчены всяческие политико-идеологические оценки.

В духе умеренности были составлены и тезисы «40 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Сохранилась их правка и несколько проектов предложений по исправлению (например, от председателя Центральной Ревизионной комиссии ЦК

КПСС П. Москатова), на имя заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам А. В. Романова и главного куратора идеологии в ЦК М. А. Суслова. Замечания были следующего плана:

- акцентировать подвиг «труда рабочего класса» и его роль;
- ввести сравнение показателей экономики и социальных затрат (с 1913 г.);
- «пропагандировать на уроках Великой Отечественной войны широкие возможности сотрудничества государств с различными социально-экономическими системами», т. к. нескромно называть СССР «единственной в мире силой, способной остановить нашествие фашистских полчищ». (Заметим, что в докладе Молотова 6 ноября 1947 г. было четко сказано с помощью цитаты Сталина: «Советский народ спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков»²¹⁸.) Кстати, как раз в 1957–1958 гг. была издана переписка Сталина с главами стран антигитлеровской коалиции²¹⁹;
- не забывать советский патриотизм как источник победы [т. е. уже некоторые аппаратные работники, готовившие тексты, стали «забывать» про «советский патриотизм» как идеологему «времен культа личности». — А. М.], наряду с «нерушимым союзом рабочего класса и крестьянства»²²⁰;
- не упомянута ведущая роль Сталина на многих съездах²²¹;
- отличать «диктатуру пролетариата» от диктатуры власти буржуазии²²².

Итак, замечания свидетельствуют нам о том, что их разработчики и рецензенты стремились выразить обновления в идеологии после XX съезда, например, усиление классовой тенденции рассмотрения прошлого после критики культа личности Сталина, провозглашение политики «мирного сосуществования» с Западом. Однако при этом они не были готовы на полное замалчивание роли Сталина в истории, полный разрыв со сталинским прошлым (стремление сохранить идеологему о «советском патриотизме»). Пытались в тезисах и наглядно показать решение текущих социально-экономических задач.

Тезисы к 40-летию Октября, разработанные секретарями ЦК М. А. Сусловым, О. В. Куусиненом и П. Н. Поспеловым были в основном одобрены и приняты решениями Президиума ЦК от 10 и 12 сентября 1957 г. Они были опубликованы 15 сентября в газете «Правда», в журналах «Коммунист», «Партийная жизнь», «В помощь политическому самообразованию», а также вышли отдельным изданием в 63 страницы²²³. Тезисы состояли из 7 разделов: «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и утверждение диктатуры пролетариата в СССР», «Построение социализма в СССР — главный итог Октябрьской революции», «Героический подвиг советского народа в Великой Отечественной войне», «Итоги социалистического строительства в послевоенный период и задачи советского народа в борьбе за коммунизм», «Коммунистическая партия — вождь, вдохновитель и организатор побед советского народа», «Внешняя политика Советского Союза и борьба народов за мир», «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на исторические судьбы человечества»²²⁴.

Тезисы отличались от Постановления о юбилее от 17 марта.

Во-первых, был добавлен сюжет о «раскольнической» «антипартийной группе», выступавшей против всего нового в экономике и внешней политике.

Во-вторых, отразили тему Сталина: показывались как отрицательные, так и положительные стороны в его деятельности. С одной стороны, отмечалось, что он нанес «большой урон деятельности партии» и произошли «отход от ленинских принципов коллективного руководства, а также нарушения социалистической законности»²²⁵. Однако в другом месте подчеркивалось, что «ЦК, возглавляемый И. В. Сталиным, разгромил все антипартийные группировки, сплотил партию в великую монолитную силу»²²⁶. В тезисах было важно заявить, что партия и впредь будет жестко пресекать любые поползновения на свое единство. Так, принцип единства партии, особенно после драматических событий июньского Пленума, подкрепляли как ленинским, так и сталинским авторитетом.

* * *

Ближе к 7 ноября разработали «Призывы» к 40-летию Октября. Их проект составили М. А. Суслов, Н. И. Беляев, П. Н. Поспелов и Е. А. Фурцева. С дополнениями и изменениями его утвердил Президиум ЦК 10 октября 1957 г.

81 призыв к 40-летию Октября в окончательной редакции (к 30-летию Октября их было 48) отличается большая детализация в их адресации.

Так, 22 из всех «международных» призывов (кроме призывов каждой компартии из стран социалистического лагеря) были посвящены дружбе с народами капиталистических государств (США, Англии, Франции, Италии, Австрии, Японии и др.), а также «колониальных и зависимых стран, борющихся против империалистического гнета за... свободу и национальную независимость»²²⁷. Приоритетность «международного» аспекта призывов (в 1947 г. он, кроме общих слов в «Призывах» об «оплоте мира» отсутствовали), с целью оживления после XX съезда коммунистического и национально-освободительного движения, отразилась в том, что данные призывы в окончательном тексте переставили перед призывами «внутренней» тематики²²⁸.

Множество отдельных призывов было адресовано работникам отраслей народного хозяйства (энергетики, легкой, лесной, рыбной и др. промышленности, строителям, «труженикам целинных земель» и др.)²²⁹. Это было продиктовано различными социально-экономическими мероприятиями партии и правительства: перестройкой хозяйственного управления (введением совнархозов с февраля 1957 г.), политикой развития животноводства, освоения целины, активного жилищного строительства и др. В окончательную редакцию текста были внесены и конъюнктурные дополнения в связи с огромными космическими и оборонными достижениями СССР накануне юбилея: запуском первого в мире искусственного спутника Земли и межконтинентальной ракеты. Так, в утвержденный 10 октября 1957 г. текст был добавлен 70-й призыв: «Запуск первого в мире искусственного спутника Земли открывает новую эру в истории мировой науки. Слава советским ученым, инженерам, техникам и рабочим,

осуществившим под руководством Коммунистической партии дерзновенную мечту человечества! Да здравствует передовая советская наука — детище социализма!», а также 71-й призыв: «Горячий привет советским ученым, рабочим и инженерам, создавшим мощную межконтинентальную ракету, еще выше поднявшую оборонную мощь нашей страны!»²³⁰.

* * *

Главным программным текстом юбилея являлся, конечно, доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва на юбилейной сессии Верховного Совета, посвященной 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции в открывшемся год назад Дворце спорта в Лужниках 6 ноября 1957 г. Именно он использовался как основа для чтения лекций, посвященных 40-летию Октября в системе партийного просвещения²³¹.

Текст для Хрущёва готовился под руководством секретаря ЦК П. Н. Поспелова и главного редактора «Правды» П. А. Сатюкова и был послан советскому лидеру еще 9 сентября 1957²³². Секретарь ЦК О. В. Куусинен 22 октября посылает Хрущёву набросок части доклада о диктатуре пролетариата и социалистической демократии. В ней автор приходил к мысли о том, что диктатура пролетариата, необходимая при строительстве социализма для подавления эксплуататорских классов уступила место социалистической демократии²³³. Данная идея, как и «часть доклада (от т. Куусинена)»²³⁴, решением Президиума ЦК от 25 октября не была включена в доклад Хрущёва как слишком революционная для юбилейного выступления, в тому же в присутствии зарубежных гостей с разными позициями по поводу текущей советской политики. Только на XXII съезде КПСС в 1961 г. будет провозглашено о переходе СССР от диктатуры пролетариата к общенародному государству.

При подготовке доклада Хрущёвым неоднократно вносились вставки и исправления в текст, в т. ч. он сам стремился актуализировать текст. Так, 23 сентября, а также 1, 2 и 4 ноября (уже после одобрения проекта доклада) им были продиктованы и посланы в Президиум ЦК замечания «О разных путях социалистического строительства», поправки в связи с агрессивными действиями НАТО (прежде всего, проведение в жизнь «доктрины Эйзенхауэра-Даллеса», на Ближнем Востоке), а также по случаю запуска второго спутника Земли 3 ноября 1957 г.²³⁵.

Выделим основные типы поправок, внесенных в доклад Хрущёвым.

Во-первых, усиливающие интернационализм, тему единства и дружбы стран соцлагеря: вставки длинного приветствия всех делегаций коммунистических и рабочих партий на юбилейной сессии; о важности «образования КНР» и «стран народной демократии» в истории XX века; о «мужественной борьбе против германского фашизма народов Польши, Югославии...». Это было связано с тем, что юбилейная сессия становилась крупнейшим мировым форумом коммунистических и рабочих партий. Важным акцентом для зарубежных гостей в сюжете о необходимости в строительстве социализма учитывать «социально-экономические и исторические особенности в развитии отдельных стран» было добавление слова «исторические»²³⁶. КПСС после опасных для советского влияния в Восточной Европе событий в Венгрии и Польше в 1956 г. стреми-

лась всячески продемонстрировать, что не собирается заставлять всех строить социализм по советской модели.

Во-вторых, поправки о Сталине: был добавлен абзац со словами «Наша партия по собственной инициативе на XX съезде... подвергла критике неправильные стороны деятельности Сталина»; было изменено место в тексте о членах партии, несправедливо называемых сталинистами, которые в последнем варианте текста уже боролись не просто «под руководством партии, под руководством ЦК», а «боролись за интересы народа»²³⁷. Так, Хрущёв, настаивая на борьбе с культом личности, стремился приглушить резкость антисталинской риторики.

В-третьих, в доклад добавили множество цифр экономических показателей (посевных площадей, валового сбора урожая на 1 ноября и др.), а также показателей мероприятий социальной сферы, связанных с «ростом материального благосостояния советских трудящихся»²³⁸. По «перспективным цифрам» на заседании Президиума ЦК от 25 октября (после выступления по проекту доклада Хрущёва, Микояна, Куусинена, Суслова, Кириченко) было решено «обменяться мнениями»²³⁹. Таким образом, редакция направлялась на привлечение народа к Партии через улучшение качества его жизни.

Выявим отличия главных позиций доклада Хрущёва от позиций доклада Молотова к 30-летию Октября (при сходстве докладов по структуре и плану). Доклад Хрущёва, как и Молотова (см. анализ доклада В. М. Молотова в § 2 главы 1), состоял из трех разделов: «Главные итоги развития нашей страны за 40 лет Советской власти», «О перспективах и задачах коммунистического строительства в СССР», «Международное значение Октябрьской революции, рост сил мирового социализма» (но объем его в два раза больше молотовского доклада). Доклад содержал экскурс к событиям революции, подведение итогов развития страны (прежде всего, в первом разделе); характеристику текущего внутреннего и международного положения СССР; взгляд на перспективы коммунистического строительства²⁴⁰.

В разделе о коммунизме в докладе Хрущёва заметно, что прежде всего делался упор на развитие советской материально-технической базы, которая должна выиграть соревнование с капитализмом. Более 10 страниц раздела из 14 были посвящены экономическим вопросам, причем постоянно звучали цифры и сроки, например, за 15 лет догнать, превзойти и т. д. (Напомним, 22 мая

1957 года Никита Сергеевич, выступая в Ленинграде на совещании работников сельского хозяйства Северо-Запада РСФСР, провозгласил ставший знаменитым громкий лозунг: «Догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения!»)

Первейшей обязанностью партийных, советских, хозяйственных, кооперативных и профсоюзных организаций называлась «забота об удовлетворении повседневных нужд трудящихся»²⁴¹, а «высшая фаза коммунизма наступит тогда, когда общество осуществит правило “Каждый по способностям, каждому по потребностям”, когда на базе высокой производительности труда будет полное изобилие всех продуктов, а труд станет первейшей жизненной потребностью и люди будут добровольно трудиться по способностям»²⁴². В понимании коммунизма, по Хрущёву, явно преобладала материальная сторона, сторона потребления материальных благ (немецкий философ, социолог и психолог Э. Фромм назовет это «гуляш-коммунизмом»), по уровню которого нужно было превзойти капитализм. (Заметим, что в беседах на пенсии с писателем Ф. С. Чуевым Молотов говорил о Хрущёве: «По Хрущёву, у нас уже должен быть транспорт бесплатный, обеды — бесплатно, медикаменты — бесплатно... Он показал, что не понимает, что такое социализм. Не раздача благ, а это долгий период, когда все точно регламентируется, все точно учитывается, потребление точно выполняется по определенному плану — целый период подготовкой переходу от социализма к коммунизму»²⁴³.)

Хрущёв не отводил должного внимания духовным, моральным мотивациям советских людей строить коммунизм, которые, как мы помним, звучали хотя бы в связи с обращением к теме воспитания советского патриотизма в докладе Молотова. Хрущёв даже тему величайшего достижения ума и духа советских людей — запуска двух искусственных спутников Земли (4 октября 3 ноября 1957 г.) — не пытался духовно-антропологически осмыслить, а преподносил, прежде всего, в контексте мирного соревнования с США.

По контрасту с конкретикой экономической части строительства коммунизма, в докладе развернуто не говорилось об идеологических ресурсах для движения к нему. Ритуально, в одном предло-

жении, перечислялись в качестве «порук» успешного выполнения задач коммунистического строительства «нерушимое единство и сплоченность народов нашей страны, их братская дружба и взаимопомощь в развитии экономики и культуры, животворный советский патриотизм, непреклонная решимость советских людей строить коммунизм, их самоотверженный труд на благо Родины»²⁴⁴. В речи Хрущёва встречались лишь общие слова о том, что социализм есть «живое, непрерывно развивающееся и совершенствующееся общество»²⁴⁵.

Конкретным направлением в идеологическом курсе была борьба с культом личности Сталина (в разделе доклада «Главные итоги развития нашей страны за 40 лет Советской власти»). В 1957 г. демонстрируется оформление компромиссной рамки критики культа личности Сталина в сторону ее смягчения по сравнению с докладом на XX съезде, в духе Постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» и выступления в болгарском посольстве 18 февраля 1957 г. В докладе Хрущёва подчеркивалось, с одной стороны, что «недостатки и отрицательные черты характера И. В. Сталина, которые особенно усугубились в последний период его жизни... нанесли серьезный ущерб нашему общему делу». Культ личности признавался «чуждым духу марксизма-ленинизма». С другой стороны, Сталин назывался «преданным марксистом-ленинцем» и «стойким революционером». «Клеветниками и сползающими на гнилые позиции ревизионизма» были клеймены те, кто криками о «сталинизме» пытался прикрыть свой отход от принципов марксизма-ленинизма»²⁴⁶. Наряду с критикой Сталина, возвеличивалась роль В. И. Ленина, что видно по количеству упоминаний Ленина в докладе — 30 раз²⁴⁷ (Молотовым в 1947 г. только 8 раз²⁴⁸).

Победа Хрущёва над «антипартийной группой» Молотова, Маленкова, Кагановича и «примкнувшего к ним» Шепилова на июньском Пленуме 1957 г. в его докладе была идеологически интерпретирована как поражение «выступавших против намеченного XX съездом курса, пытавшихся подорвать ленинское единство нашей партии»²⁴⁹. (Как известно, Хрущёв и его сторонники в июне 1957 г. перевели в политическую плоскость против членов группы выдвигаемые с их стороны обвинения Хрущёву

в пренебрежении им принципом «коллективного руководства» в конкретных экономических и внешнеполитических решениях.) Однако развернутой критики фракционеров, как и в тезисах (для внутреннего использования), в речи Хрущёва в присутствии лидеров стран, в т. ч. Мао Цзэдуна, осуждавшего его за июньский Пленум, не последовало. Китайский вождь намекал Хрущёву в дни торжеств, что он зря пренебрегает коллективным руководством: «Цветок лотоса прекрасен, но, чтобы подчеркнуть его красоту, необходима зелень листьев»²⁵⁰.

О недавней отставке Жукова напрямую в докладе не говорилось. октябрьскому Пленуму был посвящен отдельный абзац, где прозвучало в общих словах требование «улучшить партийно-политическую работу в армии и на флоте»²⁵¹. Отсутствие упоминания фамилии Жукова в докладе, вероятно, было связано с нежеланием высшего руководства стимулировать настроения недовольства отставкой популярного в народе и армии полководца (см. подробнее о настроениях в армии и высказывании Хрущёва об отставке Жукова накануне праздника в § 3 главы 2). К юбилею, до Октябрьского пленума, было составлено «Обращение ЦК КПСС к воинам Советской Армии и Флота в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции» (текст от заведующих отделов пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам и по РСФСР А. Романова и В. Московского, начальника Главного Политуправления СА и ВМФ А. Желтовым). В нем были слова о большой роли «повышения активности партийных комсомольских организаций» в Вооруженных силах. (В то же время изъяти после пометки на полях М. А. Суслова «не подчеркивать!» фразу «Постоянное и непосредственное руководство ЦК... всей политикой в области военного строительства — решающий фактор могущества ВС СССР»²⁵².)

В международном разделе основной лейтмотив доклада Хрущёва был связан не с мыслью о неизбежном крушении капитализма и движении народов к социализму и коммунизму, а с тем, что «единственно правильный путь развития международных отношений — это политика мирного сосуществования, политика укрепления мира и дружбы между народами»²⁵³, курс которой фактически обозначал еще Г. М. Маленков на посту Председателя

Совета Министров СССР, а потом закрепил в своих решениях XX съезд КПСС. В данном разделе доклада в то же время провозглашалось наличие в мире «единого и крепко сцементированного фронта стран социализма»²⁵⁴, выдерживающего испытания «контрреволюционного мятежа в Венгрии», попыток диверсий под флагом «национал-коммунизма» или «либерального коммунизма», «ведущих к измене» делу пролетарского интернационализма и «дела социализма». В связи с этим приводились негативные примеры венгерского премьер-министра в 1953–1955 гг. и периода Венгерского восстания 1956 г. Имре Надя, а также Милована Джиласа, югославского Председателя Союзной народной скупщины 1953–1954 гг. и вице-президента страны, осудившего военное вмешательство в Венгрию 1956 г. и опубликовавшего в 1957 г. книгу «Новый класс: Анализ коммунистической системы», где он обосновал идею о возникновении в СССР и других социалистических странах нового правящего класса — привилегированной партийной бюрократической верхушки, эксплуатирующей общество²⁵⁵.

* * *

На юбилейной сессии были приняты два программных документа — обращения «К народам Советского Союза» и «Ко всем трудящимся, парламентам и правительствам стран мира». Опубликованные в газетах, они, как и доклад Хрущёва, служили основой для пропагандистской работы после торжеств.

В обращении «К народам Советского Союза» аккумулировалась в сжатом виде внутривластная часть доклада Хрущёва. С помощью обзора СССР («взгляните на карту нашей Родины») были отмечены достижения 40 лет Советской власти, которая «за кратчайший исторический срок» превратила аграрную страну в «великую индустриально-колхозную державу». Заметим, что особое внимание уделялось новым космическим и военным достижениям СССР — спутнику и межконтинентальной баллистической ракете. Одним из главных стал лозунг «догнать и перегнать США по производству продукции на душу населения». Болезненные темы: преодоления последствий культа личности

Сталина, а также отставка Жукова — в юбилейном обращении затронуты не были²⁵⁶ (как и в выступлении на параде 7 ноября министра обороны СССР Р. Я. Малиновского). Излишнее педалирование сталинской темы могло вызвать недовольство некоторых просталински настроенных гостей: Мао Цзэдуна, стоявшего рядом с Хрущёвым на Мавзолее, как запечатлено на фото, представленном на обложке настоящей книги; Э. Ходжи, а также части советского общества

В международной части обращения к народам СССР говорилось о том, что он, сформировав социалистический лагерь, «давно уже перестал быть островком в океане капитализма» и борется «за мир во всем мире»²⁵⁷.

* * *

В выступлении на параде маршала Р. Я. Малиновского (стоявшем по правую руку от Хрущёва, как мы можем видеть на фото с трибуны Мавзолея 7 ноября 1957 г., представленном на обложке настоящей книги) прозвучали довольно резкие характеристики международного положения. Прямо были названы угрозы атомной и термоядерной войны, военные авантюры «врагов мира» во Вьетнаме, Мьянме, Алжире и на Ближнем Востоке (в результате усилий Советского Союза удалось «не допустить агрессии против свободолюбивого народа Сирии»). В текст речи внесли поправку в связи с последними событиями: в первоначальном тексте было «в случае нападения на Сирию» Советский Союз «примет все необходимые меры... чтобы оказать помощь жертве агрессии»²⁵⁸.

В обращении «Ко всем трудящимся, парламентам и правительствам стран мира» проводились мысли о «мирном сосуществовании» социализма и капитализма, необходимости разоружения и борьбы за мир. При этом осуждалась империалистическая политика (в т. ч. на Ближнем Востоке). Важным фактом, свидетельствующим о стремлении не осложнять отношения с рядом капиталистических стран, было то, что по просьбе МИДа СССР (а, возможно, стоявшего за ней осторожного и не исключено, что ревизионистски настроенного, заведующего Международным отделом ЦК по связям с компартиями капиталистических стран Б. Н. Пономарёва) обращение не стали посылать в некоторые капиталистические государства: в Австрию, Бельгию, Великобританию, Гватемалу, ФРГ, Грецию,

Данию, Ирак, Канаду, Люксембург, Нидерланды, Новую Зеландию, Норвегию, США, Тунис, Турцию и Францию, т. к. опасались, что его текст «может вызвать нежелательную реакцию со стороны парламентов и правительств»²⁵⁹.

* * *

Итак, мы проанализировали то, как идеологическая концепция празднования 40-летия Великого Октября отражалась в программных текстах юбилея, и можем сделать некоторые выводы о направлениях ее трансформации по сравнению с идеологической концепцией 30-летия Великого Октября.

В идеологической концепции 40-летия Великого Октября, наряду с усилением «международного» компонента о социалистическом лагере и коммунистическом движении, превалировала сосредоточенность не на вопросах идеологической борьбы, морально-политического и духовного состояния советского общества, а на экономической стороне «соревнования» с капитализмом в рамках политики «мирного сосуществования» и в духе лозунга «догнать и перегнать». Это было вызвано временным и относительным потеплением в холодной войне. Однако позиция «догоняющего» в соревновании с антагонистической системой, на наш взгляд, проблематизировала роль и авторитет СССР как вдохновителя и руководителя в движении народов мира к социализму и коммунизму.

«Октябрьская» идеологическая концепция продолжала десталинизацию, однако после резкого обличения Сталина на XX съезде (1956) к 1957 г. была найден компромисс в критике культа личности Сталина в связи внутренним и внешним сопротивлением вектору десталинизации. При этом идеологический догматизм, присутствовавший в текстах 30-летия Великого Октября, не был, по сути, преодолен и в идеологической концепции к его 40-летию.

В целом идеологическая концепция юбилея отразила в себе противоречия хрущёвского периода.

§ 3. Новые политико-идеологические тенденции в содержании мероприятий в честь 40-летнего юбилея Великого Октября

Подготовка к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции происходила в общественно-политическом контексте, связанном с разоблачением на XX съезде (1956) культа личности Сталина. В связи с демонтажем сталинского культа, в содержании пропагандистских и популяризационных мероприятий к юбилею большая роль отводилась образу Ленина, фактически приобретавшим черты культа.

Большими тиражами издавалось ленинское наследие: сборники «В. И. Ленин о Великой Октябрьской социалистической революции», «О войне, армии и военной науке» и «О единстве партии». При этом в юбилейном списке литературы было только одно название работы И. В. Сталина — «Об Октябрьской революции»²⁶⁰. 8 января 1957 г. было принято Постановление ЦК КПСС об издании полного собрания сочинений В. И. Ленина в 55 томах.

Ленинским авторитетом легитимировались и «освящались» партийные решения, связанные с текущим политическим моментом: разгромом «антипартийной группы», снятием Г. К. Жукова за «принижение роли» парторганов в армии. Подкреплялась ленинскими словами и политика «мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами». Так ЦК разрешил впервые опубликовать в СССР, в газете «Правда», журналах «Коммунист», «Партийная жизнь» интервью В. И. Ленина, данное в 1920 г. американским журналистам со словами о «мирных экономических взаимоотношениях между... Советской республикой и капиталистическими державами Запада»²⁶¹. В союзных республиках готовились «ленинские сборники», «освящавшие» национальную политику (например, «В. И. Ленин об Украине»)²⁶².

Особое внимание к юбилею уделялось ленинским местам: культовым Горкам, Разливу, месту первой ссылки молодого Ильича — селу Кукушкино Татарской АССР и др.²⁶³

Показательным в контексте обращения к Ленину в художественной литературе стало переиздание поэмы «Владимир Ильич

Ленин» В. В. Маяковского — «агитатора, горлана, главаря», получившего свое «второе рождение» в «оттепель», особенно среди проникнутой пафосом революционности молодежи. К юбилею Октября был выпущен цикл песен «Светить всегда» на слова Маяковского²⁶⁴. Именно поэма «Владимир Ильич Ленин» лидировала по популярности в исполнении на конкурсе чтецов, посвященном 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции²⁶⁵. В поэме Маяковского был дан образ простого и скромного Ильича — «самого земного из всех прошедших по земле людей» в противовес вождю («царствен и божествен») ²⁶⁶.

В плакатах к 40-летию Великого Октября часто встречался образ Ленина. Вождь пролетариата, «подобно монументу», на плакате В. Иванова «Народ и партия — едины!» (на обложке настоящей книги) указывает путь разным поколениям, олицетворяющим различные этапы жизни советского народа в его борьбе: красногвардейцу — «за Советскую власть», рабочему первых пятилеток — «за социализм», красноармейцу времен Великой Отечественной войны — «за нашу Советскую Родину» и рабочему 1950-х гг. — «за коммунизм»²⁶⁷. На плакате с лубочными чертами работы М. Нестеровой-Берзиной «Да здравствует всепобеждающее знамя ленинизма!» вокруг бюста В. И. Ленина как вокруг Солнца или даже как центра Вселенной «обращаются» изображения праздничных толп советского народа, флагов и гербов союзных республик с надписью «СССР», крейсера «Авроры» и Зимнего дворца с лозунгом «За власть Советов», плотины ГЭС (скорее всего, Куйбышевской, сданной к юбилею Октября в 1957 г.) с лозунгом «Миру—мир»²⁶⁸. Ленин предстал в плакатном искусстве к 40-летию Великого Октября не только «вождем», но и «человеком». Так на плакате М. Гордона «Ленин вечно живой» был использован ленинский образ с картины И. И. Бродского «В. И. Ленин на фоне Кремля» (1924). Художник Бродский для создания образа вождя на этом полотне в свое время использовал фотографию В. И. Ленина с В. Д. Бонч-Бруевичем, сделанную в 1918 г. на территории Кремля. Наличие такой «документальности» на плакате должно было помочь показать широким массам образ Ленина не как «божества», а как «реально жившего» на земле человека. Ильич стоит непринужденно, он смотрит с прищуром и улыбкой, о чем-то задумался, но, быть может, уже в следующее мгновение полностью обратит свой заинтересованный взгляд в сторону зрителя²⁶⁹.

Ленинская тематика принимала «человеческие» и даже бытовые формы. В этом смысле показателен фильм «Рассказы о Ленине» С. Юткевича, в котором во второй новелле болеющий в Горках Ленин (1922–1924) непринужденно и даже ласково общается с рабочими, медсестрой Сашей, входит в положение окружающих, обо всех заботится и помогает Саше устроить брак с рабочим²⁷⁰. В 1957 г. на экраны выходит также художественный фильм «Семья Ульяновых», хотя и не лишенный революционного пафоса в образе юноши Владимира Ульянова, но «очеловечивавший» будущего вождя.

Повседневность в лениниане находила место и в изобразительном искусстве: например, в иллюстрациях В. А. Клементьевой «Комната Володи в Ульяновске», Д. С. Хайкина «Ленин на охоте»

и др. На выставке в Омске показывали картины «Кабинет В. И. Ленина» и др.²⁷¹

Эта простота, доступность людям Ленина должна была, по мысли партийных идеологов, на своем контрасте дискредитировать оторвавшегося от народных масс «забронзовевшего» Сталина, оставить его в прошлом, а Ленина «перенести» в настоящее. Однако в «человеческом» измерении Ленина были свои границы. Так, портреты, где Ленин изображался «простым» человеком (а подчас даже «добрым дедушкой»), а не вождем, порой не принимали к показу и изданию. Директор музея В. И. Ленина отверг портрет Ильича работы художника К. Денисова. Последний жаловался секретарям ЦК П. Н. Поспелову и О. В. Куусинену, ссылаясь на положительную оценку произведения («живой В. И. Ленин») со стороны старых соратников «вождя мирового пролетариата» Г. Кржижановского и Ц. Бобровской. При этом Куусинен согласился с музейным предложением выдвинуть портрет на рассмотрение худсовета²⁷². При отборе картин на Всесоюзную художественную выставку к 40-летию Октября была забракована картина «В. И. Ленин едет в сопровождении жандарма в первую ссылку», т. к. художник не понял того, что арест и ссылку Ленина «мы не можем показывать... как ссылку любого студента», а, не поняв этого, автор не раскрыл «типических черт характера молодого Ленина в отношении его к царскому режиму»²⁷³. В героико-торжественном ключе, без намека на натурализм, была показана и смерть Ленина как вождя в фильме «Рассказы о Ленине»²⁷⁴.

В предубийственной работе с массами, для создания атмосферы сопричастности сакральному ленинскому образу, проводились встречи людей, работавших с Лениным и даже просто его видевших. Так, старые сотрудники Центрального телеграфа с особым трепетом вспоминали, что среди них есть те, кто «имел счастье передавать телеграммы, которые диктовал В. И. Ленин»²⁷⁵. Однако при обсуждении спектаклей Всесоюзного фестиваля, приуроченного к 40-летию Великого Октября, подчеркивалось, что не всякий театр заслужил «право играть образ Ленина»; при этом хвалили постановку, где актер «не боится показать образ Ленина полного драматизма, большого и вместе с тем смотрящего boldly в будущее»²⁷⁶.

Образ Сталина все чаще вытеснялся образом Ленина. Так, в статьях после XX съезда национальная политика называлась уже «ленинской», а не «ленинско-сталинской» (как еще в 1954 г. при праздновании 300-летия воссоединения Украины с Россией). Школьная воспитательная работа к юбилею находилась в рамках преодоления «чуждого марксизму-ленинизму культа личности и его последствий в преподавании истории и литературы»²⁷⁷.

При этом не всегда было понятно, в каких границах идет де-сталинизация. Так, отделы пропаганды и агитации по союзным

республикам и РСФСР ЦК КПСС рекомендовали обкомам: вынести во время демонстрации «некоторое количество портретов Сталина» (не предусматривая их в оформлении улиц)²⁷⁸.

В юбилейной литературе также сложилась двойственная ситуация. Так, в книге «Челябинская область за 40 лет Советской власти» в «летописи» имя Сталина ни разу не упомянуто, но приводились его поздравительная телеграмма строителям Магнитки и иллюстрация «ул. Сталина в Челябинске»²⁷⁹.

Возникла опасная тенденция расширения десталинизации. Особенно это проявилось в резонансной статье Э. Н. Бурджалова «О тактике большевиков в марте — апреле 1917 года» в журнале «Вопросы истории» за апрель 1956 г. После выхода разгромного Постановления ЦК «О журнале “Вопросы истории”» от 9 марта 1957 г. Бурджалову был дан жесткий ответ в журнале ЦК «Коммунист», т. к. в его статье, как посчитали, происходило «развенчание деятельности Сталина и восхваление Зиновьева»²⁸⁰.

В стенограмме секретариата правления Союза писателей СССР по подготовке к празднованию 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции отмечалось, что при ликвидации «белых пятен» (возвращение в период «оттепели» в историю литературы репрессированных в сталинские годы И. Бабеля, Б. Пильняка) в прессе были допущены «не совсем правильные, апологетические» относительно них статьи. Особо провозглашалось и то, что «неправильно говорить о полном перерыве традиций» советской литературы, якобы последовавшем «под влиянием культа личности»²⁸¹.

Итак, в процесс выпуска научных, пропагандистских и литературно-художественных изданий десталинизация вносила напряженность своим не вполне ясным ходом.

* * *

С целью вытеснения образа Сталина как первого соратника Ленина усиленно пропагандировались образы других деятелей революционной «ленинской гвардии»: Я. М. Свердлова, М. И. Калинина, С. М. Кирова, М. В. Фрунзе, С. Орджоникидзе и др. Причем ленинские соратники идеализировались так же, как ранее идеализировался сам Сталин. Так, в ЦК отказали в публикации

письма Ленина к Свердлову, где вождь выражал недовольство непредусмотрительностью последнего в конфликтной ситуации октября 1917 г.²⁸² В сборнике «Грозный за 40 лет Советской власти» не упоминался ни разу Сталин; главным героем-революционером на Кавказе был представлен Киров²⁸³. В скульптуре, выполненной к юбилею Октября, к нему были «присоединены» Орджоникидзе и Фрунзе²⁸⁴. Северо-Осетинское отделение Союза композиторов СССР представило к юбилею песню о Кирове²⁸⁵. В фильме «Рассказы о Ленине» при разборе корреспонденции к Ленину упоминаются имена ее авторов: Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина и Г. М. Кржижановского (имя же Сталина как Генерального секретаря партии, если придерживаться исторической правды, должно было также прозвучать, но оно отсутствует)²⁸⁶. Среди историко-революционных тем художников и скульпторов Украины отдельным пунктом значилась «Жизнь и деятельность М. И. Калинина»²⁸⁷, «всесоюзного старосты», некоего «преемника» ипостаси образа Ленина как народного заступника.

Круг лиц из «ленинской гвардии», возможных к изображению, был узок. Так, на написанном по заказу к юбилею живописным полотне харьковского художника Л. А. Шматко «В. И. Ленин у карты ГОЭЛРО» (доклад об электрификации страны на VIII Всероссийском съезде Советов 1920 г.), Ленин экспрессивно обращается к представителям народа, которые занимают уже не только зрительный зал, но и саму сцену Большого театра. Из верной «ленинской гвардии» на полотне «нашлось место» только Кржижановскому (реально делавшему на этом съезде доклад по плану ГОЭЛРО) и Дзержинскому. Большинство лиц на самом деле присутствовавших тогда в президиуме съезда было репрессировано и/или низвергнуто из партийного пантеона (Сталин), а их образы «изгнаны» из советского искусства. Впрочем, официальному искусству как раз и следовало подчеркнуть народность, демократичность вождя. Неслучайно данная картина после закрытия юбилейной выставки в «Манеже» поступила в собрание Центрального музея В. И. Ленина.

В мероприятиях к 40-летию Октября апеллировали к старым большевикам как к носителям партийных «ленинских принципов». ЦК ВЛКСМ призывал привлекать старых большевиков к воспитанию молодежи: развивать форму работы с ней, которую раньше «недооценивали»²⁸⁸. В школах Москвы проводились собрания «Три поколения ленинцев»; встречи со старой большевичкой Стасовой, первым комендантом Кремля Петраковым, охранявшим Ленина в Смольном Ерёминым²⁸⁹.

Теме великой в своих свершениях Партии, как и Ленину, посвящали к юбилею музыкальные сочинения (особенно торжественные кантаты) композиторы всех

союзных и автономных республик: Узбекской, Таджикской, Казахской, Киргизской, Белорусской, Марийской и др.²⁹⁰

В плакатах также звучала тема партии, связи поколений (от стариков через молодежь к детям под ленинским знаменем — в плакате В. Иванова «Слава КПСС!»²⁹¹). Так, в юбилейном содержании указывалось на верность революционным традициям, основанным на ленинских заветах. (Вспомним и то, что в речах с высоких трибун тех лет неоднократно отмечалось понятие «ленинское ядро партии», ее ЦК. Это подчеркивало сохранение партийной ленинской традиции, вопреки в какой-то степени «отпавшему» от нее Сталину.) Важная черта своего времени для плакатной формы «октябрьской» пропаганды проявилась в плакате В. Иванова, посвященном 40-летию Октября, «Народ и партия — едины!»²⁹² (его изображение представлено на обложке настоящей книги). На наш взгляд, верно интерпретирует смысл появления таких плакатов сотрудник Государственного Исторического музея, кандидат философских наук Т. Г. Колоскова: «С середины 1950-х гг. ни одна октябрьская годовщина не обходилась без лозунга “Народ и партия — едины”. Эта идеологема приобрела особое звучание после смерти Сталина и решений XX съезда, пережитых массовым сознанием как космическая катастрофа. Правящая элита нуждалась в нравственных санкциях власти. Иллюзия единства партии и народа давала силу властному аппарату, уверенность в своей правоте»²⁹³.

* * *

С повышенным вниманием к темам революции и Ленина отпраздновали в конце июня — начале июля 1957 г. 250-летие Ленинграда.

Интересна коллизия с выбором даты юбилейных торжеств, которые состоялись вопреки историко-хронологической реальности не в 1953 г. (дата основания города, как известно, 1703 г.), а в 1957 г. На такой выбор года празднования юбилея Ленинграда оказали влияние политические факторы: только в 1954 г. произошла реабилитация фигурантов «ленинградского дела» и тем самым с города фактически была снята политическая опала — и даже, наоборот, к 1957 г. 1-м секретарем Ленинградского обкома уже несколько

лет как являлся выдвиженец Хрущёва, ставший на июньском Пленуме ЦК КПСС членом Президиума ЦК Ф. Р. Козлов. Данные факторы повлияли и на то, что, как в свое время в год 800-летия Москва была награждена орденом Ленина, так и Ленинград к своему 250-летию был повторно отмечен этим орденом (в первый раз — когда стал городом-героем в 1945 г.; Москва во второй раз будет награждена орденом Ленина в 1965 г., в честь 20-летия Великой Победы, став городом-героем).

Особо важно отметить то, что юбилей Ленинграда, празднуемый в 1957 г., позволял выстроить идеологическую линию: к году празднования 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции приурочить торжества в честь дня рождения ее «колыбели», как в 1947 г. 800-летие Москвы (первое письменное упоминание города — 1147 г.) совпало с годом 30-летия Великого Октября²⁹⁴.

С. Я. Маршак в стихотворении «Два праздника» в яркой форме выразил переключку юбилейных дат — основания «Петра творенья» и события, когда «объявил с трибуны Ленин / Весть о победе Октября»:

И два столетия с половиной
Сорокалетью шлют привет²⁹⁵.

Несмотря на определенные пропагандистские реверансы бывшей столице Петербургу — Петрограду, который, например, в юбилейном фильме «Ленинграду — 250 лет» был назван, как в свое время Москва к ее 800-летию, «городом русской славы, городом русской культуры», главное юбилейный нарратив состоял в том, что Ленинград — «цитадель трех революций», «город Ленина»²⁹⁶.

Особое место отводилось революционной роли ленинградского пролетариата на вечерах трудящихся, посвящавшихся VI съезду РСДРП(б), Октябрьскому вооруженному восстанию, а также на «общегородской научной сессии Института истории партии и трудящихся Кировского завода», городских пионерских слетах и др. мероприятиях²⁹⁷. В городе к 40-летию Октября готовился к открытию музей Великой Октябрьской социалистической революции. В первой колонне, прошедшей на спортивном празднике

в честь 250-летия Ленинграда, были «ветераны революции, бойцы Красной гвардии, солдаты Великого Октября»²⁹⁸.

* * *

В пропагандистской и популяризационной работе к юбилею Октября заметен повышенный интерес к истории революции. ЦК и Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ) осуществляли публикации документов о подготовке и проведении Октябрьской революции. ИМЛ выпустил сборники: «Декреты Советской власти», «Советская власть в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия (27 февраля — 4 июня 1917 г.)», «Переписка ЦК РСДРП с местными партийными органами (апрель 1917 г. — март 1919 г.)», биографический сборник «Борцы за победу Великого Октября» со статьями об активных участниках Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.). Как с горечью отмечали на совещании в Союзе писателей СССР по подготовке к юбилею, жанр литературных воспоминаний, очерков о революционном прошлом «деградировал»: изобиловал вольностями, историческими неточностями — писатели «после войны разучились работать в этом жанре»²⁹⁹ (см. § 4 главы 1).

Подчеркивая роль старых большевиков в установлении Советской власти, интервью с ними показывали в киножурнале «Новости дня» в связи с изданием сборника «Рассказывают участники Великого Октября»³⁰⁰, приглашали их рецензировать сборники. Е. Д. Стасова, член партии с 1898 г., которой М. А. Шолохов посвятил в 1956 г. «Судьбу человека», в письме в ЦК КПСС от 12 августа 1957 г. указывала на неточности истории партии в статье «Ярче, полнее отражать революционное прошлое» в журнале «Вопросы истории КПСС». Она отмечала необходимость «более осторожно подходить к истории партии», писала о том, что «нельзя допускать искажения истинного и вводить в заблуждение широкий актив партийных работников...»³⁰¹. С критикой со стороны Стасовой частично согласился Институт марксизма-ленинизма, однако указал на неточности и в воспоминаниях самой старой большевички, о чем сообщил в ЦК³⁰². Стасова предлагала в рецензии внести в сборник «Борцы за победу Великого Октября» и персоналии некоторых репрессиро-

ванных оппозиционеров (например, М. П. Томского). Однако ей ответили в редколлегии: «Биографии лиц, изменивших партии, в сборник не включать»³⁰³. Так «сверху» задавалась граница, за которую пока нельзя было переходить в процессе десталинизации.

Важным шагом в изучении истории Октября и Гражданской войны стало издание к юбилею множества книг о региональном аспекте событий: «В борьбе за власть Советов» (воспоминания 30 участников революции и Гражданской войны на Урале), «Победа Советов в Коломне», «Октябрь в Пензе» и др.

В художественном осмыслении истории революции и Гражданской войны в регионах порой возникали проблемы. Так, свердловское отделение Союза писателей СССР еще в 1956 г. просило выезда товарищей из Москвы для встречи с местными писателями (и получило ее через неделю после просьбы), чтобы помочь им в работе над «полотном» к 40-летию Октября о революционной деятельности на Урале под руководством Свердлова³⁰⁴.

* * *

Заметным новшеством стало решение ЦК отметить в печати 40-летие Февральской буржуазно-демократической революции. В редколлегии журнала «Коммунист» заявляли: «Ранее эту дату не отмечали, а в этом году она отмечается»³⁰⁵. Так, передовая статья номера «Правды» от 12 марта 1957 г. называлась «Знаменательная дата истории» (по нов. ст.) Юбилею также отвели газетную полосу «Важнейший этап на пути к Октябрю».

Здесь, в т. ч. в материалах от старых членов партии, всячески подчеркивали, что события Февраля происходили «под руководством большевиков». Такая позиция соответствовала официальной идеологической и историографической линии. Из-за отсутствия примеров широкого участия большевиков в Февральской революции авторы пытались переключить внимание читателя на эпизод приезда Ленина в Петроград в апреле 1917 г. Зато Сталин, в связи с идущей десталинизацией, упоминался лишь один раз. Авторы отмечали то, что эсеры и меньшевики «помогли контрреволюционному Временному правительству вырвать власть из рук победившего народа»³⁰⁶.

В то же время важным демократическим признаком «оттепели» в исторической науке было то, что в редколлегии журнала «Коммунист» при обсуждении статьи А. Федотова «Свержение царизма — важнейший этап на пути к Октябрю» пытались уйти от догматизма и упрощения в диктате трактовки «правотности» одних только большевиков: например, перестать «примитивно давать позицию меньшевиков, что это была сознательная агентура буржуазии и все они были против пролетарской революции»³⁰⁷. И все-таки подобное обращение к Февральской революции (вплоть до блюда П. Леонова «Приговор истории» с Дулёвской фабрики, на котором серп и молот заслоняют черного двуглавого орла)³⁰⁸ было связано со стремлением показать, прежде всего, ведущую роль большевиков на всех этапах непрерывного революционного процесса, так же как и в строительстве Советского государства.

* * *

Юбилей революции как день рождения Советского государства позволял проследить весь 40-летний путь страны и народа в целом. Так, в программах концертов показывались музыкально-литературные монтажи о различных периодах Советского государства: о гражданской войне (сцены из спектакля «Оптимистическая трагедия»), коллективизации («Поднятая целина»), Великой Отечественной войне³⁰⁹. В списке «отрывков из опер советских композиторов», «рекомендуемых для исполнения на концертах... к 40-летию Октября», многие были посвящены «народно-освободительному движению» («Степан Разин», «Емельян Пугачёв» и др.) и Гражданской войне («Хождение по мукам», «Тихий Дон» и др.)³¹⁰. В рамках показа истории народа, исторически сопротивлявшегося захватчикам, давалась премьера одноименной оперы о поэте-партизане 1812 г. Денисе Давыдове. Тем самым показывалась связь поколений в борьбе за свободу и независимость.

В юбилейном нарративе актуализировался и региональный аспект современной жизни страны. Власть в Москве во главе с Хрущёвым, опиравшаяся, в значительной мере, на региональный партаппарат, стремилась показать огромный рывок СССР в экономике, культуре и быте на местных примерах. Так, Е. А. Фурцева на встрече трудящихся Москвы с де-

легациями зарубежных стран говорила: «Поезжайте в любой город, в любое село нашей Родины... и вы всюду увидите новую жизнь советского народа»³¹¹.

К юбилею вышли издания по истории регионов за 40 лет Советской власти: «Челябинская область за 40 лет Советской власти», «Рассказы уральцев о старой и новой жизни»³¹², «Социалистическое строительство на Урале», «Грозный за 40 лет Советской власти», А. Кузнецов «Советская Эвенкия к 40-й годовщине Октября», П. Гундырин «Наша область за 40 лет. 1917–1957» (о Сталинградской области), «Майкоп» и т. п. Даже в далекой Коми АССР готовились юбилейные сборники «В тайге» — «о промышленном развитии Советского Севера», «Северное сияние» — «о новаторах-речниках Севера» и др.³¹³ Такие издания содержали очерки об истории края и о сегодняшнем дне городов, предприятий, колхозов, учреждений и др. Сопоставление регионов до и после Октября было типичным приемом. Так, например, о Грозном писали: «один из отстающих... городов дореволюционной России» и «крупный экономический и культурный центр» в советское время³¹⁴. «Советские» разделы были выстроены по идеологически выверенным вехам. Например, в книге «Челябинская область за 40 лет Советской власти» они назывались так: «За власть Советов», «В борьбе за социалистическую индустриализацию», «Победа колхозного строя», «Все для фронта, все для победы», «По ленинскому пути»³¹⁵.

В регионах активизировали проведение экскурсий «по памятным местам городов, областей, связанных с революционными событиями»³¹⁶.

* * *

Большое внимание в плане юбилейных мероприятий уделялось музейному направлению.

Важно для понимания общего контекста то, что в 1957 г. в Министерстве культуры было создано Управление музеев и охраны памятников. Советский комитет вступил в Международный совет музеев (ИКОМ).

К 40-летию революции обновлялись экспозиции. Так, в Музее Революции СССР и в его филиале «Красная Пресня» происходила

резекспозиция по периоду подготовки Октябрьской революции и организовывалась передвижная выставка о Великом Октябре; в Музее истории и реконструкции Москвы были обновлены следующие разделы экспозиции: «Москва в период первой русской буржуазно-демократической революции 1905–1907-х годов» и «Москва в империалистическую войну 1914–1917-х годов и в дни Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года», а также производился отбор артефактов на старейших предприятиях столицы — Московском компрессорном заводе «Борец», Краснопресненском сахарорафинадном заводе имени Ф. М. Мантулина, заводе «Монометр», Ростокинской красильно-аппретурной фабрике, заводе «Водоприбор», Центральном телеграфе и др.³¹⁷

Значительным направлением музейной работы в связи с юбилеем стала ее активизация в регионах. К концу 1957 г. планировали открыть историко-революционный музей в каждой области, краеи автономной республике.

Новым мероприятием стало проведение первого Всероссийского общественного смотра музеев в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции (подобные смотры музеев позднее проходили к 50-летию Великого Октября в 1967 г. и к другим юбилеям). Это свидетельствовало о повышенном внимании власти к музейной форме пропаганды и популяризации. В Положении смотра оговаривалось, что экспозиционная и музейная работа должны демонстрировать «роль народных масс и руководящую роль Коммунистической партии в Октябрьской... революции, в основных этапах социалистического строительства, защите Советского государства»³¹⁸ (в противовес развенчанному культу личности). Особое внимание уделили региональным, городским, районным краеведческим музеям, что было характерно для 1920-х гг.³¹⁹ В смотре приняли участие 270 музеев³²⁰. Смотр стимулировал: научную работу музеев (вытесненную в сталинский период культурно-просветительской и пропагандистской), экспозиционное и собирательское направления (в т. ч. комплектование фондов предметами советского периода). Было положено начало реорганизации сети историко-революционных музеев и регламентации их содержания с учетом региональной и национальной специфики.

* * *

Национальный аспект популяризации 40-летия Октября находит свое выражение в написании очерков по истории Коммунистических партий (Армении, Латвии и др.), сборника воспоминаний об Октябрьской революции и Гражданской войне в Казахстане³²¹, появлении исторических изданий «Октябрьская революция на Украине», «Борьба трудящихся Чувашии за власть Советов», «Грозные годы» («о борьбе коми народа с интервентами и белогвардейцами в годы Гражданской войны»³²²) и др. В юбилей-

ных изданиях стремились учесть и национальную специфику. Так, в книге «Грозный за 40 лет Советской власти» после возвращения в начале 1957 г. народа из депортации и восстановления Чечено-Ингушской АССР по политическим мотивам, во избежание «разогрева» межнациональных конфликтов, была изъята болезненная страница истории — депортация чеченцев и ингушей в 1944 г. (как и случаи антисоветских проявлений в годы войны). В главе о войне говорится только о героизме народа на фронте (стихи Е. Долматовского о герое-джигите Ханпаше Нурадилове) и в тылу (прежде всего, грозненских нефтяников). Особое внимание в книге отводилось мерам Партии по возрождению национальной культуры чеченцев и ингушей: подготовке актеров в Ленинграде, созданию Союза писателей. Период отсутствия автономии (1944–1957) был представлен только рассказом об экономическом развитии Грозного.

В юбилейных материалах от авторов требовали показывать решение национального вопроса на опыте пути «отсталых народов» к социализму. Однако каким способом, кроме как обратившись к количественным показателям материального и культурного роста народов СССР, можно было показать качественное изменение в жизни народов СССР? Тем не менее, например, обсуждая статью о Туркмении «Ленинская национальная политика в действии», от ее автора, партийного лидера С. Бабаева, редколлегия журнала «Коммунист» требовала не только конкретики цифр и фактов, но и показать изменение «облика народа» за 40 лет советской туркменской культуры, которая «не байская, феодальная, мусульманская»³²³.

К юбилею Октября стремились не только демонстрировать успехи в развитии национальных республик за годы Советской власти, но и проводить атеистическую линию. Слова об «исторической общности — советском народе» было очень сложно наполнить убедительным содержанием, обходя стороной духовную проблематику. При этом интуитивно самобытность советских людей ощущалась (так, отмечалось то, что «советский украинец имеет огромное количество черт с советским туркменом, ...армянином <...> грузином...») и его «много черт отличают... от канадского украинца»³²⁴.

Повышенное внимание к национальным культурам в период «оттепели» отразилось на юбилейном оперном репертуаре: четверть названий — оперы союзных республик (в т. ч. Закавказья

и Средней Азии) и автономных республик (Башкирской, Татарской, где состоялась премьера оперы «Муса Джалиль»). На концерте к 40-летию Октября в Риге в литературно-художественном монтаже предстали национальные образы кузнецов, звучали латышские песни «Краславских певуний», исполнялись народные танцы³²⁵.

В Москве в 1957 г. было организовано «15 национальных концертов союзных республик», «основным содержанием» которых стала советская музыка «в ее лучших образцах, созданных за 40 лет»³²⁶. Выходили песенные сборники «Песни народов СССР». Музгиз выпускал серию книг, посвященных культуре 15 союзных республик, а также книгу о музыкальной культуре автономных республик РСФСР³²⁷; издательству «Искусство» по макету одного издания указывали в Союзе художников как недочет то, что показаны «в основном художники Москвы и Ленинграда» (фактически проявление сталинского «руссцентризма») и упущен «большой рост национальных художественных кадров»³²⁸.

В юбилейных торжествах использовали национальный исторический материал. Так, 7 ноября в Киеве по Крещатику «прошли» герои Гражданской войны В. Чапаев, В. Боженко, Н. Щорс (кстати, памятник ему работы скульпторов В. З. Борода, Н. М. Суходолова и М. Г. Лысенко, архитекторов А. И. Заварова и А. И. Власова был открыт в Киеве в 1954 г. — к 300-летию воссоединения Украины с Россией), а также А. Пархоменко — в основном украинцы³²⁹.

С 1956 г. работало Бюро ЦК по РСФСР (его предлагал создать Сталину еще М. И. Родионов в 1947 г.). Под его руководством готовились издания о Российской Федерации. Прежде всего, это сборник Статуправления «40 лет РСФСР», показывающий «экономический и культурный рост» республики³³⁰. При его согласовании были отвергнуты в ЦК заголовки — характеристики РСФСР как «крупнейшей по территории и населению республики...» и «важнейшей по производству»³³¹. Так, руководство СССР как к угрозе для равенства республик относилось к попыткам «подчеркнуть ведущее место» РСФСР «в семье народов».

С целью поддержания «национального» баланса к юбилею публиковались статьи о регионах «русской» Центральной России (например, И. Вострышев «Убедительные факты и цифры»). По содержанию они были экономикоцентричны. Автору указали на то, что Тула — неудачный пример, т. к. «новые заводы не выросли... сельское хозяйство... в запущенном состоянии»³³². Пишу-

щие такие статьи часто не имели опыта в региональной тематике: им было непросто сочетать конкретику материала и общую идеологическую линию, призывавшую демонстрировать мощное развитие региона за годы Советской власти.

Тяжелое положение складывалось и на художественном фронте. В стенограмме заседания выставочного комитета по отбору работ на республиканскую выставку, посвященную 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, высказывались резонные замечания по поводу тематики картин: «Мы не должны забывать о 40-летию Советской власти... Репин на Волге, Шаляпин на Волге, Горький на Волге, еще кто-то... Это — неумение видеть жизнь. Сейчас на Волге столько интересного...»³³³ При обсуждении жюри Всесоюзного конкурса на лучший политический плакат и открытку к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции звучали возмущенные голоса художников о засилье «палеха», «поверхностной стилизации грузинского искусства», «узбекском рококо» при том, что в работах «нет ничего от наших дней», нет показа к юбилею достижений³³⁴.

* * *

Некоторая демократизация в период «оттепели», а также борьба с культом личности проявлялись в усиленной пропаганде роли народных масс, как в истории революционного движения, так и на разных этапах развития советского общества.

Главной оперной премьерой к юбилею Великого Октября стала опера не о вождях революции, а данная в Большом театре, Горьковском и Ленинградском театрах оперы и балета опера «Мать» знаменитого композитора Т. Н. Хренникова по одноименному роману М. Горького. В ней освещались годы революционной борьбы перед 1905 г., с главными, исполненными величественной простоты, образами простого рабочего Павла Власова и его матери Ниловны. Как отмечала критика, постановку отличала, в противовес временам «большого стиля», также простота самого сценического решения, избавления от «культа вещей» в декорациях³³⁵.

Тема ведущей роли народных масс в революции и Гражданской войне заняла особое место в кинематографе. К юбилею

вышли фильмы «Балтийская слава», «Шторм», «Рожденные бурей», «Особое поручение» и др. Характерными их чертами было то, что они показывали перипетии судеб людей из народа: красноармейцев, матросов, казаков (экранизация «Тихого Дона» М. А. Шолохова) и интеллигенции («Хождение по мукам» А. Н. Толстого). Первые серии этих ставших знаменитыми фильмов были показаны к 40-летию Великого Октября.

Важной чертой в рамках исторической оценки «творчества народных масс» было провозглашение критического подхода к истории. В первых фразах документального фильма к 40-летию Октября «Незабываемые годы (Сквозь годы мчась)» звучали слова: «Мы ошибались, но побеждали»³³⁶. Такая позиция, декларирующая отображение сложности жизни, противопоставлялась парадности и апологетике, присутствовавшей до начала «оттепели».

О том, в каком ключе власти стремились трактовать образы народных масс в революционном процессе, можно судить, в частности, по резолюции коллегии Министерства культуры РСФСР по фильму «Шторм» (о событиях 1918 г. в уездном городке). К киноматериалу предъявлялись следующие замечания: во время прохода красноармейцев с пением «И как один умрем / В борьбе за это» неуместна реплика могильщиков: «Только это осталось»; неубедительна была показана пропаганда за Советскую власть среди солдат полка. Чиновники требовали показывать в фильме «крупные планы взволнованных и благодарных рабочих», а в финале — «...идущих на фронт героев... впереди строя бойцов»³³⁷. Так проявлялись тенденции в кинематографии периода «оттепели»: стремление перейти от пафоса к романтике и даже сентиментальности, обращению к личным чувствам героев, к большей свободе в показе событий революции и Гражданской войны (в т. ч. с точки зрения правды чувств). Не случайно, к 1957 г. относится и символический для настроений интеллигенции «оттепели» «Сентиментальный марш» тогда еще только входившего в литературу поэта и барда Б. Ш. Окуджавы, посвященный известному и знаковому для «оттепели» поэту Е. А. Евтушенку со словами: «Я все равно паду на той, / на той единственной гражданской, / и комиссары в пыльных шлемах / склонятся молча надо мной»³³⁸.

Однако, несмотря на провозглашение поддержки новаторства в творчестве, власть опасалась всего того, что могло ослабить идеологическое звучание произведений.

Тема народных масс как вершителей истории находила отражение и в кинематографе. В фильме «Рассказы о Ленине» рабочие свободно выступают и дебатировать с оппозиционерами без присутствия больших «партийных начальников» (потом неожиданно появляется сам Ленин) на заводском митинге³³⁹. Одним из главных фильмов, снятых к 40-летию Великого Октября, стал «Коммунист» Ю. Райзмана, представляющий живой образ рядового коммуниста — участника одной из первых строек Страны Советов.

В плакатах уже главными героями стали представители народа: красногвардейцы, крушащие ворота предприятия с двуглавым орлом³⁴⁰; рабочий и колхозник, перекрестившие серп и молот³⁴¹; кузнец, ударяющий молотом по наковальне³⁴² (можно вспомнить песню на стихи Ф. С. Шкулёва «Мы — кузнецы», родившиеся еще в революционные 1905–1906 гг.); советские юноши и девушки под знаменем «Вперед, к победе коммунизма!»³⁴³. Народные образы на плакате: например, профили революционного рабочего с «“Искрой” в руке», красногвардейца, воина Великой Отечественной войны, колхозницы и сталевара подчас становились монументальным барельефом, наподобие профилей вождей на плакатах сталинского времени³⁴⁴.

Демократические тенденции «оттепели» отразились и в юбилейных изданиях. Так, в конце разделов приводились очерки о конкретных людях «из народа»: революционерах, тружениках, воинах («Солдаты революции», «Герои пятилеток» и др.)³⁴⁵. Издавались об этих людях и художественные произведения: например, свердловским издательством — книги «Бойцы первого призыва» П. П. Бажова, «Так начиналась жизнь» А. Ф. Савчука и т. п.³⁴⁶ Ведь как писал в 1956 г. поэт С. С. Орлов в показательном для своего времени стихотворении «Второй»:

Я первых чту. Но лишь второй
Решает в мире — а не первый,
Не Бог, не царь и не герой³⁴⁷.

(Последняя строка не случайно для своего времени является цитатой, взятой из революционного и партийного гимна — «Интернационала»³⁴⁸.)

Прорывной и знаковой для времени «оттепели» стала вышедшая в 1957 г. кинокартина «Дом, в котором я живу» — фильм о жизни «советских людей разных поколений»³⁴⁹, в котором были показаны не герои, а простые, обыкновенные люди, со своими сильными и слабыми сторонами.

В условиях десталинизации в СССР на Западе развертывалось идеологическое наступление, связанное с культивацией образа советского человека как подавленного и бесправного объекта коммунистической диктатуры. В ответ советской пропагандой отмечалось, что «нужно сильнее отразить расширение связи партии с массами». В статьях «Коммуниста» к юбилею делался акцент не только на роль народных масс, но и на те возможности, которые дала революция рядовому гражданину. Так при обсуждении статьи «Во главе масс по пути Октября» отмечали: «Надо сказать и о простом человеке, что он получил от Октябрьской революции, какие у него перспективы»³⁵⁰. И это пытались отразить в публикациях к юбилею: не только как село на Рязанщине от потребляющего через колхозную жизнь стало производящим, но и как рядовой строитель Днепрогэса стал затем руководителем строительства Куйбышевской ГЭС³⁵¹.

* * *

В содержании пропаганды к 40-летию Октября присутствовал экономикоцентричный подход. Во многом он был связан с попыткой реализовать провозглашенный Хрущёвым лозунг «догнать и перегнать Америку» в его расширенном формате — активизацией внедрения научных достижений в производство, решительным вступлением СССР в процесс научно-технической революции (решения июльского Пленума ЦК 1955 г.). Так, на предприятиях, в колхозах, в колоннах демонстрантов, при оформлении улиц и площадей населенных пунктов Москвы и Московской области размещались следующие воспитательного характера призывы, обращенные к рабочим и, прежде всего, к «молодым рабочим», «юно-

шам и девушкам», «комсомольцам и молодежи Подмоскovie»: «А чем ты встретил этот замечательный праздник?»; «Работа без брака — дело чести каждого молодого рабочего»; «Боритесь за чистоту и культуру на производстве!»; «Молодые рационализаторы и изобретатели! Совершенствуйте технику и технологию! Добивайтесь снижения себестоимости выпускаемой продукции!»³⁵². Молодежь стремились морально стимулировать, причем в ноябре 1957 г. во Дворце спорта стадиона им. Ленина (в Лужниках) организовали слет молодых передовиков производства. Публиковались графики и диаграммы с показателями экономики для иллюстрации доклада Хрущёва от 6 ноября 1957 г.³⁵³ В материалах по регионам основное внимание уделялось развитию их промышленности, сельского хозяйства за 40 лет Советской власти (параметры здравоохранения 1916 и 1920 гг., объемы ввода жилья). Данные согласовывались с отделами ЦК партии: промышленно-транспортным, сельскохозяйственным, науки, школ и культуры. Материалы о февральском Пленуме (1957), введившем вместо общесоюзных министерств совнархозы, которые фактически усилили хозяйственные функции регионального аппарата, а также данные о росте производства и других экономических показателях были представлены на выставках в регионах (например, в Доме политического просвещения МК и МГК КПСС)³⁵⁴. Вместе с Минсельхозом в течение всего года проводился кинофестиваль, посвященный увеличению производства мяса, масла и молока на душу населения³⁵⁵.

* * *

Как мы уже отмечали, в пропаганде понятие «коммунизма», о котором часто говорили, упрощали, часто сводили до удовлетворения материальных запросов трудящихся. При обсуждении материалов пропаганды порой звучали даже призывы не делать «ударение на коммунизм»: «Какой-же коммунизм, когда не хватает продуктов... мы социализм не построили полностью»³⁵⁶. Историк Г. А. Бордюгов отмечал, что «догнать и перегнать» — эта «новая цель, казалось, придавала новый смысл воспоминаниям об Октябре»³⁵⁷. На наш взгляд, такая трактовка возможна, если говорить об иллюзиях руководства СССР, видевших в этой цели новый

смысл. Новый смысл воспоминаниям об Октябре могло по-настоящему придать осмысление духовных аспектов советского общества и людей, которые строили коммунизм. Но оно по сравнению с материально-технической основой занимало в юбилейных материалах второстепенное положение. В какой-то мере обращению к теме уникальности советского исторического проекта способствовали великие космические достижения — запуски первых искусственных спутников Земли. Так, А. Т. Твардовский писал об этом в «Октябрьских строфах»: «Всего людского рода счастье, / Что этот шаг ступили мы». «Необычные определения — “советская луна”, новые звезды, которые светят не только на башнях Кремля, но и во всей Вселенной»³⁵⁸, — являлись новыми образами. (Образ Кремля, как светоча всему миру, широко использовался в сталинскую эпоху.) Победы духа советского человека переводились в русло соревнования с Западом, который мог бы обратить спутник во зло («Не те, кто знаменьем зловещим / Вдруг прочертил б эту высь»³⁵⁹). Тема спутника как величайшего достижения поднимала авторитет страны не только в глазах своих граждан (достаточно посмотреть популярность темы спутника, ракет и вообще техники на демонстрации 7 ноября на Красной площади³⁶⁰), но и авторитет СССР как лидера соцлагеря в глазах гостей юбилейных торжеств. Как пишет историк А. С. Стыкалин, «спутник, запущенный 4 октября, произвел на китайского лидера настолько сильное впечатление, что, по замечанию одного из наблюдателей, “возродил его потускневшую веру в мощь СССР, а также породил в нем новые надежды на неисчерпаемые возможности социализма”. К теме спутника он то и дело обращался и в своих выступлениях <...> восхищаясь тем, как СССР, “запустив вверх большую шутовину”, вырвался вперед, а если не остановится на достигнутом, далеко опередит капиталистический мир и заставит человечество “избавиться от страха”»³⁶¹.

Духовное содержание «в праздник нынешних побед» пытались внести напоминанием о неразрывной связи живых и павших в борьбе и строительстве новой жизни: «внимая словословью», «...что этой кровью / Дымится наш вчерашний след»³⁶².

При обсуждении планов редакции главного печатного органа Союза писателей СССР «Литературной газеты» к юбилею Октября в материалах требовали показать то, что принесла «новая

действительность» в литературу (ее тематику, жанровое развитие и пр.) через литературные портреты появившихся после революции, «как грибы в грибное лето», «творческих индивидуальностей»: Л. М. Рейснер, Н. С. Тихонова, А. А. Фадеева, Д. А. Фурманова, Л. М. Леонова, Б. Л. Горбатова и др., как «правоверных» коммунистов, так и «попутчиков»³⁶³.

Показательна попытка осмысления 40 лет Советской власти в литературно-публицистической форме в эссе писателя Ф. Панфёрова «Раздумье» для журнала «Коммунист». Панфёров пытался деидеологизировать патриотизм, показать его как силу духа, которая и позволяла добиваться великих побед и свершений. В редколлегии же ему советовали показать «возможности социалистического строя резче», т. к. «ведь и при царизме были Ломоносов, Менделеев, Яблочков...». Панфёрова критиковали и за вольность метафор (спутник — «ребеночек») и «сгущение красок» (советские танки в 1941 г. «горели как свечи») ³⁶⁴. Публикация материала Ф. Панфёрова «Раздумье» свидетельствовала, что в «оттепель» в литературе предпринимались попытки выйти на духовный уровень решения проблем феномена советского человека.

В целом же в юбилейном нарративе проблема духовных истоков достижений СССР, советского человека не получила серьезного осмысления.

На содержательное наполнение пропаганды к юбилею оказывали влияние не только самые последние достижения страны, но и внутрисполитическая борьба: эпизод, связанный с отставкой Г. К. Жукова на октябрьском Пленуме (1957). Военнослужащие тогда заявляли: «Жуков заслуженный полководец... и лучше его кандидатуры на пост Министра нет... неясно, за что его сняли, и мне его жаль... сняли Молотова... снимают Жукова... а кто же будет у руководства страной, если всех хороших руководителей по-снимают»³⁶⁵. Хрущёв на собрании в Московской областной парторганизации 1 ноября «проговорился» о недовольствах смещением Жукова накануне юбилея: «Теперь... некоторые говорят, что мы этим омрачаем наш праздник. ...Это все равно что горсть глины,

брошенная в бурную реку, река унесет его, и опять водичка будет светлая...»³⁶⁶ Номер «Правды» от 3 ноября 1957 г. был посвящен критике маршала, но последующие номера — запуску второго спутника и подготовке к юбилею³⁶⁷. 31 октября отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС распорядился изъять праздничный плакат с портретами Президиума ЦК (из-за присутствия на нем Жукова) из торговли и библиотек³⁶⁸. Так опала Жукова привела к отсутствию упоминания о нем в контексте юбилея.

* * *

Изменения в художественной жизни периода «оттепели» отразились на самой масштабной Всесоюзной художественной выставке, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции (5 ноября 1957 г. — 16 марта 1958 г.), в только что открывшемся для народа Центральном выставочном зале «Манеж». (Здание было переделано из гаража Совмина СССР.) Выставка готовилась еще на основании Постановления Совета Министров СССР от 10 мая 1955 г. В нем указывалось, что на выставке «должны быть отражены всемирно-исторические успехи социалистического строительства в области промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры, искусства... под руководством Коммунистической партии... роль Советского государства в борьбе за мир во всем мире, международное значение Великой Октябрьской социалистической революции», выставка должна включать «произведения других народов», раскрывать темы коммунистического воспитания молодежи, жизни и быта советских людей и, главное, «образ советского человека»³⁶⁹.

На выставке были представлены около 6000 произведений живописи, скульптуры, монументального (барельефы, мозаики и др.) и декоративно-прикладного искусства, которые создали «около 2000 живописцев, 300 скульпторов, свыше 700 графиков»³⁷⁰. Столь солидные масштабы превосходили такого рода выставки прошлых лет. Из экспонировавшихся работ были сформированы 5 передвижных выставок, которые были показаны в столицах союзных республик и крупных городах. 90 лучших произведений представляли советское искусство на Всемирной выставке 1958 г. в Брюсселе³⁷¹.

При анализе состава произведений выставки обращает на себя внимание то, что тематике революционного движения (включая портреты декабристов, Н. Г. Чернышевского, К. Маркса, Ф. Энгельса,

В. И. Ленина и др. революционеров, работы о революции 1905–1907 гг. и 1917 г.) и Гражданской войны было посвящено, например, от Армянской ССР из 88 — 2 работы, от Литовской ССР из 31 — тоже 2, в Азербайджанской, Киргизской и Таджикской ССР — ни одной работы. Интересный показатель «статистики»: самые высокие показатели доли революционной тематики в общем количестве картин от республики (региона) по 13% — в Ленинграде и на Украине³⁷² (см. Приложение Б). Этот факт можно объяснить тем, что Ленинград являлся «колыбелью революции»; Украина же была политической вотчиной Хрущёва, где особо следовали политико-идеологической конъюнктуре «оттепели» в пропаганде героики революции и Гражданской войны.

Особенностью юбилейных выставок было их проведение не только в Москве, Ленинграде и столицах советских республик, но и в областных центрах: Горьком, Омске, Ровно и др. Так, на Омской областной выставке (1956–1957) из 15 работ, посвященных Великому Октябрю и истории революционного движения, 9 — портреты старых большевиков. Мы можем видеть, что в изобразительном искусстве проявлялся больший интерес не к вождям революции (Ленину, Сталину), а к рядовым участникам революционного процесса — путиловцам, ветеранам Гражданской войны (часто землякам). Большинство картин представляло собой сибирские пейзажи, портреты земляков³⁷³.

Такие показатели позволяют нам сделать вывод о снижении интереса в среде художественной интеллигенции к историко-революционной тематике в национальных республиках и «нестолчных» регионах. В стремлении художников обратиться к национальным и региональным темам намечалась тенденция культурного обособления от союзного центра и госзаказа.

Показательно для разнонаправленности культуры «оттепели» многообразие песен «для исполнения на площадях г. Москвы...»: «Песня о Ленине», «Кантата о партии», «Партия наш рулевой», «Здравица Октябрю», «Комсомольцы», «Где же вы теперь, друзья-однополчане?», «Марш советской молодежи», «Гимн демократической молодежи», «Любимый город», «Подмосковные вечера» и др. — и «для демонстрации (при сборах и на остановках)»: «Солнце скрылось за дорогу», «Комсомольцы — москвичи»,

«В городском саду», «Любимый город», «Смуглянка», «Подмосковные вечера», «Уральская рябинушка» и др.³⁷⁴ Песни для демонстрации были не только революционно-патриотические, но и нередко лирические. Они эмоционально стимулировали и развлекали участников демонстрации, чтобы не перегружать их официальной тематикой, которой и так была пропитана демонстрация. На народных гуляниях звучали песни как политико-идеологической тематики: о Ленине, о Партии, об Октябрьской революции, о комсомоле, о Великой Отечественной войне, о мире и дружбе народов, — так и «неполитические» песни. Особое внимание стали уделять в те годы молодежному песенному репертуару. Таким образом, людям с различными идейно-политической зрелостью и художественными вкусами давалась возможность ощутить праздничную атмосферу.

Важно отметить, что к юбилею революции было приурочено немало смотров и выступлений не только профессиональных коллективов театров, ансамблей, хоров, но и коллективов художественной самодеятельности (в т. ч. Всеармейский смотр художественной самодеятельности, приуроченный еще и к 40-летию советских Вооруженных Сил). Тем самым власти демонстрировали демократичность советской культуры, пробуждение народных талантов Октябрьской революцией.

В театральном искусстве происходили также сложные поиски нового в различных аспектах. Это проявлялось, например, в выборе тем из современной жизни, в т. ч. из жизни молодежи: например, во взбудоражившей аудиторию постановке «В поисках радости» по В. Розову. (Показательно, что в ней юный герой, протестуя против «мещанства», рубит новый мебельный гарнитур снятой им со стены саблей времен Гражданской войны, принадлежавшей его погибшему отцу). Однако к юбилею в 90 % случаев в театре ставилась историко-революционная драма, а не спектакль на современную тему³⁷⁵, но при этом в одноактных пьесах уже наблюдалось пятикратное преобладание количества пьес, в которых показывалась не история, а «наши дни»³⁷⁶. Происходила актуализация самих постановок с помощью сценографии (иногда, правда, еще нарочитая, отдающая агитпропом первых советских лет: например, спущенное полотнище со словом «Мир» на разных языках)³⁷⁷.

* * *

Рассматривая особенности политико-идеологического содержания юбилея, нельзя не остановиться на обширном международном его аспекте.

В юбилейных торжествах особо подчеркивалась роль СССР как центра мирового коммунистического движения, а также открытость страны миру. Еще в период подготовки постановления о 40-летию Великого Октября в записке в ЦК от 21 февраля 1957 г. из МВД отмечалось, что в советских архивах сохранились сведения о «Всемирном конгрессе друзей СССР», на котором присутствовало 947 делегатов из 43 стран», в Доме Союзов в рамках празднования 10-летия Октября (1927)³⁷⁸.

Пропаганда и популяризация 40-летия Великого Октября (издание литературы, работа в парках культуры и отдыха и др. мероприятия) увязывалась с проведением масштабного VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве (28 июля — 11 августа 1957 г.). Журналы Союза советских писателей «Иностранная литература», «Вопросы истории и теории литературы» приводили подборки высказываний «Зарубежные писатели о годовщине Октября», статьи на тему «Октябрь и мировая литература»³⁷⁹. Советских писателей в письмах и телеграммах поздравляли с праздником коллеги из разных стран, даже из далекой и еще тогда несоциалистической Кубы.

В целом в пропаганде велось разъяснение всемирно-исторического значения Октябрьской революции, достижений СССР и стран народной демократии в борьбе за социализм и мир во всем мире.

Показывались исторические истоки пролетарского интернационализма в активно издаваемых (в отличие от 1947 г.) работах о значении Октября для мирового и национального революционного и рабочего движения во Вьетнаме, Алжире, Англии, Швеции, Нидерландах, Дании, Мексике. Это свидетельствует о том, что с помощью актуализации интернационального значения Октябрьской революции пытались расширить сферу советского влияния не только в Европе, но и в «третьем мире».

На восстановленные отношения с социалистической Югославией указывало интервью журналу «Огонек» ее лидера И.-Б. Тито, который отмечал «громадные достижения за сорок лет» в СССР, в т. ч. запуск спутника Земли³⁸⁰.

Допускалась и некоторая степень информационной открытости для прессы дружественных стран. Так, на уровне ЦК разрешалась командировка журналистам газеты «Вохеншист» из ГДР с мая по ноябрь «по Европейской части СССР... для написания серии очерков... в связи с исполняющейся 40-й годовщиной Октябрьской революции»³⁸¹. Подобные материалы создавались с целью не только «приблизить» СССР для западного читателя, но и создать позитивный образ страны социализма для стран его еще только строящих.

В журнале «Коммунист» публиковались статьи лидеров международного коммунистического движения. При обсуждении статьи лидера коммунистов Франции М. Тореза «Французские рабочие и годовщина Октября» выражались опасения «корректировать и подсказывать» «Генеральному секретарю самостоятельной партии», но редакции не нравились частые ссылки Тореза на решения XX съезда (т. к. «не подчеркивает линию и решения своей партии»)³⁸². В статье лидера Компартии США У. Фостера «Октябрьская революция и рабочий класс США» падение своего влияния Компартия США связывала только с «культом личности»³⁸³. Этот акцент возмутил многих в редакции, т. к. создавал опасный прецедент расширения рамок критики Сталина, который продолжал считаться в СССР выдающимся деятелем мирового коммунистического движения.

Так в «международных» коммунистических статьях проявилось наследие отношений сталинской эпохи: боязнь инициативы и стремление оглядываться на Москву, в то время как СССР пытался выстроить более гибкую систему отношений с коммунистами Запада, избегая, по возможности, менторского тона.

В связи с международным компонентом политико-идеологического содержания юбилея следует отметить крупную научно-популярную и пропагандистскую акцию в рамках мирного международного сотрудничества — юбилейную сессию Академии наук СССР, приуроченную к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, с участием «до 50 ученых зарубежных

стран» (в т. ч. капиталистических — Великобритании, Франции, ФРГ и др.) и пребыванием их в течение 10 дней в СССР в Москве, Ленинграде и Киеве³⁸⁴. Так СССР стремился поддерживать образ страны мирного научного прогресса.

Международный аспект содержания юбилея особо проявился в подготовке и проведении главных торжеств.

При подготовке демонстраций обеспечивалось присутствие в праздничных колоннах портретов «руководителей стран народной демократии и зарубежных коммунистических партий»³⁸⁵. Тем самым подчеркивалось уважение к зарубежным соратникам: Китаю (стоял на первом месте в списке) и Монголии «посвящалось» по 3 портрета; КНДР, Вьетнаму — по 2; были и портреты видных западноевропейских коммунистов М. Тореза (Франция) и П. Тольятти (Италия). Портретов в нужных количествах не было, и по распоряжению ЦК от 3 октября 1957 г. подготовили 75 комплектов (в т. ч. 25 для Москвы и 15 для Ленинграда)³⁸⁶. Цитаты из Мао Цзэдуна, Хо Ши Мина, В. Пика, М. Тореза, П. Тольятти о всемирной Октябрьской революции, о «неразрывности связи» с русским народом и его путем, заданным Великим Октябрем, были показаны в самом начале ноябрьского выпуска киножурнала «Новости дня» под заглавием «Новая эра в жизни народов»³⁸⁷.

6 ноября 1957 г. в Москве в рамках главного церемониального коммеморативного мероприятия — юбилейной сессии Верховного Совета СССР — присутствовали и выступали представители многих делегаций «стран народной демократии» (см. Приложение А), а также компартий Запада и стран «третьего мира» (см. перечень стран в § 1 главы 2). На параде и демонстрации 7 ноября на Мавзолее стояли вышеупомянутые гости (в отличие от торжеств в 1947 г.). Е. А. Фурцева с восторгом говорила, что иностранные военные атташе, фотографируя технику, «чувствовали себя... словно их на сковороде поджаривали», видя мощь нашей державы. В духе холодной войны она заявляла, что «враги старались принизить значение всего, что видели», но для демонстрантов «нельзя организовать улыбки на лице человека», «теплоту»³⁸⁸. При этом она ссылалась на восхищения демонстрацией 7 ноября П. Тольятти и В. Гомулки (последний сказал ей: «Ух, какое сильное впечатление производит демонстрация»)³⁸⁹.

Заметной чертой празднования юбилея стало присутствие на торжествах китайской делегации в Москве (она прибыла еще 2 ноября; Мао Цзэдун стоял рядом с Хрущёвым на Мавзолее 7 ноября 1957 г., о чем свидетельствует и фото на обложке настоящей книги). Китайцы присутствовали и на демонстрациях во Владивостоке и Находке³⁹⁰. Китайская сторона продемонстрировала свое расположение к СССР даже тем, что впервые (!) зарубежной стране была подарена большая панда Пин-Пин, поселенная в Московском зоопарке. Отношения с Китаем были очень важны для СССР, хотя и напряжены. Особенно трудно было согласовывать с «китайскими товарищами» текст готовящейся Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Позиция Мао Цзэдуна, считавшего американский империализм «бумажным тигром», толкала Москву на уступки Пекину ради сохранения единства коммунистического движения. Пекин настаивал на предельно жестких формулировках в отношении империализма — и они были в окончательном варианте Декларации еще более ужесточены в сравнении с проектом, представленным СССР: добавлена, в частности, фраза об агрессивных кругах США как о «злейших врагах народных масс», которые «сами себе готовят гибель»³⁹¹. Однако, как отмечает историк А. С. Стыкалин, «публичное приветствие Мао на юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября несколько контрастировало с его же не предназначенными для печати выступлениями на совещаниях компартий. В нем была выражена приверженность делу мира, сделан акцент на принципах мирного сосуществования. Китайскому лидеру, очевидно, хватало тактического чутья не афишировать перед всем миром те свои откровения, которые он считал возможным донести до соратников по движению»³⁹².

Важным юбилейным мероприятием стала встреча трудящихся Москвы 8 ноября с делегациями зарубежных стран. Собрание после встречи с представителями 61 страны также вел член Президиума ЦК, 1-й секретарь МГК КПСС Е. А. Фурцева. В своем выступлении она делала акцент на международном значении Октября, «поддержке трудящимися зарубежных стран» молодого Советского государства (лозунг «Руки прочь от Советской России!»), в чем выражался принцип пролетарского интернационализма. Речь держали все гости, начиная с М. Тореза и П. Тольятти, затем слово взял представитель КП Китая. Такой порядок выступавших, возможно, свидетельствовал о том, что СССР способен, в условиях конфликтности с КНР, переориентироваться и на западные компартии.

После главных Октябрьских торжеств в Москве 14–16 ноября прошло Совещание представителей коммунистических и рабочих партий, на котором были приняты Декларация Совещания и Манифест Мира. Единство и силу соцлагеря было особенно необходимо продемонстрировать после событий в Венгрии и Польше 1956 г. «Не создавала серьезной угрозы единству коммунистического движения “диссидентская” позиция ПОРП [Польской объединенной рабочей партии. — А. М.] по ряду вопросов, явившаяся запоздалым отголоском “польского Октября” 1956 г. Как не делало погоды и выступление П. Тольятти, местами попахивавшее откровенным социал-реформизмом и еретичеством. С другой стороны, закончилась явной неудачей очередная попытка хрущёвского руководства теснее привязать к СССР и советскому блоку режим Тито в Югославии. Вопреки давлению Хрущёва, югославы хотя и приехали в Москву, но ноябрьскую декларацию категорически отказались подписывать»³⁹³. Однако в целом Совещание 1957 г. выводило «социализм из застоя», придавало ему «большую мобильность, адекватность задачам национального, политического, культурного и социального развития каждой страны»³⁹⁴.

По решению ЦК, в кружках и на семинарах партийного просвещения на основе данных документов проходило рассмотрение ключевых международных тем: «Мир системы социализма. Несокрушимое единство стран социалистического лагеря», «Важнейшие идеологические задачи коммунистических и рабочих партий на современном этапе» и «Борьба за мир — главная задача современности»³⁹⁵. В Постановлении ЦК ВЛКСМ от 27 ноября 1957 г., посвященном «работе комсомольских организаций по пропаганде Декларации и Манифеста мира», говорилось, что демонстрация «великого и нерушимого единства и сплоченности коммунистических и рабочих партий» базировалась на единой марксистско-ленинской идеологии и принципе пролетарского интернационализма³⁹⁶. Пропаганде идей «социализма, мира и дружбы народов» отвечало содержание лекций, бесед, статей в прессе, оформления демонстраций (так, белые голуби вылетали 7 ноября на Красной площади из огромного цветка с надписью «Миру — мир»³⁹⁷). Все это должно было противодействовать «лжи и клевете империалистической пропаганды»³⁹⁸, проникновению буржуазной идеологии

в среду молодежи. Тема защиты завоеваний социализма становилась контрпропагандистской в условиях распространения вредных для власти идей либерализации режима после XX съезда и контактов с Западом в рамках Всемирного фестиваля молодежи и студентов в 1957 г. Обратимся к анализу историка А. С. Стыкалина: «Западные комментаторы не могли пройти мимо более резких в сравнении с XX съездом КПСС формулировок в отношении сил, оппонирующих мировому коммунизму, что со стороны КПСС было данью компромиссу с КПК [Коммунистической партией Китая. — А. М.] в интересах достижения единства мирового коммунистического движения. Но, кстати, жесткая риторика ноябрьской Декларации была уже в декабре до известной степени уравновешена некоторыми мирными инициативами СССР (в области испытаний ядерного оружия, неразмещения его в Германии и Центральной Европе, заключения между НАТО и ОВД [Организацией Варшавского договора. — А. М.] договора о ненападении) <...> Не только спутник, но и эти мирные инициативы позволили Н. Хрущёву всего через год после подавления венгерского восстания стать “человеком года” (1957 года) по версии журнала “Time”»³⁹⁹.

* * *

Особо рассмотрим аспект, связанный с участием в праздновании 40-летия Великого Октября Русской православной церкви. После смерти Сталина все более затрудняются контакты священноначалия с новым руководством страны (чему способствовал Хрущёв). Сигналом к новой антирелигиозной кампании стало принятое по инициативе воинствующего атеиста Хрущёва Постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», после которого гонения на РПЦ возросли по партийной линии и в СМИ. Вскоре пришлось даже несколько притормозить их размах (в т. ч. по настоянию председателя Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР полковника КГБ Г. Г. Карпова, лояльно относившегося к Церкви). Уже 10 ноября 1954 г. ЦК КПСС примет Постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения».

В связи с Октябрьским праздником в 1957 г. Патриарх Алексий I направил телеграмму Председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину, но уже не было выпущено церковного послания по случаю юбилейной даты (как это было сделано к 30-летию Октября). Само поздравление было кратким: «С горячими пожеланиями дальнейших успехов и процветания родной страны»⁴⁰⁰. В словах поздравления Г. Г. Карпова «да осуществится наше стремление к миру во всем мире» отмечалась сфера сотрудничества Церкви и Советской власти — борьба за мир во всем мире. Отсутствие статей в главном печатном органе РПЦ «Журнале Московской Патриархии» о 40-летию Октября было демонстрацией некоторой дистанции с антицерковно настроенной властью. Обращает внимание более личный теплый тон обращения к Карпову (назван по имени-отчеству), чем к Булганину. Смещение Карпова в феврале 1960 г. со своего поста было в т. ч. связано с тем, что «...занимая защитнические позиции по отношению к церкви, совет вел линию не на борьбу с нарушениями духовенством законодательства о культах, а на ограждение церковных интересов»⁴⁰¹.

В условиях нарастания атеистической пропаганды часть духовенства стремилась сохранить хотя бы некоторое участие в общественно-политической жизни страны. Так, в Краснодарской епархии для духовенства, «как для патриотов своей родины», по просьбе архиепископа, была прочитана лекция «Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции». После лекции настоятель одного из городских приходов отметил: «Такое многолюдное гражданское собрание... является для духовенства большим событием», а «многие священники просили... приглашать их на такие лекции и доклады два-три раза в год»⁴⁰².

Тем самым церковь в период, когда уже начиналось новое хрущёвское наступление на нее, развернувшееся с размахом в 1958 г., стремилась, осторожно дистанцируясь от власти, в то же время совсем не уходить в изоляцию.

* * *

Подводя итог рассмотрению особенностей политико-идеологического содержания историко-юбилейных мероприятий в честь

40-летия Великого Октября, можно заключить, что они были обусловлены теми новыми тенденциями, которые все более проявлялись после XX съезда КПСС (1956) в общественно-политической и культурной жизни периода «оттепели».

Продолжавшийся процесс десталинизации нашел отражение в значительном, хотя и не полном, изъятии упоминаний о Сталине, а также усилении пропаганды образа Ленина как «самого вечного человека».

В юбилейном нарративе превалировала революционная, а не советская государственная тематика (приоритет которой наблюдался к 30-летию Октября). Образ революции подкреплялся активным участием в мероприятиях старых большевиков.

Демократические тенденции «оттепели» проявились в повышенном внимании в коммеморации Октября к роли народных масс и простых людей в революционном процессе (в материалах периодики, произведениях искусства и др.).

В пропагандистской и популяризационной работе появилась тенденция к регионализации (активное обращение к региональному и национальному аспекту в истории Октябрьской революции и Гражданской войны).

Экономикоцентризм в содержании пропаганды к юбилею отвечал приоритету социально-экономической политики, а также пониманию коммунизма советским руководством как преимущественно удовлетворения материальных потребностей человека.

Международная составляющая в юбилейном нарративе была обусловлена стремлением не только показать единство соцлагеря на принципе пролетарского интернационализма, но также и желанием смягчить характер советской политико-идеологической линии, учитывая в ней особенности стран-союзников.

Содержание коммеморативных мероприятий также демонстрировало открытость СССР миру, его готовность к смягчению отношений с капиталистическим Западом и к тому, чтобы конфронтация уступила место совместному стремлению к миру и мирному соревнованию двух систем.

§ 4. Изменения общественных настроений по поводу юбилея Октябрьской революции

40-летие Великого Октября как значимое событие в жизни СССР вызывало различные общественные настроения, в которых отражался взгляд как на сам юбилей, так и на процессы в общественно-политической и культурной жизни страны.

Как и к другим Октябрьским годовщинам, к 40-летию Великого Октября присылались многочисленные официальные приветственные адреса от народов союзных республик в Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР и Центральный Комитет КПСС (от Казахской, Молдавской, Литовской и др. республик). В них уже редко упоминались о «великом русском народе», а более подчеркивалось, что русский народ «первый среди равных», а также ярко звучала тема «пролетарского социалистического интернационализма»⁴⁰³. Таким образом проявлялось воздействие такого политико-идеологического фактора, как изменение акцента с руководящей роли русского народа на дружбу и равенство народов, что явилось отражением изменений в советской национальной политике периода «оттепели».

Наибольший интерес представляют личные письма граждан к юбилею в партийные и государственные органы власти, присланные в период с марта по декабрь 1957 г. Среди авторов подавляющее большинство — старые большевики, активизировавшиеся в связи с декларированием возврата к ленинизму после XX съезда (см. об отношении к ним в период празднования 30-летия Октября в § 4 главы 1).

В письмах проявлялась солидарность старых большевиков. Так, они просили за бывшего красного моряка А. И. Вильмана,

который, выйдя из заключения (был репрессирован в 1938 г.), «бедствует, не имеет крова», а также о награждении старого большевика В. Л. Панюшкина. При этом для подтверждения заслуг приводились фрагменты из его биографии, связанные с сакральными партийными авторитетами (В. И. Лениным, Я. М. Свердловым, Ф. Э. Дзержинским, С. Орджоникидзе): «выполнявший личное задание В. И. Ленина»; он назывался «соратником и другом»; особо отмечалось: «Тов. Панюшкину в революционных делах можно доверить душу и тело (Дзержинский)»⁴⁰⁴.

К юбилею активность проявляли и бывшие «политкаторжане и ссыльно-поселенцы» (см. о них при Сталине в § 4 главы 1). В коллективном письме (65 чел.) они сравнивали дореволюционную и советскую картины жизни страны: «дикие степи... места ссылки» и «плодоносящее социалистическое поле», «покорение величайших рек Сибири: Обь, Ангара, Енисей» и др.⁴⁰⁵

Не забывали авторы и об интернациональном долге: так, в 1957 г. предлагали помочь деньгами, объявив всесоюзную подписку голодающим Алжира и других «малоразвитых стран» (вспомним, что в 1947 г. деньги в письмах посылали на монументы Сталину)⁴⁰⁶.

В письмах к 40-летию Октября, наряду с тем, что Партию хвалили за то, что, восстанавливались «ленинские принципы» и шла борьба с культом личности, присутствовали и настроения, осуждавшие десталинизацию. Так, член КПСС с 1938 г. А. Г. Степанов с московского завода им. Карпова спрашивал: «Почему сейчас лектора, докладчики, газеты, кино и радио, говоря о событиях в истории, о заслугах Сталина не говорят?», хотя их «...не спрячешь. Не вычеркнешь из нашей действительности». В письме приводились заслуги Сталина «в области марксистско-ленинской идеологии» а, прежде всего, в том, что «построил социализм, разгромил фашизм», расширил границы социализма «очень много после Ленина»⁴⁰⁷. Письмо показательно отражало ситуацию того времени, когда за недоумение по поводу игнорирования трудов Сталина в партийном образовании можно было прослыть «сталинистом», но при личном обще-

нии около «90 % присутствовавших на занятии» говорили критикующему десталинизацию: «Правильно выступил». Автор письма напоминал слова Хрущёва при посещении болгарского посольства 18 февраля 1957 г., когда советский лидер сказал о Сталине как о человеке, «преданно служившем интересам рабочего класса, делу марксизма-ленинизма», что являлось некоторым отступлением от яростной десталинизации 1956 г. Степанов возмущался, что в Постановлении ЦК КПСС о 40-летию Октября «о Сталине ни слова не сказано», и предлагал использовать его имя в пропаганде к юбилею. (Ср. в дневнике заведующего кафедры истории русской литературы В. Я. Кирпотина, пострадавшего в свое время в ходе кампании по борьбе с «космополитами»: «Утром смотрел по телевизору парад и демонстрацию. <...> Ни одного портрета Сталина. Как оценивать существующее. Тяжкий гнет не только физический, но и внутренний, моральный»)⁴⁰⁸.

Таким образом, письмо Степанова демонстрировало озабоченность тем, что из идеологической концепции 40-летия Октября вычеркивался Сталин и тем самым могла быть подорвана основа советского строя. Такие настроения (особенно политически опасное для Хрущёва указание на то, что ошибки Сталина — это «ошибки партии, а в первую очередь соратников...»)⁴⁰⁹ повлияли на некоторое компромиссное смягчение критики Сталина в его юбилейном докладе (см. подробнее анализ доклада Н. С. Хрущёва в § 2 главы 2).

В тоже время книге отзывов посетителей Государственного Исторического музея от 3 августа 1957 г. старая большевичка записала: «В глаза бросается скульптура Сталина, и возникает вопрос: почему нет портрета В. И. Ленина? Настоящего организатора нашей партии и Октябрьской революции». Она вспоминала, что Ленин «присутствовал» в музее при ее посещении в 1920-х гг. и надеялась на исправление этого «пробела» к 40-летию Октября⁴¹⁰.

Таким образом, видно, что происходило столкновение просталинских (в основном людей из поколения, выросшего при Сталине) и антисталинских (часто старых большевиков, отстаивавших «ленинские принципы») настроений.

40-летие Октября предлагали увековечить монументально. По аналогии с Георгиевским залом Большого Кремлевского дворца предлагалось создать зал, где будут «золотыми буквами написаны все имена героев Гражданской войны, награжденные... орденом “Красное Знамя”», а также «Зал краснознаменцев Гражданской войны» во Дворце Советов на Ленинских (ныне Воробьевых) горах, что получило

одобрение Госстроя СССР. При этом в письме присутствовало противопоставление дореволюционного 1812 г. и 1917 г.: «Рабочий класс России в 1917 году свершил Великий подвиг и, конечно, гораздо больший, чем... подвиг... в 1812 году»⁴¹¹.

В письме «участника октябрьских событий» из Москвы секретарю П. Н. Поспелову от 8 октября 1957 г. в рамках юбилейной подготовки предлагалось восстановить братскую могилу красногвардейцев у Кремлевской стены и «мемориальную доску» (на самом деле горельеф работы скульптора С. Т. Коненкова 1918 г.) с возможностью посещением их «туристами из братских стран и друзей из других стран», чтобы «возложить цветы», «оставить запись о посещении и приобрести фото этих мест»; воссоздать «первый пролетарский памятник» «Победы Октября» с текстом «1-й Советской Конституции» (т.е. Монумент первой Советской Конституции на Советской (ныне Тверской) площади, 1918–1920 гг.) с переносом памятника Юрию Долгорукому на Манежную площадь (см. о напаках на памятник Юрию Долгорукому при Хрущёве подробнее в главе 8 книги «800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы»), а также выпустить «массовым тиражом фотографии мест великих октябрьских боев... в Москве и др. памятных Октябрьской революции...»⁴¹² (См. решение МГК КПСС по части затронутых в письме вопросов в § 5 настоящей главы; вопрос стоял в повестке заседания Президиума ЦК от 25 октября 1957 г., однако не получил протокольного оформления).

Такие предложения присутствовали в контексте других посланий: о пропаганде идей коммунистического интернационализма. Например, в письмах напоминалось о необходимости пропаганды идей «революционных мыслителей», чьи имена указаны на обелиске в Александровском саду⁴¹³ в противовес превалированию в пропаганде национально-исторических основ Советского государства в сталинскую эпоху.

В письмах к 40-летию Октября были и стихи (наивные поэтические тексты). Так, Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову, которому, как к родному человеку, перед праздником Октября активно писали многие его сослуживцы по фронтам Гражданской войны, было посвящено послание в стихах из Краснодара, под названием «Президенту Советского Союза». В нем Ворошилов представлял в образе героя-богатыря:

Ты вихрем мчался на коне
И саблей пробивал дорогу —
и борца за счастье народа:
Ты командармом в октябре
Нес первую стране свободу!⁴¹⁴

Как легендарного народного героя, приглашали Ворошилова пионеры Южно-Сахалинска на свой слет, посвященный празднику Великого Октября⁴¹⁵. К Ворошилову направлялись и жалобы (например, от Киевского обкома: на выдвиженца Хрущёва, Первого секретаря ЦК КПУ А. И. Кириченко, как человека «самовлюбленного... не терпящего... неповиновения»)⁴¹⁶.

В народном сознании пантеон революционных героев был достаточно устойчив, и представители «старой гвардии» сохраняли в нем свое ведущее достойное место. Несколько раз посыла-

лись коллективные письма сослуживцев маршала С. М. Будённого с просьбой удостоить его к 40-летию Октября очередным званием Героя Советского Союза (получит в 1958 г.)⁴¹⁷. В отличие от Сталина, Хрущёв в этом революционном пантеоне своего места не занял, хотя в тот период к нему еще проявлялись любовь и уважение простых людей. Так, в сентябре — октябре 1957 г. при общественном обсуждении переименований колхозов, названных в честь ныне живущих деятелей, и кампании по искоренению памяти об участниках «антипартийной группы»⁴¹⁸ на Брянщине наблюдались настроения сожаления о ликвидации некоторых ставших привычными названий: как имени «народных героев Будённого, Ворошилова», так и «дорогого» Хрущёва⁴¹⁹.

Заслуживает внимания обширное послание от пенсионера из Москвы к 40-летию Октября. Автор писал о награждении орденами и медалями участников революции и членов Президиума ЦК — Золотыми Звездами «Серп и Молот» (Н. С. Хрущёва, Н. А. Булганина, К. Е. Ворошилова, А. И. Микояна, Е. А. Фурцева), Г. К. Жукова — званием генералиссимуса, а также предлагал учредить медаль в честь юбилея. Писал он и о больших выходных на праздник, пышных торжествах на Красной площади, на которые он очень просился быть приглашенным с женой. Письмо было послано Хрущёву с запиской от 27 сентября 1957 г. со словами: «...автор явно переборщил, однако есть... и зерна рационального»⁴²⁰. Некоторые предложения (например, составление «приветствия Верховного Совета ко всем правительствам, ко всем народам») были выполнены. 1 ноября 1957 г. провели и амнистию «в ознаменование 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» (амнистию предлагали провести и к 30-летию Октября, но власти посчитали ее проведение опасным из-за тяжелой криминальной обстановки в стране после войны).

Первоначально привлекло внимание власти письмо от 7 апреля 1957 г. на имя члена Президиума ЦК В. М. Молотова от общественно активного участника «штурма Зимнего дворца» М. К. Базеева из г. Купянска Харьковской области, который оставил воспоминания для сборника об Октябрьском вооруженном восстании. Он предлагал учредить юбилейную медаль с изображением Ленина и «штурма Зимнего», ссылаясь на пример из истории

«частично реабилитированной» в 1957 г. Февральской революции: о значке с изображением солдата Волынского полка. Показательно, что, в условиях усиления пропаганды историко-революционного значения Ленинграда, автор вносил предложение именно на Дворцовой площади (а не в Москве, на Красной площади) воздвигнуть памятник Ленину, его ближайшим соратникам «со сценами из народа» (красногвардейцы, революционные полки, матросы)⁴²¹. Как мы видим, предложение монумента было весьма демократичным, т. к. сочетало в себе вождя, соратников и народные массы, в противовес культу личности. Чувство единения старых большевиков отразилось в предложении созыва в Ленинграде «участников Октябрьского вооруженного переворота» (по ленинскому определению событий). Однако предложения Базаева так и не были выполнены: свою роль сыграли трудности в реализации памятника (Дворцовую площадь занимала Александровская колонна), однако также сказалось и то, что ознакомить коллег с письмом распорядился попавший в опалу уже в июне 1957 г. В. М. Молотов.

В «оттепель», когда провозглашалось возвращение к «ленинским истокам», голос старых большевиков зазвучал сильнее. Так, товарищ Топоровская, знавшая А. И. Микояна по работе в Одессе, жаловалась в письме ему, что подготовка к юбилею «ведется изолированно от Гражданской войны», хотя «это годы становления Советской власти на обширной территории Юга... и Востока...»⁴²². С ней провели беседу в отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС.

* * *

Интересные взгляды на содержание предъюбилейной пропагандистской работы и смысловые акценты в ней мы находим в высказываниях лекторов, пропагандистов, партработников и др., из материалов читательских конференций журнала «Агитатор», посвященных методике организации его работы в связи с подготовкой к 40-летию Великого Октября, с января по октябрь 1957 г.

В целом материалы свидетельствуют о большой заинтересованности работников пропагандистского фронта «низового» уровня укрепить идейно-политическую связь с массами в форме лекций, бесед и др.

Агитаторы спрашивали, «как проводить читку» тезисов ЦК КПСС к 40-летию Октября в условиях заводского цеха: «от начала до конца» или прочитать «какое-то место» (Челябинск); сетовали на то, что «нет ничего о практике... работы... как... вести... беседы короткие, конкретные...» (Рустави, Грузинская ССР); предлагали осветить опыт из истории («о силе слова агитатора до революции, в годы Гражданской войны...» (Рязань)) и завести рубрику «Навстречу 40-й годовщине» (Иркутск); жаловались на низкую оперативность выпуска материалов и на неполучение свежих номеров: «получили... 5 ноября... когда всю работу... провели... материал потерял актуальность» (Рига)⁴²³.

Важное место среди содержательных предложений занимали призывы к расширению «октябрьской» тематики, с обозначением «белых пятен» в ней. Люди предлагали отметить в журнале юбилей Февральской революции (Калуга) и «человеческий» аспект истории революции: рассказать о встречах с Лениным (Ленинград); о том, как «отцы и деды» «работали до революции» (Кировский завод Ленинграда); о «Великом Ленине... с советами М. И. Калинина» (Уфа); опубликовать «выступления старых большевиков» (Иркутск)⁴²⁴.

Пропагандисты требовали расширения статистической базы в журнале – «цифры и факты... надо давать обширнее» (г. Спасск-Рязанский), сетовали на то, что «дана небольшая статейка, несколько фактов, цифр, а у нас их гораздо больше» (Новосибирск) и др. Это отвечало тенденции сопоставления показателей развития в цифрах России до 1917 г. и СССР к 1957 г., а также СССР со странами капитализма. Так на настроениях пропагандистов отражался политико-идеологический фактор, связанный с экономическим соревнованием СССР и Запада в русле «догнать и перегнать».

Заметными на конференциях являлись нередко возникавшие вопросы регионального аспекта революционной истории, особенно в удаленных от центра страны местах, чему не всегда уделяли внимание. В Иркутске отмечали, что «должны дать сибиряки» материал о том, как «Февральская революция происходила в Сибири»; в Хабаровске ждали «фактические материалы о событиях в Октябрьские дни... не только в центре, но и... на Дальнем Востоке»⁴²⁵. Редакция любезно обещала осветить данную тематику с помощью местных кадров.

Находила место в предложениях на конференциях и национальная тема. Так, в Свердловске читатели предлагали «организовать выступление братских республик — как они выросли за годы Советской власти». В Башкирии просили, «чтобы журнал... осветил Башкирию 1913 года и Башкирию советскую...». В г. Рустави замечали: «О Грузии “Агитатор” еще ничего не печатал»⁴²⁶. Стремление акцентировать внимание на презентации национальных достижений представляло собой свидетельство повышения национального самосознания в «оттепель».

Таким образом, в настроениях работников пропагандистского фронта наблюдалось стремление к более широкому освещению Октябрьской революции и в большей ее связи с малой Родиной, а также с современной жизнью.

* * *

Теперь в поиске красок для палитры «юбилейных» общественных настроений обратимся к материалам совсем других конференций — зрительских, а именно по обсуждению спектаклей московских театров, поставленных к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Данные мероприятия организовывались 13 и 22 декабря 1957 г. Всероссийским театральным обществом и проходили в Центральном Доме актера. Предварительно посмотрев разные спектакли по распределенным Домом актера билетам, зрители делились на конференциях своими впечатлениями от постановок. Необходимо, конечно, учитывать относительность свободы высказываний зрителей, т. к. имел место фактор зависимости их мнений от присутствия и выступлений известных театральных деятелей, а иногда и от чтения критических статей.

Обращает на себя внимание факт, что у зрителей (будь то инженеры, музыканты, студентки, учительницы) вызывала неприятие сохранявшаяся и при Хрущёве парадная фальшь в спектаклях о колхозной жизни. В их выступлениях о спектакле «Дали неоглядные» в театре им. Моссовета звучали слова: «довольство и изобилие... жизненной правдой не назовешь. А после войны разве колхозы не разрушены», «колхозной жизни сразу не чувствуется»⁴²⁷; «очень уж тут положительный герой... должен иметь слабость лю-

бой человек... каким бы ни был положительным»⁴²⁸. По поводу постановки театра им. М. Н. Ермоловой «С новым счастьем» об освоении целины отзывались: «не показан труд героев»⁴²⁹, «никакого развития характеров нет»⁴³⁰, «неестественно»⁴³¹.

Однако тот же спектакль «Дали неоглядные» похвалили с других позиций кандидат технических наук («трудно назвать пьесу», в которой так «любим героев и ненавидим их врагов») ⁴³², а также рабочий, даже начавший разъяснять критиковавшим спектакль, что «изобилие» и «праздность» показаны в контексте дня встречи демобилизованного героя⁴³³.

У зрителей присутствовало стремление быть «в какой-то степени соучастниками событий»⁴³⁴, но часто оно не находило отклика со сцены.

На волне ленинизации в обществе сталкивались различные мнения, каким представлять образ Ленина. Так, на зрительской конференции по обсуждению спектаклей московских театров, поставленных к юбилею революции, шли дискуссии по поводу образа «вождя мирового пролетариата» в спектакле «Вечный источник» (Малый театр). Одни зрители, как пенсионерка-учительница, видели на сцене приятно-ожидаемое, восхищаясь скромностью Ильича и тем, как ему «близки интересы народа», желали «распространять» такой образ по театрам страны⁴³⁵. Другие же зрители требовали отражать образ вождя «реалистично», указывая (на основе прочитанных мемуаров) на то, что Ленин ходил на охоту не один, а в сопровождении шофера Гиля, и то, что «не духе Владимира Ильича» схватить сажень и самому измерять землю⁴³⁶. Критиковали постановку и за отсутствие в ней «положительных простых героев» — тех, кто смог бы «вести за собой отсталые крестьянские массы», и, наоборот, излишний показ тех, кто «к 30-м годам стал оппозиционерами и предателями»⁴³⁷.

Присутствовало среди зрительских откликов и одинокое недоумение пенсионерки отсутствием Сталина «в наших пьесах». Она напоминала всем, от кого зависело появление его образа, о том, «какую колоссальную энергию затратил Иосиф Виссарионович» в «большую работу», в «строительство социализма»⁴³⁸. Пенсионерка завершила свое выступление словами: «Будем считать, что они [по контексту — драматурги. — А. М.] не успели это [дать Сталина. — А. М.] сделать, и будем надеяться, что сделают к следующей юбилейной дате»⁴³⁹. Заметим, что некоторые просталински

настроенные люди в контексте проводящейся десталинизации могли сами себе не признаваться в утверждении новой реальности и даже в 1957 г. (!) продолжали убеждать самих себя, что «умолчание» о Сталине — случайный фактор.

Как мы видим, театральный зритель периода «оттепели» сочетал в себе заостренное взыскание к «правде жизни» в настоящем и прошлом и в то же время трепетное, наивно-идеалистическое отношение к образу Ленина.

Особо выделим опасную своей националистической перспективой «зрительскую» тенденцию, обозначенную при обсуждении итогов Всесоюзного фестиваля театров к 40-летию Великого Октября, — замкнутость зрителей национальных театров в национальном репертуаре (например, о Казанском театре: «зритель не желает видеть ничего, где не показывается быт своего народа», зрители не посещают того же «Короля Лира», и театр, идя на поводу у зрителя, «даже Островского не ставит»⁴⁴⁰).

* * *

Крайне любопытную грань общественных настроений показывают индивидуальные отзывы посетителей выставки в «Манеже», посвященной юбилею (см. подробнее о содержании выставки в § 3 главы 2).

Надо отметить, что за четыре с лишним месяца эту выставку посетили свыше 1 млн человек⁴⁴¹. Такой посещаемости не знала ни одна из прежних выставок. Уже этот факт свидетельствует о большом стремлении граждан соприкоснуться с новыми произведениями искусства, что особо проявилось в «оттепель».

Бросается в глаза множество отзывов, говорящих о неприятии значительной частью интеллигенции, студенчеством произведений того, о чем руководство культурой «отчитывались» выставкой, — официального искусства социалистического реализма: «в основном серо», об изображении Маркса — «дубово», «Ленин совсем не типичен и даже плох», «лицо похоже на лицо старого еврея» и др.⁴⁴² Мэтров советского искусства, относившихся к сталинским любимцам (А. М. Герасимова, который был вынужден под давлением власти и художественной общественности в 1957 г.

покинуть пост Президента Академии художеств СССР; Д. А. Налбандяна) ругали как «малоталанливых» «приспособленцев»⁴⁴³. Огромную картину Б. В. Иогансона (заменившего Герасимова на посту Президента Академии художеств СССР) «Социалистическая революция свершилась» требовали снять с экспозиции (сняли 28 января 1958 г.)⁴⁴⁴. Историк С. С. Дмитриев в дневниковой записи от 20 ноября 1957 г. «припечатал» выставку в целом: «будто ее создали по принципу: “Пусть хуже, лишь бы больше”»⁴⁴⁵.

Ярким примером критического отношения к искусству соцреализма со стороны молодежи эпохи «оттепели» можно считать отзыв студентки 4-го курса МГУ: «Превалируют лакированные картины о прекрасной “колхозной жизни”. Ха! Рабочие темы с такими здоровенными рабочими... слишком мало жизни. Художники не изображают драматических явлений из жизни, они их не видели... им “не хватает смелости” В. Д. Дудинцева, автора романа “Не хлебом единым”, подвергшегося травле со стороны власти»⁴⁴⁶.

Следует все же заметить, что и у самих мэтров прорывалось неприятие фальши, которое так или иначе, несмотря на участвовавшую критику с партийных трибун, на самом деле «продавливали» многие представители власти. Так, при отборе картин на данную выставку Б. В. Иогансон восклицал по поводу картины «Первые всходы» из Коми АССР, что тракторист «стоит на тракторе, как будто сейчас будет говорить речь. С моей точки зрения, пафосно, не правдиво»⁴⁴⁷.

Люди старшего поколения, выросшие в сталинский период, одобряли картины «официальных» художников.

Некоторые посетители были возмущены отсутствием на огромной выставке произведений о Сталине. Так, преподаватель Текстильного института из г. Иванова считал это «неправильным» («Особенно непростительно союзу художников Грузии за эту ошибку»). В другом отзыве говорилось: «Неужели о Сталине нет ни одного произведения? Неужели он не заслужил того, чтобы быть отмеченным хотя бы “дрянным” художником вроде Сарьяна?»⁴⁴⁸

Многим посетителям нравились работы революционно-романтической тематики, в т. ч. «Декабристы» и др. Эмоциональность критики работ, изображавших Ленина, революцию и исторические события первых советских лет, говорит о том, что многим посетителям выставки они были очень дороги. Их хотели видеть изображенными правдиво, с мелкими подробностями, как это было

характерно для 1920-х гг. Посетители отмечали неточности на картинах: как реальные (на картине Кровавого воскресенья 1905 г. есть памятник Александру III, а он появился только в 1909 г.), так и, скорее всего, мнимые (на картине «В. И. Ленин у карты ГОЭЛРО» некоторые делегаты съезда Советов (1920) казались неверно изображенными, т. к. они были показаны в головных уборах (в папах), находясь в помещении Большого театра)⁴⁴⁹.

В отзывах, восхищаясь Марксом и Энгельсом, некоторые «сожалели», что «в первой социалистической стране, в столице Москве» нет им памятника, «который должен был быть поставлен, где памятник Долгорукому»⁴⁵⁰. Революционный идеал «оттепели» вступал в конфликт с государственным идеалом сталинского периода. И такие настроения были далеко не единичны. Так, в рамках общественного обсуждения новых наименований городов, улиц и пр. люди (особенно члены партии) предлагали переименовать населенные пункты, названные «в честь бывших купцов, помещиков, князей и других эксплуататоров»⁴⁵¹. Тем самым они стремились окончательно разорвать с памятью о дореволюционном прошлом.

Важной чертой отзывов являлось одобрение работ, не связанных с политико-идеологической тематикой (особенно художника А. И. Лактионова) В сотнях положительных отзывах о картинах Лактионова люди отмечали то, что его «любит вся советская молодежь», и недоумевали, почему его не выдвигают на Ленинскую премию и т. д.⁴⁵²

Итак, отзывы посетителей Всесоюзной художественной выставки в честь 40-летия Великого Октября проявили широкую палитру настроений, но лейтмотивом было стремление к обновлению советского искусства, правдивому изображению им жизни вместо приукрашивания действительности соцреализмом. При всей остроте критики у людей в основном сохранялась вера в советские идеалы в их романтическом художественном воплощении.

* * *

Антисоветские проявления в общественных настроениях в дни празднования юбилея содержатся в донесениях МВД Хрущёву от 6 и 10 ноября 1957 г. («О проведении праздничных дней 7 и 8 но-

ября 1957 г.». Так, указано на особо дерзкие повторяющиеся антисоветские преступные действия в Прибалтике. 4 ноября в г. Тарту (Эстонская ССР) группа молодежи до 100 человек «вызывающе себя вела... на Октябрьском бульваре», а один из них «на немецком языке призывал к расправе с работниками милиции»; 6 ноября в 22 ч. группа моряков в колхозном клубе Клайпедского района Латвийской ССР учинила «избиение... членов президиума... Октябрьского заседания», «оказывала физическое сопротивление милиции». Традиционно накануне 7 ноября усиливалась антисоветская пропаганда. Ее примеры: 3 тыс. листовок и экземпляров газеты «Посев» (Народно-Трудовой Союз), «разбросанных с воздушного шара» в Калининской области; в Ленинграде — 33 рукописные листовки. Особенно такие проявления отмечались в Латвии, причем были и листовки к «товарищам солдатам» у воинских частей: «Пусть Латвия будет свободной... прогоним... русских и их правительство, смерть русским оккупантам. Воля латышским людям»⁴⁵³. Привычными для Прибалтики были и срывы праздничных красных флагов.

Вышеуказанные случаи свидетельствуют о фактически непрекращающейся активизации антисоветских сил, особенно в Прибалтике и других прибрежных к Западу регионах, в условиях смягчения политического режима в «оттепель». Однако единичные антисоветские проявления не оказывали серьезного воздействия на общую праздничную атмосферу в дни юбилейных торжеств.

* * *

Ярким образцом настороженности и недовольства ходом «оттепели» со стороны интеллигенции выразил в своем дневнике историк С. С. Дмитриев о Юбилейной сессии Верховного Совета СССР от 6 ноября. Мимо его пристального взора и слуха не прошло не только, что «все ораторы клялись и божились Лениным через два слова», но и то, что «Хрущёв, исправляя свои собственные «ошибки» и «подлаживаясь к Мао-Цзе-Дуну» (последний на Дмитриева «произвел впечатление крупного деятеля и человека чувства большого внутреннего достоинства», объявил Сталина «преданным марксистом-ленинистом и стойким революционером» и заявил, что «наша партия и советский народ будут помнить Сталина и воздавать ему должное». В конце записи Дмитриева после констатации факта: «Ни один человек не решился сказать прямо, чего достигли мы за сорок лет и чего мы не достигли за те же сорок лет. Удручило «заявление Хрущёва о том, что социалистическое государство отомрет только на самой высшей стадии коммунизма»: «Когда же она будет? Да практически (для живущих людей, их внуков и правнуков, не говоря уже об уходящих в прошлое более старых поколений) никогда. Или может быть, в конце XXI или в XXII веке. А это, ведь, всё равно, что никогда»⁴⁵⁴.

* * *

Таким образом, различные изменения в общественных настроениях по поводу 40-летия Великого Октября происходили под влиянием процессов в политической и идеологической сферах в стране после XX съезда. Десталинизация в обществе вызвала какодоборение в связи с возвращением к «ленинским истокам» (особый пиетет к «живому» образу Ильича), так и неприятие, связанное с замалчиванием исторической роли И. В. Сталина. Важными изменениями в общественных настроениях под влиянием фактора демократизации общественно-политической и культурной жизни

в эпоху «оттепели» стали заметный интерес к теме народных масс в революции, а также к региональному и национальному аспектам в истории Октября и Гражданской войны.

В общественных настроениях присутствовала новая тенденция к расширению рамок освещения, правдивому показу прошлого и настоящего страны в разных формах: от пропагандистских материалов до произведений искусства (спектаклей, картин) соцреализма. Заметной тенденцией была активизация старых большевиков, которые, в отличие от периода празднования 30-летия Октября, становятся основными авторами предложений по проведению юбилея и его увековечиванию. В то же время общественное внимание в большей степени было переключено не на историю Октября, а на современные политические и культурные процессы.

§ 5. Проблемы увековечивания памяти 40-летия Великого Октября

О монументальной мемориализации Октябрьской революции в руководстве задумались еще в начале подготовки к юбилею. Редакция Постановления «О подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» от 19 февраля содержала положение о монументах в Москве и Ленинграде⁴⁵⁵. Однако на заседании Президиума ЦК Хрущёв, выступая в роли экономного рационализатора, заявил: говорить «о монументах — не надо», а лучше сосредоточиться на менее затратных формах («книжки выпустить — отразить достижения»)⁴⁵⁶, и пункт о монументах был убран из Постановления.

В то же время незадолго до этого стартовал проект масштабного монументального увековечивания памяти Ленина, к образу которого активно апеллировали после XX съезда. 28 декабря 1956 г. Совет Министров СССР принял постановление о сооружении памятника В. И. Ленину на бровке Ленинских гор. (В мае 1957 г. ЦК КПСС принял решение о переносе Дворца Советов на Ленинские горы.) Монумент Ленину мыслился «простым и величественным»⁴⁵⁷. Был проведен Всесоюзный конкурс (1957–1958) с подачей работ авторами до 1 августа 1957 г. и выставка проектов в «Манеже». Документы фонда Союза архитекторов СССР (ф. 674) в РГАЛИ показывают, что проекты монумента активно рассматривались в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

Однако памятник так и не появился. Это было связано не только со сложностями экономического плана. В период «оттепели» в художественных кругах шли споры по поводу образа Ленина: он должен быть «вождь» или «человек» (см. подробнее § 3 главы 2)? Власти желали отойти от излишней помпезности, но в то же время опасались, что образ «простого» Ильича принизит Ленина как вождя революции и основателя государства.

Значимым актом ленинской мемориализации стала торжественная передача к 40-летию Великого Октября СССР от правительства Финляндии паровоза Н2-293, на котором Владимир Ильич приехал в начале октября 1917 г. из Финляндии в Петроград. Этого желал, среди прочих, писавший в ЦК КПСС главный редактор газеты «Гудок»⁴⁵⁸. Паровоз до середины ноября 1957 г. демонстрировался в Ленинграде, в сквере на углу Нейшлотского переулка и Лесного проспекта. Впоследствии он обретет свое пристанище на Финляндском вокзале «колыбели революции».

5 ноября 1957 г. в г. Горьком на улице Свердлова (с 1991 г. — вновь Большая Покровская в г. Нижний Новгород) был открыт памятник легендарному ленинскому соратнику Я. М. Свердлову (скульпторы П. И. Гусев и Н. М. Чугурин; архитектор В. Н. Рымаренко). На скорейшей установке монумента к празднику (его планировали поставить еще в 1920 г., но только в 1955 г. объявили конкурс) настаивала вдова революционера К. Т. Свердлова, автор книги о муже (1957) в серии «Жизнь замечательных людей», обращавшаяся в ЦК КПСС. С ее предложением согласились секретари ЦК П. Пospelов, О. Куусинен, А. Аристов. По московскому запросу Горьковский обком КПСС сообщил: «заканчиваются работы по изготовлению памятника Я. М. Свердлову, который будет установлен к 40-летию Октября»⁴⁵⁹.

В «оттепель» было характерно прославление в бронзе и камне «ленинской гвардии» в противовес приоритетно увековечиваемому в прошлые времена и «разоблаченному» на XX съезде Сталину. (Свердлов умер задолго до «большого террора» своей смертью в 1919 г.) На памятнике он изображен юношей, каким его видели рабочие нижегородского марксистского кружка. Державный монументализм памятников сталинского периода сменили революционно-романтические образы из первых советских лет.

Накануне юбилея, 6 ноября 1957 г., произошло важное символическое, связанное с местами памяти событие. В Ленинграде, «колыбели революции», сталевар знаменитого революционными традициями Кировского завода Н. Жуковский от факела, зажженного в мартеновской печи № 1, торжественно воспламенил на Марсовом поле возле монумента «Борцам революции» (1918–1919) первый в СССР Вечный огонь. От него в последующие годы были зажжены несколько Вечных огней в память о погибших в Великой Отечественной войне: на Пискаревском кладбище в Ленинграде, у Кремлевской стены в Москве, на Малаховом кургане в Севастополе, на Мамаевом кургане в Волгограде. Так линия памяти о героях Великого Октября продолжилась в памяти о героях войны. Военный подвиг народа идеологически преподносился вытекающим из революционного подвига.

К 40-летию Октября осуществлялось монументальное увековечивание памяти в малых формах. Проанализируем московский «Перечень объектов, на которых предполагаются бронзовые горельефы» (утвержден 12 октября 1957 г. бюро Московского горкома

во главе с 1-м секретарем Е. А. Фурцевой). В нем нет ни одного объекта, связанного со Сталиным, что было обусловлено массовой десталинизацией в 1957 г. Увековечивались места боев Красной гвардии с юнкерами в ноябре 1917 г. (у Никитских ворот, на Пречистенке и др.), здания расположения революционных штабов «восставших рабочих» (Военно-революционных комитетов в районах) и редакций газет большевиков («Социал-демократ», «Деревенская правда» и др.)⁴⁶⁰ и др. событий Октябрьской революции по адресам: Леонтьевский пер., 19; Тверская пл., 2/6; Новая пл., 3/4; Зубовская ул., 7; ул. Нижняя Масловка, 49; 8-я Сокольническая ул., 31; ст. «Москва-Каланчевская»; Красная пл., 1/2⁴⁶¹. Таким образом, в противовес культу личности, увековечивание памяти приобретало народно-революционную направленность, подчеркивающую ведущую роли народных масс в историческом процессе. (См. письмо-обращение участника «октябрьских боев» 1917 г. в Москве в § 4 настоящей главы).

В юбилейный год продолжили и мемориализацию ленинских мест в Москве по адресам: Мерзляковский пер., 15; ул. Остоженка, 16; Моховая ул., 14/1; Таганская ул., 15а; шоссе Энтузиастов, 4; Малая Пироговская ул., 1; Спартаковская пл., 9/1а; ул. Большая Лубянка, 13; Малый Харитоньевский пер., 4; ул. Воздвиженка, 6/2; Ткацкая ул., 25⁴⁶².

МГК КПСС также распорядился «привести в порядок надгробия участников Октябрьского вооруженного восстания».

Предполагалось Постановлением бюро МГК даже попросить ЦК КПСС установить на Кремлевской стене, со стороны Красной площади, «горельеф в память героев, отдавших жизнь за победу Великой Октябрьской социалистической революции»⁴⁶³ (возможно, имелось ввиду восстановить работу С. Т. Конёнкова, находившуюся на Сенатской башне в 1918–1948 гг. и демонтированную за ветхостью). Однако это так и не было осуществлено в свете решения более актуальных задач конца 1950-х гг.

40-летие Октября не было увековечено непосредственно в архитектурной форме: к нему только приурочили открытие некоторых знаковых объектов. Наиболее важными из них стала заработавшая на полную мощность Куйбышевская ГЭС и спущенный на воду атомный ледокол «Ленин» — первое в мире надводное судно с ядерной силовой установкой. Можно вспомнить и Новорбатский мост в Москве (инженер М. С. Руденко; архитекторы К. Н. Яковлев, А. И. Сусоров) — лаконичное по оформлению сооружение, что было связано с приоритетом финансирования социально-экономических мероприятий.

Не выпустили и наградной медали. К юбилею «колыбели революции» была выпущена наградная медаль «В память 250-летия Ленинграда» (художник Н. А. Соколов) с тематикой 1917 г. (учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР

от 16 мая 1957 г.). На медали изображены памятник В. И. Ленину у Финляндского вокзала, на который он прибыл в апреле 1917 г., и здание Смольного — революционного штаба большевиков в октябре 1917 г.

Непосредственно в честь 40-летия Октября были названы десятки улиц (особенно в РСФСР и УССР): больше, чем в честь 30-летия революции. По решению Мосгорисполкома от 13 декабря 1957 г. Большая Калужская улица и Киевское шоссе на активно развивающемся Юго-Западе столицы после реконструкции были названы Ленинским проспектом⁴⁶⁴, что было важным топонимическим событием в свете усиления в «оттепель» ленинского культа.

В преддверии юбилея, в сентябре — октябре 1957 г., активно проходила кампания по переименованию городов, районов, колхозов и т. д. согласно Постановлению ЦК КПСС и Указу Президиума Верховного Совета СССР⁴⁶⁵. По отчетам в ЦК, в РСФСР уже на 8 сентября 1957 г. из 4633 названий различных объектов, подпадающих под действия вышеозначенных Постановления и Указа, были переименованы 1616, в т. ч. из 1109 названий улицы площадей — 397, из 107 предприятий — 20 и т. д.; в частности, в Брянской области, например, из 979 колхозов пришлось переименовать 59 и т. д.⁴⁶⁶ Данная кампания мотивировалась необходимостью ликвидировать «последствия» культа личности (был введен запрет на названия в честь живых политических деятелей), а также стремлением искоренить память об участниках разгромленной на июньском Пленуме «антипартийной группы»: Молотове, Маленкове и Кагановиче. Критерии изменения названий проходили через, хотя и контролируемое «сверху», но все же общественное обсуждение (см. подробнее о настроениях, выражаемых в ходе обсуждения названий в § 4 главы 2). Так, по просьбам трудящихся Сталинский район Ленинграда переименовали в Выборгский⁴⁶⁷. Не щадили, однако, и названия в честь «не опальных» живых деятелей: так, город Будённовск в Ставропольском крае стал, как в 1920-е гг., Прикумском.

Новые названия (например, улиц колхозов) либо носили политико-идеологическую окраску (например, «Им. XX съезда»), юбилейную (например, в Свердловске ул. Молотова стала ул. 40-летия Октября), патриотическую («Родина»), либо были нейтральными («Рассвет», «Волгарь» и др.⁴⁶⁸).

* * *

40-летие Великого Октября не было отмечено масштабными проектами библиографического увековечивания памяти. В ранних редакциях Постановления о юбилее планировали выпуск пятитомной «Истории Гражданской войны в СССР»⁴⁶⁹, однако в последней редакции от этого отказались, т. к. не успевали его завершить. С 1930-х гг., из-за пересмотров исторической концепции по политическим причинам (часто из-за репрессий многих деятелей периода Гражданской войны), работа над изданием шла очень медленно. Постоянно изменялся состав авторской группы.

Юбилей был увековечен региональными изданиями (см. подробнее о данной литературе в § 3 настоящей главы). Ленинград выпустил совместно с Москвой (с издательством «Большая Советская Энциклопедия») «в ознаменование 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и 250-летия города Ленина» энциклопедический справочник⁴⁷⁰, в котором события доводились до юбилея города. Отсутствие больших изданий к 40-летию Октября было связано во многом со сложностями быстро и идеологически переформатировать из-за отказа от пропаганды культа личности.

* * *

В сувенирах к 40-летию Октября (от значков и марок до подстаканников) актуализировали аспекты юбилейной пропаганды. Так, на марках изображались Ленин, сцены Октября 1917 г., достижения СССР (например, сравнение условий труда в промышленности и сельском хозяйстве в 1917 г. и 1957 г.), а также дружба народов.

Изготавливались традиционно и подарки для руководства страны. Так, от московских фабрик и заводов Президиум ЦК получил их самые разнообразные: от готовальни в Палехской коробке до модели грузового автомобиля «ЗИЛ-130», от магнитофона-проигрывателя «Яуза» с альбомом грампластинок до барельефа выступления В. И. Ленина на заводе «Динамо»⁴⁷¹. Все они были затем переданы, с согласия ЦК КПСС, в Государственный музей революции СССР⁴⁷².

* * *

Таким образом, увековечивание памяти о 40-летию Великого Октября прошло в достаточно скромных масштабах. Архитектурная, наградная и библиографическая форма не получили своего воплощения. Трудности в ходе данного процесса были различного плана:

- проблемы финансирования, связанные с приоритетом для Партии и Правительства решения задач экономического соревнования с США, социальных проектов и, как следствие, экономия на «излишествах» (не только в архитектуре!);
- проблемы в формировании образов и содержания текстов, вызванные политико-идеологическими трансформациями после XX съезда.

На выбор ведущих тем увековечивания памяти повлияли изменения идеологических акцентов в сторону усиления пропаганды ленинского культа и роли народных масс в связи с десталинизацией и борьбой с культом личности. Особо следует отметить масштабную кампанию к 40-летию Октября по топонимическому изъятию названий, касавшихся, прежде всего, имени Сталина и поверженных на июньском Пленуме членов «антипартийной группы».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы взглянули на два периода — позднесталинский и хрущёвский — через зеркало (а возможно, даже и увеличительное стекло!) празднований 30-ти и 40-летнего юбилеев Великой Октябрьской социалистической революции. Настало время подвести итоги и сделать выводы в нашем исследовании.

* * *

Празднование 30-летия Великого Октября, как рубежа существования Советской власти, в общественно-политической жизни СССР являлось средством консолидации общества вокруг власти и его мобилизации в период форсированного восстановления и развития народного хозяйства, укрепления страны в условиях все сильнее нарастающего противостояния в холодной войне с капиталистическим Западом. Данная консолидация общества осуществлялась вокруг вождя и «отца народов» — И. В. Сталина, культ которого достигнет своего апогея при праздновании его 70-летия в 1949 г., а также вокруг идей советского патриотизма. Однако делу более широкой консолидации как советского общества внутри страны, так и антиимпериалистических сил мира в целом отвечало проведенное в сентябре 1947 г. празднование 800-летия Москвы. Октябрьский юбилей, при трансформации идеологии с середины 1930-х гг. из революционно-интернационалистской в державно-патриотическую сторону, испытывал такое же изменение своего нарратива, однако, все же объективно имевший для празднования революционный повод, уже не вполне отвечал новому идеологическому приоритету.

С началом хрущёвского периода место Октябрьского юбилея в общественно-политической жизни СССР обуславливалось изменениями исторического контекста под ведущим влиянием суперфактора десталинизации, особенно активной с XX съезда КПСС. Власти было необходимо не только легитимировать политику десталинизации внутри страны (борясь против как сталинизма, так и антисоветизма на основе антисталинизма), но и отразить попытки пропаганды со стороны Запада на основе критики Сталина делигитимизировать весь советский проект (имело место,

в частности, в польских и венгерских событиях), а также попытаться самой «поставить на место» несогласных с десталинизацией в социалистическом лагере (позиция Китая, Албании).

В отсутствие масштабных мобилизационных задач, стоявших перед страной в 1930–40-е гг. (индустриализация, победа в войне, послевоенное восстановление хозяйства), юбилейное содержание подчинялось многим факторам внутривнутриполитической конъюнктуры:

- внутриэлитной борьбе («антипартийная группа» против Хрущёва и его победа на июньском Пленуме ЦК КПСС в 1957 г., низвержение маршала Г. К. Жукова на октябрьском Пленуме в 1957 г.);
- некоторым изменениям в региональной и национальной политике в сторону расширения полномочий местного партаппарата, восстановления ряда автономий депортированных при Сталине народов;
- экономическим реорганизациям (введение совнархозов после февральского Пленума 1957 г.);
- экономическим кампаниям («Догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения!»);
- наличию огромных достижений СССР в освоении космоса (запуск двух искусственных спутников Земли к 7 ноября 1957 г.).

Геополитическую обстановку вокруг празднования 40-летия Великого Октября определяла динамика холодной войны. Она влияла на приоритеты в юбилейной пропаганде. В данный период в СССР господствовали идеи «мирного сосуществования» с капитализмом, в условиях временного, очень условного, потепления отношений с Западом.

40-летие Великого Октября, широкомасштабно отмеченное во времена Хрущёва как праздник мирового коммунистического движения, знаменовало собой попытку через актуализацию в коммеморативных практиках революционного нарратива всеми средствами (что было особенно заметно в области искусства) вдохнуть новую жизнь в праздник. В хрущёвский период происходил отход и отказ власти от сложившейся сталинской модели празднования юбилеев, совмещавшей в своем

содержании, с одной стороны, коммунистические, а с другой стороны — советско-имперские и державно-патриотические идеологии, образы, символы. Культ личности Сталина, образ которого был связан с образами Родины, народа («отец народов») и Великой Победы, фактически заменялся идеализированными образами (фактически культами) «добротного», «человечного» Ленина и Партии, руководствующейся «ленинскими принципами» (при некотором смягчении критики Сталина к 40-летию Октября по сравнению с XX съездом). Линия возвышения образа «вечно живого» Ленина получит яркое продолжение в праздновании 90-летия со дня его рождения (1960) и достигнет апогея с чертами явной избыточности в год его 100-летия (1970). Попытки легитимации власти посредством создания культов Хрущёва в последние годы его правления (особенно к 70-летию 1964 г.) и еще более активное культовое творчество при Л. И. Брежневe окажутся провальными, не принятыми в советском обществе, во многом ввиду явного несоответствия масштаба данных фигур вождям целям создания культа при осуждении культа личности как такового. Важно отметить, что при наличии в обществе как просталинских настроений, осуждавших десталинизацию, так и настроений, желавших углубить десталинизацию (посыл «А куда смотрела при Сталине сама Партия? К ответу ее!»), незапятнанность образа Ленина будет идеологически сберегать и удерживать в равновесии советскую систему (репрессивная же ее опора была ослаблена уже после смерти Сталина) вплоть до последних лет перестройки.

Итак, при Хрущёве произошел демонтаж культа Сталина, культа вождя, фактически построившего советскую цивилизацию, культа, являвшегося объективно важным политико-идеологическим столпом советской системы, заменявшим фактически запрещенную религиозную веру и восполнявшим непонимание массами сложности марксистско-ленинского учения. Демонтаж культа вождя не сумеет восстановить весьма робкая, непоследовательная и частичная ресталинизация брежневского периода (в основном восстановившая образ «мудрого Сталина» как Верховного Главнокомандующего в годы Великой Отечественной войны). Таким образом, десталинизация станет одной из главных политико-идеологических «мин замедленного действия» для советской государственности.

* * *

Признаем, что сталинский державно-патриотический нарратив в идеологии и в модели коммеморативных мероприятий, отразившийся в праздновании 30-летия Великого Октября (а в еще большей степени — 800-летия Москвы в сентябре 1947 г.), в целом объективно гармонизировал как с реалиями государственного диктата в рамках проводимого властью курса на строительство социализма в отдельно взятой стране, так и с народными представлениями о необходимости сильной власти, обеспечивающей величие Родины.

Присутствие в пропаганде хрущёвского времени романтизированного революционного идеала, дававшего надежды на демократизацию системы, зримо расходилось с реальностью сохранявшегося диктата государственной машины — всевластия, в т. ч. в организационном процессе подготовки юбилейных торжеств, партноменклатуры (аппарата ЦК и местных партийных комитетов). Партократия была ослаблена, несмотря на сопротивление «ленинградской группы», в позднесталинский период, и при этом возросла роль госаппарата (аппарата Совета Министров СССР и министерств), но затем партноменклатура была основательно усилена Хрущёвым. Такая дисгармония между риторикой и реальностью приводила рано или поздно к разочарованию (особенно со стороны интеллигенции) Партией, а значит Советским государством.

Снижение присутствовавшего с середины 1930-х гг. государственно-патриотического юбилейного содержания и, следуя логике, «наперекор временам культа личности», «наперекор сталинизму», усиление революционно-интернационалистского компонента в понимании исторической роли Октября в хрущёвский период должно было увязываться с идеей мировой революции. Потенциальные же возможности ее осуществления в 1950-е гг., несмотря на национально-освободительное движение в мире, были явно ниже, чем в первые годы Советской власти, когда образ этой власти, а значит и СССР, еще не был запятнан в результате саморазоблачения сталинизма на XX съезде КПСС. К тому же

фактическим приоритетом в политике Хрущёв провозгласил экономическое соревнование с капитализмом. Таким образом, СССР явно признавал себя находящимся на позиции догоняющего США в потребительско-материальном измерении, что ставило под сомнение мессианскую в своей сущности идею безальтернативности для человечества советского коммунистического проекта.

За проблемами в поиске смыслов и образов при формировании идейного содержания юбилеев Великого Октября и в процессе увековечивания памяти Октябрьских годовщин стояла следующая реальность: духовно-антропологические искания первых лет воплощения в жизнь советского исторического проекта и, прежде всего, ответ на вопрос: «Что дал Великий Октябрь для создания нового человека?» были отодвинуты из-за достижения государственно-прагматических целей на задний план еще при Сталине, а при Хрущёве они не получили своего возобновления и дальнейшей серьезной разработки, даже несмотря на провозглашение на XXII съезде КПСС (1961) курса на строительство коммунизма.

* * *

Завершая эту книгу, автор выражает надежду на то, что читателям удалось увидеть через зеркала празднований двух юбилеев Великого Октября не только изменения в «политике памяти» по поводу Октябрьской революции, но и тот политико-идеологический перелом (и даже разлом!), который произошел на пути от сталинского к постсталинскому периоду советской истории.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга, которую Вы сейчас прочитали, только приоткрывает нам те политико-идеологические трансформации, происходившие при фактическом лихорадочном демонтаже сталинской системы (а не просто при осуждении культа личности и негативных черт сталинизма!) в хрущёвский период. Более подробно показать то:

- как действовали по принципу «правильно то, что противоположно сталинскому наследию, — значит, берем это»;
- какие еще удары по сталинской системе были произведены при Н. С. Хрущёве (под чьим влиянием на мало понимающего в идеологии Первого секретаря — вопрос особый: здесь следует присмотреться к фигурам не раз упомянутым в настоящей книге тех же антисталинистов О. В. Куусинена, П. Н. Поспелова, целого ряда руководителей и работников аппарата ЦК);
- и в результате — какие еще «мины замедленного действия», не обезвреженные затем в брежневское время и взорвавшиеся в перестройку, оказались заложены при Хрущёве под оформившуюся при Сталине Советскую империю — автор надеется в следующей книге.

В ней читателю будет предложено посмотреть на данную проблему также через зеркала празднований двух исторических юбилеев — 300-летия воссоединения Украины с Россией (1954), что был в начале хрущёвского периода, и 150-летия Отечественной войны 1812 г. (1962) — в его конце.

Это будет уже другая книга, но *совсем не другая* история...
До встречи!

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

**Руководители делегаций социалистических стран
на юбилейной сессии Верховного Совета СССР
6 ноября 1957 г.⁴⁷³**

Страна	Должность руководителя делегации	Руководитель делегации
Китайская Народная Республика (КНР)	Председатель ЦК Коммунистической партии Китая и Председатель КНР	Мао Цзэдун
Народная Социалистическая Республика Албания	Первый секретарь ЦК Албанской партии труда	Э. Ходжа
Народная Республика Болгария	Первый секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии	Т. Живков
Венгерская Народная Республика	Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии и председатель Венгерского Революционного Рабоче-Крестьянского правительства	Я. Кадар
Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ)	Председатель ЦК Партии трудящихся и президент ДРВ	Хо Ши Мин
Германская Демократическая Республика	Первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии	В. Ульбрихт

Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР)	Председатель ЦК Трудовой партии Кореи и Председатель Кабинета министров Республики	Ким Ир Сен
Монгольская Народная Республика	Первый секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии	Д. Дамба
Польская Народная Республика	Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии	В. Гомулка
Румынская Народная Республика	Член Политбюро ЦК Румынской рабочей партии, председатель Совета министров Румынской Народной Республики	К. Стойка
Чехословацкая Народно-Демократическая Республика	Первый секретарь ЦК Компартии Чехословакии	А. Навотный
Социалистическая Федеративная Республика Югославия	Член Исполкома ЦК Союза коммунистов Югославии, заместитель председателя Союзного Исполнительного веча Югославии	Э. Кардель

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Количественные показатели произведений живописи на революционную тематику на Всесоюзной художественной выставке, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции в Центральном выставочном зале «Манеж»⁴⁷⁴

Республика / регион СССР	Количество произведений живописи (в шт.)	Количество произведений живописи на революционную тематику (в шт.)	Доля произведений живописи на революционную тематику от общего количества произведений живописи (в %)
РСФСР (без Москвы и Ленинграда)	158	5	3
Москва	294	22	7
Ленинград	99	13	13
Украинская ССР	103	14	13
Белорусская ССР	78	5	6
Грузинская ССР	83	3	4
Армянская ССР	88	2	2
Азербайджанская ССР	46	—	—
Эстонская ССР	37	1	3
Латвийская ССР	48	5	10
Литовская ССР	31	2	6
Казахская ССР	18	1	5
Узбекская ССР	36	1	3
Киргизская ССР	81	—	—
Таджикская ССР	8	—	—
Молдавская ССР	25	3	12
Туркменская ССР	24	2	8

ПРИМЕЧАНИЯ

От автора

- ¹ Махнырёв А. Л. 800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы. — М., 2017.
- ² См.: Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 12 декабря 1958 г. № 1361 «О наведении порядка в праздновании юбилеев» // Собрание законов и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–1961). — М., 1962. С. 218–219.
- ³ См.: Традиция отмечать // Историк. 2019. № 2. С. 13–19.

Введение

- ⁴ Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. — М., 2010.
- ⁵ Тихонов В. В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112.
- ⁶ Никонова О. Ю. Первый послевоенный юбилей Октябрьской революции в Центральной и Восточной Европе // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 743–757; Стыкалин А. С. Последний визит Мао [Электронный ресурс]. — URL: <http://urokiistorii.ru/article/54448> (дата обращения: 27.10.2018).
- ⁷ Герizon М. М. Закат Сталина и Оттепель: управление культурой в СССР в 1950-х—начале 1960-х гг. Очерки. — М., 2018.
- ⁸ См.: Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. — Bloomington: Indiana University Press, 2000; Рольф М. Советские массовые праздники. — М., 2009.
- ⁹ См.: Рольф М. Указ соч.

Глава первая
Зеркало первое

Празднование 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции

§ 1. Влияние политических факторов на организационный процесс подготовки историко-юбилейных мероприятий

- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 583. Л. 1–2.
- ¹¹ Махнырёв А. Л. 800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы. — М., 2017. — С. 29–30.

- ¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 503. Л. 131.
¹³ Там же. Л. 124.
¹⁴ Там же. Л. 132.
¹⁵ Там же. Л. 124.
¹⁶ См.: *Махнырёв А. Л.* 800-летие Москвы... С. 172–174.
¹⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 108. Л. 63.
¹⁸ Цит. по: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР 1945–1953. — М., 2001. С. 398.
¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 623. Л. 2–3.
²⁰ Там же. Л. 2.
²¹ Там же.
²² Цит. по: Правда. 1945. 25 мая.
²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 623. Л. 2.
²⁴ ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 67. Д. 243. Л. 97.
²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 623. Л. 2.
²⁶ Там же. Л. 3.
²⁷ Там же. Д. 583. Л. 4.
²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 583. Л. 4.
²⁹ Там же. Д. 569. Л. 68.
³⁰ Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 128.
³¹ См.: *Есаков В. Д., Левина Е. С.* Сталинские «суды чести»: «Дело “КР”». — М., 2005.
³² Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР 1945–1953... С. 249.
³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1504. Л. 45, 74, 82, 84.
³⁴ *Махнырёв А. Л.* 800-летие Москвы... С. 177–178.
³⁵ См.: *Сталин И. В.* Приветствие Москве // Правда. 1947. 7 сентября.

§ 2. Основы идеологической концепции 30-летия Великого Октября в программных текстах

- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 125. Л. 1.
³⁷ Там же.
³⁸ Там же. Л. 3.
³⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 502. Л. 94–127.
⁴⁰ Цит. по: *Махнырёв А. Л.* 800-летие Москвы... С. 39.
⁴¹ РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 60. Л. 52–151.
⁴² Там же. Л. 140.
⁴³ Там же. Л. 56.
⁴⁴ Там же. Л. 137.
⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 1003. Л. 277.
⁴⁶ См.: *Сталин И. В.* Указ. соч.
⁴⁷ *Пришвин М. М.* Дневники 1946–1947. — М., 2013. С. 703.

- ⁴⁸ Призывы ЦК ВКП(б) к 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1947. 2 ноября; Призывы ЦК КПСС к 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1957. 13 октября.
⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1504. Л. 95.
⁵⁰ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 108. Л. 19.
⁵¹ Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1504. Л. 95–103.
⁵² Там же. Л. 103.
⁵³ Из воспоминаний об издании сочинений И. В. Сталина и его Краткой биографии [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.1stalin.ru/16-8.htm> (датаобращения: 15.01.2019).
⁵⁴ Призывы ЦК ВКП(б) к 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции...
⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1504. Л. 102.
⁵⁶ Там же. Оп. 125. Д. 503. Л. 150–151.
⁵⁷ Призывы ЦК ВКП(б) к 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции...
⁵⁸ *Бордюгов Г. А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. — М., 2010. С. 57.
⁵⁹ См.: *Сталин И. В.* Указ. соч.
⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 623. Л. 21.
⁶¹ *Молотов В. М.* Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1947 г. — М., 1947. С. 5–32.
⁶² Там же. С. 26.
⁶³ Там же. С. 21.
⁶⁴ Там же. С. 27.
⁶⁵ Там же. С. 29.
⁶⁶ *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. — М., 1988. С. 129–131.

§ 3. Особенности политико-идеологического содержания историко-юбилейных мероприятий

- ⁶⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 222. Л. 31–33.
⁶⁸ *Маленков Г. М.* Информационный доклад о деятельности Центрального Комитета ВКП(б) на Совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. — М., 1947. С. 13.
⁶⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 222. Л. 31.
⁷⁰ Постановление ЦК ВЛКСМ от 11 апреля 1947 г. «Об участии комсомольских организаций в социалистическом соревновании» // Сборник Постановлений ЦК ВЛКСМ (ноябрь 1946 г. — август 1947 г.). — М., 1948. С. 66–67.
⁷¹ Правда. — 1947. — 5, 16 октября; 1, 3 ноября.
⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 623. Л. 4.
⁷³ Огонек. 1947. № 42. С. 2–3; Там же. № 43. С. 2–3.
⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 120. Л. 437, 488.

- ⁷⁵ Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О кинофильме “Большая жизнь” от 4 сентября 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Сост. А. Н. Артизов и др. — М., 1999. С. 599.
- ⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 2922. Оп. 3. Ед. хр. 359. Л. 2.
- ⁷⁷ Там же. Ф. 2075. Оп. 7. Ед. хр. 197. Л. 35 об., 37.
- ⁷⁸ Там же. Ф. 3189. Оп. 1. Ед. хр. 2556. Л. 144, 177.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 962. Оп. 5. Ед. хр. 986. Л. 6, 19.
- ⁸⁰ Там же. Ф. 3189. Оп. 1. Ед. хр. 2556. Л. 7 об., 9, 30, 51, 77, 111.
- ⁸¹ *Александрова З.* Тридцать Октябрей // Огонек. 1947. № 44. С. 27.
- ⁸² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 222. Л. 1.
- ⁸³ Правда. 1947. 31 октября.
- ⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 120. Л. 300.
- ⁸⁵ Там же. Л. 299.
- ⁸⁶ Там же. Л. 283.
- ⁸⁷ См. подробнее: Ленинград, 13 января 1944: Улицам в центре города вернули дореволюционные названия [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/spb-news/880414> (дата обращения: 07.02.2019).
- ⁸⁸ Правда. 1947. 8 ноября.
- ⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 120. Л. 217.
- ⁹⁰ Цит. по: Тов. Демьяну Бедному (выдержки из письма) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/13-7.html> (дата обращения: 19.02.2019).
- ⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 120. Л. 221.
- ⁹² Там же. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 1003. Л. 415.
- ⁹³ См.: *Ливанова В.* Знамя советское, знамя народное пусть от победы к победе ведет! (1947) [Электронный ресурс]. — URL: <http://artru.info/il/52458> (дата обращения: 30.10.2018).
- ⁹⁴ См.: *Медведев В.* Да здравствует XXX годовщина Великой Октябрьской социалистической революции // Миф о любимом вожде. Буклет. — М., 2014.
- ⁹⁵ Великая животворная сила советского патриотизма // Правда. 1947. 18 октября.
- ⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 120. Л. 256.
- ⁹⁷ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 39. Д. 151. Л. 3.
- ⁹⁸ Там же. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 1067. Л. 15.
- ⁹⁹ Правда. 1936. 10 февраля.
- ¹⁰⁰ См.: *Геризон М. М.* Закат Сталина и Оттепель: управление культурой в СССР в 1950-х — начале 1960-х гг. Очерки. — М., 2018. С. 61–70.
- ¹⁰¹ О журналах «Звезда» и «Ленинград». Из Постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. // Культура и жизнь. 1946. 20 августа.
- ¹⁰² Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—

- НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А. Н. Яковлева. Сост. А. Н. Артизова, О. В. Наумова. — М., 1999. С. 592.
- ¹⁰³ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 7. Ед. хр. 1559. Л. 1, 4.
- ¹⁰⁴ Цит. по: Сталин: Вы историю изучали? Эйзенштейн: Более или менее... Беседа Сталина с Эйзенштейном и Черкасовым по поводу фильма «Иван Грозный» 26 февраля 1947 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2012/01/25/ivan-groznyy.html> (дата обращения: 19.02.2019).
- ¹⁰⁵ Правда. 1947. 10, 22 октября.
- ¹⁰⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 222. Л. 31.
- ¹⁰⁷ *Кирсанов С.* Будущий день // Огонек. 1947. № 44. С. 1.
- ¹⁰⁸ Правда. 1947. 8 ноября.
- ¹⁰⁹ РГАЛИ. Ф. 2922. Оп. 3. Ед. хр. 359. Л. 2.
- ¹¹⁰ Туркменская искра. 1947. 8 ноября.
- ¹¹¹ Правда. 1947. 22 октября.
- ¹¹² ЦГА Москвы. Ф. Р-2011. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.
- ¹¹³ РГАЛИ. Ф. 3189. Оп. 1. Ед. хр. 275. Л. 132–133.
- ¹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 503. Л. 109.
- ¹¹⁵ См.: *Сталин И. В.* Указ соч.
- ¹¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2922. Оп. 3. Ед. хр. 359. Л. 1 об.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 47.
- ¹¹⁸ Туркменская искра. 1947. 8 ноября.
- ¹¹⁹ Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» // Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991 гг. / Сост. Л. В. Максименков. — М., 2013. С. 299.
- ¹²⁰ Там же. С. 290, 299.
- ¹²¹ Правда. 1947. 18 октября.
- ¹²² Музыка вместо сумбура... С. 300.
- ¹²³ Там же. С. 279–280.
- ¹²⁴ Там же. С. 502.
- ¹²⁵ Вспоминая Тихона Хренникова. К 100-летию со дня рождения [Электронный ресурс]. — URL: <http://golosarmenii.am/article/22166/vspominaaya-tikhona-hrennikova> (дата обращения: 10.02.2019).
- ¹²⁶ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 117. Л. 302.
- ¹²⁷ Там же. Л. 303.
- ¹²⁸ ЦГА Москвы. Ф. Р-2011. Оп. 1. Д. 50. Л. 41–41 об.
- ¹²⁹ Там же. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 1067. Л. 20.
- ¹³⁰ Правда. — 1947. — 8 ноября.
- ¹³¹ См.: *Григорян С. Ю.* Октябрь 1917 в советском плакате. — М., 2017. С. 178.
- ¹³² См.: *Корецкий В.* Сквозь грозы сияло нам солнце свободы, и Ленин великий нам путь озарил. Нас вырастил Сталин — на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил [Электронный ресурс]. — URL: http://www.auction-imperia.ru/book/8_18.htm (дата обращения: 02.11.2018).

- ¹³³ См.: Шагин И., Дружков А., Владимирский Н. Под знаменем Ленина, под водительством Сталина, — вперед, к новому расцвету Советской Родины, к полной победе коммунизма в нашей стране! [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.auction-imperia.ru/wdate.php?t=booklot&i=25479> (дата обращения: 02.11.2018).
- См. Медведев В. Плакат «Да здравствует XXX годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!» ...
- ¹³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 503. Л. 113.
- ¹³⁵ Музыкальная литература. К 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. — М., 1947. С. 2–3.
- ¹³⁶ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 5. Ед. хр. 986. Л. 25.
- ¹³⁷ Молотов В. М. Указ. соч. С. 5–32.
- ¹³⁸ Правда. 1947. 8 ноября.
- ¹³⁹ См. подробнее: Марьямов Г. Б. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. — М., 1992. С. 96–97.
- ¹⁴⁰ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 1067. Л. 19.
- ¹⁴¹ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 7. Ед. хр. 1513. Л. 7–8.
- ¹⁴² Там же. Ед. хр. 1559. Л. 13.
- ¹⁴³ Грузинская выставка изобразительного искусства, посвященная XXX-летию Октябрьской социалистической революции. — Тбилиси, 1947. С. 50, 56.
- ¹⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 2923. Оп. 1. Ед. хр. 315. Л. 3–4.
- ¹⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 503. Л. 109.
- ¹⁴⁶ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 39. Д. 151. Л. 3.
- ¹⁴⁷ Там же. Ф. Р-2011. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.
- ¹⁴⁸ Правда. 1947. 8 ноября.
- ¹⁴⁹ См.: Махнырёв А. Л. 800-летие Москвы... С. 101–103.
- ¹⁵⁰ Православная энциклопедия. — Т. 1. — М., 2000. С. 448.
- ¹⁵¹ Патриаршее послание от 7 ноября 1947 г. // Журнал Московской Патриархии. 1947. № 11. С. 4–5.

§ 4. Характерные черты общественных настроений по поводу юбилея Великого Октября

- ¹⁵² ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 67. Д. 62. Л. 115–118.
- ¹⁵³ Там же. Л. 116.
- ¹⁵⁴ Правда. 1945. 27 июня.
- ¹⁵⁵ ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 67. Д. 62. Л. 116.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 115–118.
- ¹⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 623. Л. 27.
- ¹⁵⁸ Там же. Л. 29.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Цит. по: Сохраним в памяти Москву. XX век. Сороковые. — М., 2013. С. 362.
- ¹⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 623. Л. 28.

- ¹⁶² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 223. Л. 13–16.
- ¹⁶³ Там же. Л. 36, 48.
- ¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 39. Д. 45. Л. 18, 22, 40.
- ¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 623. Л. 44–54.
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 1.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 104.
- ¹⁶⁸ Там же. Л. 75.
- ¹⁶⁹ Там же. Л. 21, 33.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 50.
- ¹⁷¹ Там же. Л. 50 об.
- ¹⁷² Там же.
- ¹⁷³ Там же. Л. 50.
- ¹⁷⁴ Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). — СПб., 2009. С. 3.
- ¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 49. Д. 2834. Л. 149–152.
- ¹⁷⁶ Там же. Д. 2831. Л. 86.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 87.
- ¹⁷⁸ Там же. Л. 85.
- ¹⁷⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 235. Л. 8.
- ¹⁸⁰ См. материал РГАСПИ. Ф. 558. (С выставки в РГАСПИ «Личный фонд Сталина: документы и опыт их репрезентации».)
- ¹⁸¹ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 39. Д. 45. Л. 80–81.
- ¹⁸² ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 39. Д. 45. Л. 99.
- ¹⁸³ Там же.
- ¹⁸⁴ Молотов В. М. Указ. соч. С. 31.
- ¹⁸⁵ Пришвин М. М. Указ. соч. С. 703.
- ¹⁸⁶ Цит. по: Сталинские премии: две стороны одной медали: сборник документов и художественно-публицистических материалов / Сост. В. Ф. Свинынь, К. А. Осеев. — Новосибирск, 2007. С. 304.
- ¹⁸⁷ Пришвин М. М. Указ. соч. С. 704.
- ¹⁸⁸ Дмитриев С. С. Дневники: в 4 т. Т. 1. 1941–1960 / Подг. текста Е. Н. Мухиной. — СПб., 2023. С. 142.
- ¹⁸⁹ Вавилов С. И. Дневники, 1909–1951. В 2 кн. Кн. 2. 1920, 1935–1951 / Отв. ред. В. М. Орел. Сост. и хранитель личного архива академика С. И. Вавилова В. В. Вавилова. Ред.—сост. Ю. И. Кривоносов. — М., 2012. С. 328–329.
- ¹⁹⁰ Сохраним в памяти Москву. XX век. Сороковые... — С. 362.
- ¹⁹¹ Дмитриев А. И. Дневник [Электронный ресурс]. — URL: <https://corpus.prozhito.org/notes?diaries=%5B426%5D&diaryTypes=%5B1%5D&offset=125>

§ 5. Результаты увековечивания памяти 30-летия Советской власти

- ¹⁹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 623. Л. 22–23.
- ¹⁹³ ЦГА Москвы. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 89. Л. 291.
- ¹⁹⁴ См.: Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. — М., 1947.
- ¹⁹⁵ См.: Медведев В. Да здравствует XXX годовщина Великой Октябрьской социалистической революции...
- ¹⁹⁶ См. Махнырёв А. Л. 800-летие Москвы... С. 78.
- ¹⁹⁷ См.: Миф о любимом вожде. Буклет.

¹⁹⁸ См.: *Викторов В.* 800 лет Москвы (1947) [Электронный ресурс]. — URL: <https://ретрокниги.рф/wa-data/public/shop/products/92/07/792/images/1666/1666.750x0.jpg> (дата обращения: 04.03.2019).

¹⁹⁹ РГАНИ. Ф. 2943. Оп. 1. Ед. хр. 2422. Л. 8, 17, 28.

²⁰⁰ См. постоянную экспозицию Музея кружева в г. Вологде.

Глава вторая Зеркало второе Празднование 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции

§ 1. Процесс организации Октябрьского юбилея и политический контекст

²⁰¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964: в 3 т. / Под ред. А. А. Фурсенко. — М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи. Стенограммы. С. 229.

²⁰² Постановление ЦК КПСС «О подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» // Правда. 1957. 17 марта.

²⁰³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 236. Л. 101.

²⁰⁴ Там же. Д. 237. Л. 1.

²⁰⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964... Т. 1. С. 292.

²⁰⁶ Правда. 1957. 7 ноября.

²⁰⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 236. Л. 77.

²⁰⁸ Там же. Л. 110.

²⁰⁹ Там же. Л. 97.

²¹⁰ Там же. Л. 94.

§ 2. Трансформации юбилейной идеологической концепции

²¹¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 235. Л. 10, 25.

²¹² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964... Т. 1. С. 229.

²¹³ Там же.

²¹⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 235. Л. 26, 29.

²¹⁵ Цит. по: Постановление Президиума ЦК КПСС «Письмо ЦК КПСС к партийным организациям “Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов”» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coldwar.ru/hrushev/postanovleniye-ob-usilenii-politicheskoy-raboti.php> (дата обращения: 04.03.2019).

²¹⁶ Постановление ЦК КПСС «О подготовке к празднованию...»

²¹⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 235. Л. 32.

²¹⁸ *Молотов В. М.* Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции... — С. 11.

²¹⁹ См.: Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. — М., 1957–1958.

²²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 24. Л. 89.

²²¹ Там же. Л. 93.

²²² Там же. Л. 95–96.

²²³ Там же. Ф. 3. Оп. 22. Д. 236. Л. 22–23.

²²⁴ К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции (1917–57) / Тезисы Отд. пропаганды и агитации ЦК КПСС и Ин-та марксизма ленинизма при ЦК КПСС. — М., 1957. С. 3–63.

²²⁵ Там же. С. 48.

²²⁶ Там же. С. 18.

²²⁷ Призывы ЦК КПСС к 40-й годовщине...

²²⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 237. Л. 4–13, 16–24.

²²⁹ Призывы ЦК КПСС к 40-й годовщине...

²³⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 237. Л. 12.

²³¹ Там же. Ф. 5. Оп. 33. Д. 26. Л. 97.

²³² Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 271. Л. 1–48.

²³³ Там же. Л. 85–102.

²³⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964... Т. 1. С. 291.

²³⁵ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 271. Л. 61–84, 103–108. Там же. Ф. 3. Оп. 22. Д. 237. Л. 129.

²³⁶ Там же. Л. 148.

²³⁷ Там же. Л. 139, 153.

²³⁸ Там же. Л. 137–151.

²³⁹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964... Т. 1. С. 291.

²⁴⁰ *Хрущёв Н. С.* Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции // Юбилейная сессия Верховного Совета СССР. — М., 1957. С. 7–62.

²⁴¹ Там же. С. 41.

²⁴² Там же. С. 44.

²⁴³ *Чуев Ф. И.* Молотов. Полудержавный властелин. — М., 1999. С. 443.

²⁴⁴ *Хрущёв Н. С.* Указ. соч. С. 45.

²⁴⁵ Там же. С. 43.

²⁴⁶ Там же. С. 27–28.

²⁴⁷ Там же. С. 7–62.

²⁴⁸ *Молотов В. М.* Указ. соч. — С. 5–32.

²⁴⁹ *Хрущёв Н. С.* Указ. соч. — С. 30.

²⁵⁰ *Таубман У.* Хрущёв. — С. 373.

²⁵¹ *Хрущёв Н. С.* Указ. соч. С. 45.

²⁵² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 24. Л. 119; Там же. Ф. 3. Оп. 22. Д. 238. Л. 20.

²⁵³ Там же. С. 59.

²⁵⁴ *Хрущёв Н. С.* Указ. соч. С. 51.

²⁵⁵ Там же. С. 49.

²⁵⁶ Правда. 1957. 8 ноября.

²⁵⁷ Там же. 7 ноября.

²⁵⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 237. Л. 106, 110.

²⁵⁹ Там же. Д. 238. Л. 138, 142.

§ 3. Новые политико-идеологические тенденции в содержании мероприятий в честь 40-летнего юбилея Великого Октября

²⁶⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 38. Л. 195.

²⁶¹ Там же. Д. 31. Л. 141, 168.

²⁶² Там же. Д. 29. Л. 54.

²⁶³ Там же. Оп. 34. Д. 22. Л. 100.

²⁶⁴ Там же. Ф. 2077. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 88.

²⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 2620. Оп. 2. Ед. хр. 224. Л. 16.

²⁶⁶ Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в 13 т. — М., 1957. Т. 6. Стихотворения, поэмы 1924–1925. С. 237–238.

²⁶⁷ Символы эпохи в советском плакате / Автор текста Т. Г. Колоскова; сост. Е. В. Арсланова, О. В. Китахова, Е. В. Коломийцева и др. — М., 2001. С. 173.

²⁶⁸ Там же. С. 189.

²⁶⁹ См.: Гордон М. Ленин вечно живой (1957) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.sovietposters.ru/pages_rus/095.htm (дата обращения: 30.10.2018).

²⁷⁰ См.: Рассказы о Ленине [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=6TJpGYiNiKQ> (дата обращения: 24.11.2018).

²⁷¹ Омская областная выставка произведений художников, посвященная 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. — Омск, 1957. С. 5–6.

²⁷² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 27. Л. 183–185.

²⁷³ РГАЛИ. Ф. 3189. Оп. 1. Д. 1033. Л. 3.

²⁷⁴ См.: Рассказы о Ленине...

²⁷⁵ ЦГА Москвы. Ф. П-83. Оп. 1. Д. 2085. Л. 117.

²⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 5. Ед. хр. 161. Л. 20.

²⁷⁷ Там же. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 1534. Л. 31.

²⁷⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 24. Л. 101.

²⁷⁹ Челябинская область за 40 лет Советской власти. — Челябинск, 1957. С. 145.

²⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 91. Л. 3.

²⁸¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 30. Ед. хр. 642. Л. 8, 84, 85.

²⁸² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 29. Л. 176.

²⁸³ Грозный за 40 лет Советской власти. — Грозный, 1957. С. 29.

²⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 3189. Оп. 1. Ед. хр. 785. Л. 19.

²⁸⁵ Там же. Ф. 2077. Оп. 2. Ед. хр. 90. Л. 51.

²⁸⁶ См.: Рассказы о Ленине...

²⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 3189. Оп. 1. Ед. хр. 785. Л. 25.

²⁸⁸ Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ. — М., 1958. С. 92.

²⁸⁹ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 1534. Л. 103.

²⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 2077. Оп. 2. Ед. хр. 90. Л. 5, 7–8, 10, 14, 23, 43.

²⁹¹ См.: Иванов В. (1957) Слава КПСС! [Электронный ресурс]. — URL: http://www.sovietposters.ru/pages_rus/413.htm (дата обращения: 30.10.2018).

²⁹² См.: Иванов В. Народ и партия — едины! (1957) [Электронный ресурс]. — URL: <http://my-ussr.ru/soviet-posters/communist/174-communist-posters-ussr-party.html?start=2> (дата обращения: 30.10.2018).

²⁹³ Символы эпохи в советском плакате... С. 172–173.

²⁹⁴ См. подробнее: Махнырёв А. Л. К вопросу о выборе дат празднования исторических юбилеев в СССР (1945–1964 гг.) // Научные труды международной научно-практической конференции РГАУ — МСХА К. А. Тимирязева, ЛНАУ 14–15 июня 2012 года. Т. 6. История. — М.; Луганск, 2012. С. 164–172.

²⁹⁵ Маршак С. Я. Два праздника // Правда. 1957. 16 июня.

²⁹⁶ Ленинграду — 250 лет [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.net-film.ru/film-4781> (дата обращения: 29.01.2019).

²⁹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 22. Л. 91–92.

²⁹⁸ Ленинграду — 250 лет...

²⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 30. Ед. хр. 642.

³⁰⁰ Киножурнал «Новости дня». 1957. № 40. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.net-film.ru/film-10451> (дата обращения: 19.11.2018).

³⁰¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 48. Л. 108.

³⁰² Там же. Л. 114.

³⁰³ Там же. Д. 43. Л. 58.

³⁰⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 38. Ед. хр. 931. Л. 3.

³⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 90. Л. 111.

³⁰⁶ Важнейший этап на пути к Октябрю // Правда. 1957. 12 марта.

³⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 90. Л. 111.

³⁰⁸ История под глазурию. Советский агитационный и тематический фарфор. Каталог. — М., 2012. С. 69.

³⁰⁹ Правда. 1957. 9 ноября.

³¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. Л-33. Оп. 1. Д. 282. Л. 22–25.

³¹¹ Там же. Ф. П-4. Оп. 104. Д. 10. Л. 8.

³¹² Киножурнал «Советский Урал». 1957. № 39. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.net-film.ru/found-page-1/?search> (дата обращения: 18.11.2018).

³¹³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 38. Ед. хр. 931. Л. 1 об.

³¹⁴ Грозный за 40 лет Советской власти. С. 160.

³¹⁵ Челябинская область за 40 лет Советской власти... С. 3.

³¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2077. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 10.

³¹⁷ ЦГА Москвы. Ф. П-83. Оп. 1. Д. 2085. Л. 66; От Музея истории и реконструкции Москвы к Музею истории Москвы // Московский журнал. История государства Российского. 2021. № 12. [Электронный ресурс]. — URL: <https://mosjour.ru/article/265-ot-muzeya-istorii-i-rekonstrukcii-moskvy-k-muzeyu-istorii-moskvy> (дата обращения: 03.03.2022)

- ³¹⁸ ГА РФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1633. Л. 3.
- ³¹⁹ Там же.
- ³²⁰ *Поправко Е. А.* Музееведение [Электронный ресурс]. – URL: <http://abc.vvsu.ru/Books/muzeebed/page0001.asp> (дата обращения: 26.10.2018).
- ³²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 29. Л. 58, 60, 62.
- ³²² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 38. Ед. хр. 931. Л. 1.
- ³²³ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 91. Л. 210.
- ³²⁴ Там же.
- ³²⁵ ЦГА Москвы. Ф. Л-33. Оп. 1. Д. 283. Л. 16 об., 17 об.
- ³²⁶ РГАЛИ. Ф. 2077. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 91.
- ³²⁷ Там же. Л. 97.
- ³²⁸ Там же. Ф. 2082. Оп. 2. Ед. хр. 98. Л. 10.
- ³²⁹ Правда Украины. 1957. 8 ноября.
- ³³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 20. Л. 75.
- ³³¹ Там же.
- ³³² РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 91. Л. 37.
- ³³³ РГАЛИ. Ф. 3189. Оп. 1. Ед. хр. 1033. Л. 61.
- ³³⁴ Там же. Ф. 2486. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 6, 9, 15.
- ³³⁵ «Мат» Т. Хренникова на трех сценах [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.b-teatr.ru/recs/id18/> (дата обращения: 10.02.2019).
- ³³⁶ Незабываемые годы (Сквозь годы мчась) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.net-film.ru/film-4861/?search=qсквозь+годы+мчась|f1957|t1957> (дата обращения: 26.10.2018).
- ³³⁷ ГА РФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1641. Л. 219–220.
- ³³⁸ *Окуджава Б. Ш.* Лирика, проза. — Екатеринбург, 2003. — С. 20.
- ³³⁹ См.: Рассказы о Ленине...
- ³⁴⁰ См.: *Кокорекин А.* Вся власть Советам! (1957) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sovietposters.ru/pages_rus/051.htm (дата обращения: 30.10.2018).
- ³⁴¹ См.: *Коминарец И.* Да здравствует союз рабочих и крестьян — основа Советской власти! (1957) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sovietposters.ru/pages_rus/167.htm (дата обращения: 30.10.2018).
- ³⁴² См.: *Иванов В.* Советскому народу — первому строителю социализма — слава! (1957) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sovietposters.ru/pages_rus/402.htm (дата обращения: 30.10.2018).
- ³⁴³ См.: *Иванов В., Бузова О.* Вперед, к победе коммунизма! 1917–1957 гг. (1957) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sovietposters.ru/pages_rus/152.htm (дата обращения: 30.10.2018).
- ³⁴⁴ См.: *Брискин В., Иванов К.* Слава народу-герою, народу-созидателю! Слава Ленинской Партии! (1957) // *Григорян С. Ю.* Октябрь 1917 в советском плакате. С. 208.
- ³⁴⁵ Челябинская область за 40 лет Советской власти... — С. 674–675.
- ³⁴⁶ Киножурнал «Советский Урал». 1957. № 39 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.net-film.ru/found-page-1/?search> (дата обращения: 18.11.2018).

- ³⁴⁷ *Орлов С. С.* Второй [Электронный ресурс]. – URL: <http://abc.vvsu.ru/Books/muzeebed/page0001.asp> (дата обращения: 27.10.2018).
- ³⁴⁸ *Столун С.* Полный текст русского перевода Интернационала [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.proza.ru/2017/11/18/1101> (дата обращения: 10.02.2019).
- ³⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 3. Ед. хр. 43. Л. 23.
- ³⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 93. Л. 2.
- ³⁵¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 30. Ед. хр. 642. Л. 34.
- ³⁵² Там же. Ф. 2943. Оп. 1. Ед. хр. 2057. Л. 8.
- ³⁵³ Наглядные пособия пропагандиста // Московский пропагандист. 1957. № 12. С. 73–75.
- ³⁵⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 26. Л. 25.
- ³⁵⁵ ГА РФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1632. Л. 141.
- ³⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 93. Л. 3.
- ³⁵⁷ *Бордюгов Г. А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. — М., 2010. С. 60.
- ³⁵⁸ Там же. С. 59.
- ³⁵⁹ *Твардовский А. Т.* Октябрьские строфы // Правда. 1957. 24 ноября.
- ³⁶⁰ Навстречу великой годовщине [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=T8qQsdvK6Ik> (дата обращения: 12.02.2019).
- ³⁶¹ *Стыкалин А. С.* Последний визит Мао [Электронный ресурс]. URL: <http://urokiistorii.ru/article/54448> (дата обращения: 27.10.2018).
- ³⁶² *Твардовский А. Т.* Указ. соч.
- ³⁶³ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 4. Ед. хр. 1577. Л. 5, 8–9.
- ³⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 93. Л. 33.
- ³⁶⁵ *Георгий Жуков.* Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и др. документы / Сост. В. П. Наумов, М. Ю. Прокуменщиков и др. — М., 2001. С. 485.
- ³⁶⁶ Там же. С. 479.
- ³⁶⁷ Правда. 1957. 3–6 ноября.
- ³⁶⁸ *Георгий Жуков.* Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС... С. 490–491.
- ³⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 3189. Оп. 1. Ед. хр. 785. Л. 4.
- ³⁷⁰ *Чупринин С. И.* Оттепель. События. Март 1953 – август 1968 года. 2-е издание. М., 2022. С. 357
- ³⁷¹ Там же. С. 357–358.
- ³⁷² ЦГА Москвы. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 26.
- ³⁷³ Омская областная выставка... — С. 5–17.
- ³⁷⁴ ЦГА Москвы. Ф. Л-33. Оп. 1. Д. 282. Л. 1–21.
- ³⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 5. Ед. хр. 161. Л. 49.
- ³⁷⁶ Там же. Оп. 13. Ед. хр. 1345. Л. 14–17.
- ³⁷⁷ Там же. Оп. 5. Ед. хр. 161. Л. 91.
- ³⁷⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 27. Л. 3.
- ³⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 30. Ед. хр. 642. Л. 63, 68.
- ³⁸⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 48. Л. 153.

- 381 Там же. Л. 2.
 382 РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 93. Л. 21.
 383 Там же. Л. 15.
 384 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 53. Л. 139–140; Там же. Оп. 34. Д. 22. Л. 94–95.
 385 Там же. Оп. 33. Д. 24. Л. 101.
 386 Там же. Л. 106.
 387 Киножурнал «Новости дня». 1957. № 44 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.net-film.ru/film-10455> (дата обращения: 12.02.2019).
 388 ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 104. Д. 9. Л. 238.
 389 Там же. Л. 242.
 390 Красная звезда (Владивосток). 1957. 8 ноября.
 391 *Стыкалин А. С.* Указ соч.
 392 Там же.
 393 Там же.
 394 *Дожубей А. И.* Те десять лет. — М., 1989. С. 192.
 395 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 26. Л. 102.
 396 Постановление ЦК ВЛКСМ от 27 ноября 1957 г. «О работе комсомольских организаций по пропаганде Декларации и Манифеста мира, принятых на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве» // Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ. С. 403.
 397 Навстречу великой годовщине...
 398 Постановление ЦК ВЛКСМ от 27 ноября 1957 г. ... С. 403.
 399 *Стыкалин А. С.* Указ соч.
 400 Телеграмма Святейшего Патриарха Алексия // Журнал Московской Патриархии. 1957. № 11. С. 3.
 401 Из доклада В. А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных совета 21 апреля 1960 г. // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 62.
 402 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 25. Л. 3–4.

§ 4. Изменения общественных настроений по поводу юбилея Октябрьской революции

- 403 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 22. Л. 124, 127.
 404 Там же. Оп. 32. Д. 82. Л. 119, 122, 125.
 405 Там же. Оп. 33. Д. 27. Л. 45–48.
 406 ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 25. Л. 75.
 407 Там же. Л. 86.
 408 Цит. по: *Чупринин С. И.* Указ соч. С. 358.
 409 ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 25. Л. 87.
 410 НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 1152. Л. 8.
 411 ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 26. Т. II. Л. 131, 134.
 412 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 54. Л. 134
 413 Там же. Оп. 34. Д. 38. Л. 3–8.
 414 ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 26. Т. II. Л. 25.

- 415 Там же. Д. 24. Л. 86.
 416 Там же. Л. 80.
 417 Там же. Д. 25. Л. 20.
 418 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 года «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и др. населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям» // Ведомости ВС СССР. 1957. № 28. С. 662.
 419 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 88. Л. 125.
 420 ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 25. Т. I. Л. 144–148.
 421 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 235. Л. 72–74.
 422 Там же. Ф. 5. Оп. 33. Д. 19. Л. 126.
 423 РГАСПИ. Ф. 614. Оп. 1. Д. 4. Л. 73, 96; Там же. Д. 2. Л. 30; Там же. Д. 3. Л. 24.
 424 Там же. Д. 2. Л. 30, 52, 123.
 425 Там же. Л. 35; Там же. Д. 5. Л. 103.
 426 Там же. Л. 117; Там же. Д. 3. Л. 3.
 427 РГАЛИ. Ф. 2930. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 20.
 428 Там же. Л. 30.
 429 Там же. Ф. 970. Оп. 25. Ед. хр. 1199. Л. 27.
 430 Там же. Л. 26.
 431 Там же. Ф. 2930. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 27.
 432 Там же. Л. 10.
 433 Там же. Л. 39.
 434 Там же. Л. 8.
 435 Там же. Ф. 2930. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 59.
 436 Там же. Ф. 970. Оп. 25. Ед. хр. 1199. Л. 43.
 437 Там же.
 438 Там же. Ф. 2930. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 66.
 439 Там же.
 440 Там же. Ф. 970. Оп. 5. Ед. хр. 161. Л. 77.
 441 *Чупринин С. И.* Указ соч. С. 357.
 442 ЦГА Москвы. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 17. Л. 70, 283, 295.
 443 Там же. Д. 19. Л. 91.
 444 Там же. Л. 243.
 445 *Дмитриев С. С.* Указ соч. С. 981.
 446 ЦГА Москвы. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 20. Л. 430.
 447 РГАЛИ. Ф. 3189. Оп. 1. Ед. хр. 1033. Л. 21.
 448 Там же. Д. 17. Л. 229, 282.
 449 Там же. Д. 20. Л. 1.
 450 Там же. Д. 19. Л. 336.
 451 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 88. Л. 125.
 452 ЦГА Москвы. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 18. Л. 228–474; Там же. Д. 19. Л. 168.
 453 ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 492. Л. 223–224, 226.
 454 *Дмитриев С. С.* Указ соч. С. 976–977.

§ 5. Проблемы увековечивания памяти 40-летия Великого Октября

⁴⁵⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 235. Л. 22.

⁴⁵⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964... Т. 1. С. 229.

⁴⁵⁷ ЦГА Москвы. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 354. Л. 2.

⁴⁵⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 27. Л. 51–53.

⁴⁵⁹ Там же. Л. 26–31.

⁴⁶⁰ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 105. Д. 120. Л. 16–18.

⁴⁶¹ Кукина Е. М., Кожеевников Р. Ф. Рукотворная память Москвы. — М., 1997. С. 257–258.

⁴⁶² Там же. С. 257.

⁴⁶³ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 105. Д. 120. Л. 16.

⁴⁶⁴ Сытин П. В. Из истории московских улиц. — М., 1958. С. 543.

⁴⁶⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 года...

⁴⁶⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 88. Л. 21.

⁴⁶⁷ Там же. Л. 125.

⁴⁶⁸ Там же. Л. 18.

⁴⁶⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 22. Д. 235. Л. 65.

⁴⁷⁰ См.: Ленинград. Энциклопедический справочник. — М.; Л., 1957.

⁴⁷¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 29. Л. 179.

⁴⁷² Там же. Л. 178.

Приложения

⁴⁷³ Таблица составлена на основании материалов: Правда. 1957. 7 ноября.

⁴⁷⁴ Таблица составлена на основании материалов: ЦГА Москвы. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 26.

12+

Антон Леонидович Махнырёв

**30 и 40 лет Великого Октября:
что отразилось в зеркалах
юбилеев революции?**

Редактор *Е. В. Горшкова*

Корректор *Т. В. Никонова*

Оригинал-макет *А. А. Крыласов*

Дизайн обложки *А. А. Крыласов*

Подписано в печать 29.05.2019. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 12,5

Тираж 100 экз. Заказ № 1666

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел.: +7 960 243 32 82

*В. Медведев. Плакат «Да здравствует XXX годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!»
Рига, 1947 г.
Государственный исторический музей (ГИМ)*

Шагин И., Дружков А., Владимирский Н. Плакат «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина — вперед к новому расцвету Советской Родины к полной победе коммунизма в нашей стране!» Москва-Ленинград, 1947 г. ГИМ.

*М. Гордон. Плакат «Ленин вечно живой».
Москва, 1957 г. ГИМ*

*В.И. Ленин у карты ГОЭЛРО.
Художник Л. Шматько.
Харьков, 1957 г. ГИМ*